Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 9 — 5 АВГУСТА

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. БУХАРИНА
ИЛ. ВАРДИНА
Л. КАМЕНЕВА

1 9 2 4
М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНАЯ НОВЬ

Главлит № 24147 Тираж 50 000 экз.

4-я Типография „Мосполиграф“, Москва, Армянский пер., д. 6.

Десятилетие мировой войны.

Пара недель поиадобнлась для того, чтобы весь капиталистический мир от Японии до Ирландии загорелся и — началась первая мировая империалистическая войиа. Пары недель оказалось достаточным для всемирного военного взрыва, ибо империализм целиком, во всех своих частях был подготовлен к тому, чтобы от одной искры загореться пламенем невидаиных пожаров.

Война—это была величайшая победа капитализма и одиовременно величайшее его поражение. Это была победа, ибо капитализм сразу все подчинил своей власти, своей воле,—даже и те силы, которые дотоле, казалось, находились в иепримиримой вражде с ним: капитализм сразу выступил в качестве бесспорнейшего вождя и гегемона иации. всех ее классов. „Граждаиский мир“ означал „всеобщее“ призиаиие буржуазии единственным „спасителем“ нации, государства, культуры.

Но одновременно войиа исторически была величайшим поражением капитализма, ибо оиа вскрыла его полное бессилие справиться со своими собственными противоречиями—без чудовищной растраты, разрушеиия расхищения колоссальнейших материальных благ, без уничтожения десятков миллионов человеческих жизней без того, чтобы в течение ряда лет превратить мир в одну гигантскую фабрику саморазрушеиня.

Основные итоги войны известны. По самой скупой официальной статистике убито 9.890.000, ранено 23.900.000. Количество убитых равно количеству иаселения всей Болгарии и Швеции. Количество увеченных равно количеству населеиия Швеции, Финляндии, Литвы, Эстонии, Болгарии. Военные издержки, не считая военных долгов, составляют около 500 миллиардов руб., военные разрушения — около 80 миллиардов руб. (одних пароходов потоплено на $3^1/_3$ миллиарда), материальные убытки от человеческих потерь — смерти, ранений, болезией — 15 миллиардов руб. Всего расходы, вызванные войною, и потери, вызванные войной, выражаются в сумме около 600 миллиардов руб. Что эта сумма озиачает?

До войны ежегодный иациональный доход Америки выражался в сумме 70 миллнардов руб., доход Англии—22 миллиарда, Германии—21 миллнард, России—13, Франции—12, Австро-Венгрии—8. Всего шесть решающих страи мира получали ежегодно 146 миллиардов руб., т. е. $^1/_4$ того, что было загублено за четыре года четыре месяца войны. Кто, когда, какими путями, какими реальными средствами возместит человечеству эти неслыханные потери? Кто, когда, какими реальными средствами залечит эти раны, иаиесенные миру капитализмом?

Империалистическая войиа исторически являлась величайшим поражением капитализма, империалистический мир обнаружил его

полнейшее банкротство—банкротство по линии политической, экономической, идеологической, банкротство решительное, непоправимое.

Начнем с *идеологии*. Ни одного слова правды относительно своей собственной войны империализм сказать не смел. Вся она была основана на невероятной лжи, на чудовищном обмане, лицемерии. В этом смысле война велась империализмом *воровским способом*. Этот способ мог удаться капитализму потому, что его целиком поддержала социал демократия. Но замечательно то, что капиталистические руководители мира не смели открыто проповедывать массам подлинные цели войны, ибо эти цели давным давно скомпрометированы, ибо подлинная военно-империалистская идеология—есть идеология бессмысленного чудовищного грабежа и насилия. Не смея говорить правду о своей войне, буржуазия творила легенды о войне „справедливой", „освободительной", о „последней войне" во имя „права" и „цивилизации". *Программа Вильсона*, которую на словах принимали все империалисты, содержала в себе обещания об открытой дипломатии, о сокращении вооружений, об устранении всех „экономических барьеров", о „всеобщей лиге наций в целях создания взаимных гарантий политической независимости и территориальной неприкосновенности как великих, так и малых государств", и т. д. и т. п.

Программа Вильсона провозглашала „принцип справедливого отношения ко всем народам и национальностям и их праву на существование в одинаковых условиях свободы и безопасности в отношении друг к другу, все равно, принадлежат ли они к числу сильных или слабых народов. *Если этот принцип не будет положен в самую основу международных отношений, то никакого международного права и справедливости быть не может*". Заключительные строки вильсоновской программы мира, оглашенной 8 января 1918 года, звучали так: „*Наступил момент морального перелома, наступила последняя война за свободу человечества*, и американский народ готов бросить на весы свое собственное могущество, свои высшие цели и стремления, самое свое существование и преданность идеалам".

Такова была официальная программа и идеология войны всех воюющих держав, в том числе и вильгельмовской Германии, где также немало прекрасных слов было наговорено относительно „свободы", „права" и „справедливости". Когда от слов перешли к делу, сначала в Германии и затем в странах Антанты эта вильсоновская программа, демократическая идеология войны, потерпела полнейший крах. Легенды о „справедливой" войне были рассеяны, подлинные цели, подлинное лицо империализма раскрылось. И если широкие массы в войну вступали и войну проделывали, находясь под гипнозом „возвышенной" идеологии империалистической войны, то уже после империалистического мира, сначала брестского, затем версальского, ценность этой великолепной идеологии для всех очевидна. Империализм лишился красивого идеологического прикрытия, ныне он стоит перед лицом человечества в виде чудовищного обнаженного зверя.

* * *

600 миллиардов, в том или ином виде загубленных на войне. Европа должна Америке 16 миллиардов руб., в том числе Англия 7 миллиардов. Союзники должны Англии 14 миллиардов, в том числе Франция—4½ миллиарда. Как, какими средствами, из каких *реальных источников* будут погашены эти долги? Когда и как будут созданы те *новые* богатства, часть которых может пойти на оплату долгов?

Победоносный антантовский империализм располагает при решении *проблемы восстановления* двумя основными источниками: 1) Германия, 2) „свой" рабочий класс. Ограбление Германии все послевоенные годы шло весьма успешно, однако, воинствующая империалистская клика Франции добивается уничтожения Германии, как крупнейшей индустриальной державы, и окончательного упрочения военной и промышленной гегемонии Франции над Европой. Такое „решение" репарационной проблемы резко обостряет внутренние отношения между союзниками. В итоге—новейшая попытка „справедливого" решения вопроса в виде плана экспертов. Что касается другого источника „восстановления"—рабочего класса, то его эксплоатация за период *наступления капитала* (1921—23 г.г.) все возрастала. В 1924 г. намечается все возрастающая *активность пролетариата*, что „осложняет" положение буржуазии, затрудняя ее работу по залечиванию ран послевоенного капитализма.

В чем сущность плана экспертов? По линии международной это означает: *гегемония в Европе принадлежит не Франции, а Америке*. С кем при этом Америка будет „сотрудничать"—с Англией или Францией,—этот вопрос окончательно еще не решен. По линии внутригерманской план экспертов означает переложение центра репарационных тяжестей на плечи рабочего класса. Репарационная доля германских рабочих увеличивается—ценою резкого ухудшения их положения. Но усиление эксплоатации немецкого пролетариата означает неизбежное ухудшение положения рабочего класса и других стран. Уже в *международном* масштабе капитализм восстанавливается ценою огромного понижения жизненного уровня пролетариата.

Но выработать „мудрый" план экспертов не значит провести его в жизнь. Три основных препятствия лежат на пути осуществления этого плана.

Первое препятствие—Германия. Она „принимает" проект экспертов, как приняла в свое время Версальский мир, как приняли мы в 1918 году Брестский мир. Всяческими путями осуществление этого плана Германия будет саботировать, при первой же малейшей возможности она попытается душащий ее репарационный план сорвать.

Второе препятствие—разногласия между Англией и Францией, Англией и Америкой. Лондонская конференция (июль-август 1924 г.), созванная в целях примирения расходящихся точек зрения англо-франко-американской буржуазии, не даст этого примирения и дать не может, ибо *ничего нового в политике Франции по существу нет, ибо Эррио продолжает Пуанкаре*.

6 июля во французском сенате, после ораторской дуэли Пуанкаре-Эррио, между партиями национального блока и левого блока было достигнуто единогласие. Группа Пуанкаре во главе со своим шефом выразила доверие правительству Эррио потому, что заявления Эррио по вопросам внешней политики удовлетворили Пуанкаре и его партию. Но это значит, что серьезное, длительное примирение англо-французской политики становится невозможным.

Третье препятствие, стоящее на пути осуществления плана экспертов это — борьба германского и международного пролетариата против плана, в основе которого лежит безграничная эксплоатация рабочего класса. Каждая крупная стачка будет ударом по плану экспертов. Срыв попытки экономического закабаления пролетариата будет срывом этого „гениального“ плана. Борьба в защиту 8 мичасового рабочего дня, борьба против уменьшения заработной платы это есть самая действительная борьба против репарационного плана мирового капитала... Проблема восстановления остается... проблемой.

Спасения ждут от Америки. Ллойд-Джордж в книге „Мир ли это?“ (Изд-во „Пучина“ Ленинград-Москва, 1924 г.) — пишет:

„Существует ли единственная возможность справедливого и окончательного решения в деле репараций, — добиться присутствия представителя Северо-Американских штатов в учреждении, имеющем решить этот вопрос. Если Америка не примет участия в вопросе репараций, решение этого вопроса по существу будет отсрочено до рокового момента непоправимого бедствия. Если Америка не может занять пустующего места в международном трибунале, который должен разрешить роковые для человечества спорные вопросы, то я не имею ни малейшей надежды на возможность какого бы то ни было улучшения в общем положении“ („Мир-ли это?“, стр. 55).

И вот, Америка пришла в Европу, точнее, вернулась в нее после ухода в 1919 году. Но оправдаются ли надежды бывшего премьера Британской империи? Спасет ли республика банкиров — Джек Лондон называл ее „республикой разжиревших свиней“ — спасет ли эта великая республика доллара измученную истерзанную Европу? Ж. Кайо — бывший премьер Франции — иначе смотрит на дело, чем Ллойд-Джордж. В книге: „Куда идет Франция? куда идет Европа?“ (Госиздат, 1923 г.) Кайо пишет:

„Одряхлевшая Европа стоит перед лицом Америки и других стран, находящихся в состоянии горячки и гипертрофии. Соединенные штаты, Япония, Канада, Австралия страдают от финансовой и экономической разрухи, от того, что не находят, как прежде, рынков на нашем полушарии и не получают больше оттуда фабрикатов (стр. 14).

Америка возвращается в Европу, — но у нее свои проблемы, свои кризисы. Она поддержит Европу, как веревка поддерживает повешенного. Америка будет „спасать“ Европу в качестве своей.. колонии. В самом деле, с чем республика миллиардеров вернулась в Европу? В 1918—1919 г.г. значительные массы измученного войной мещанства и даже рабочего класса Европы от могущественной республики ждали чуда, ждали каких-то неиз'яснимых благ от Вильсона, от 14-ти пунктов его программы. Капиталистическая идеология войны не была еще разоблачена до конца, демократически-пацифистские иллюзии были еще сильны.

А теперь — с чем приходят Дауэс и Юз? С чем приходит Морган? Что несут они Европе, что несут Германии? План экспертов — какому из 14-ти пунктов вильсоновской программы соответствует он?

Заем в 200—300 миллионов рублей для Германии — вот то „чудо“, которое обещает совершить моргановская „демократия“, если... если Европа будет вести себя прилично. Получив заем, Германия упрочит свои финансы и начнет аккуратно выплачивать репарационные суммы. А ее железные дороги, ее промышленность будет работать под „контролем“ международного, т. е. прежде всего и главным образом американского, капитала. „Контролируя“ Германию, регулируя ее хозяйство, регулируя ее платежи, Америка тем самым фактически „контролирует“ всю Европу, т. е. командует над Европой, — командует силою доллара.

Доллар — это самый передовой, самый ловкий самый бесцеремонный тип капитала. Что означает его гегемония в Европе? Будет ли это знаменовать собою торжество вечного мира и справедливости? Доллар приходит в Европу со всеми своими чертами и „привычками“. К чему они сводятся? Жесточайшее колониальное подавление (Филиппины). Жесточайшее классовое подавление, бешеная борьба с рабочим движением, начиная от применения вооруженного штрейкбрехерства и провокации (пинкертоновщина), кончая фашизмом (Ку-Клус-Клан). Бесстыдные колониальные „революции“ в соседних странах, обладающих ценными природными богатствами (нефть, золото и пр.), с целью выставить оттуда соперничающий империализм („Мексиканские нравы“). Подкуп всех и вся, начиная от „социалистических“ „рабочих“ вождей и кончая министрами. Жадность, тупость, ограниченность. Вот основные черты „спасающего“ Европу доллара. Эти свои черты он неизбежно будет проявлять на каждом шагу. Стало-быть, не мир и покой, а кровь и ужас несет народам Европы республика миллиардеров.

Повидимому, „контролировать“ Европу Америка хочет начать при сотрудничестве с Англией. Но одновременно из Южной Америки Англию американский капитал систематически и с большим успехом вытесняет. Для этой цели совсем недавно Америка в Бразилии сорганизовала маленькую „революцию“, чтобы свергнуть там англофильское правительство. Кто может сомневаться в том, что в самое ближайшее время между Америкой и Англией начнется непримиримая борьба за окончательное утверждение господства над Европой, что доллар в широких размерах будет практиковать здесь свои мексиканско-бразильские опыты? Балканизированная Европа будет „мексиканизирована“ и, пройдя через все колониальные испытания, будет закреплена за „республикой разжиревших свиней“. От такой страшной перспективы Европу может спасти только пролетарская революция.

Но что означает тот факт, что капитализм довел Европу до состояния колонии, что Германия находится на положении колонии в колонии, что на почве разрешения репарационной проблемы центр Европы отдается американскому капиталу в полное распоряжение? На ряду с крахом идеологическим европейский капитализм потерпел крах экономический, исторического права на существова-

ние он более не имеет. Место обанкротившейся буржуазии должен заиять пролетариат. Европа должна стать союзом советских республик. Только тогда она возродится к новой самостоятельной жизни. Только тогда колониальный гнет будет избегнут.

* * *

Как послевоенный капитализм решает политические и социальные проблемы? Начнем с вопроса о мире. Ллойд-Джордж в в своей книге: „Мир ли это?"—пишет:

„Европа стала милитаристичнее, чем когда бы то ни было. Экономическое восстановление Европы надолго отсрочено возникновением нового милитаризма. Старый континент бросает собакам войны тот хлеб, которым он должен был бы питать своих детей. Наступит день, когда эти псы в своей кровожадности бросятся на детей и пожрут их.. Все как будто ждут в полном вооружении первой возможности снова начать резню. Европа является кипящим котлом адской ненависти между народами. Могущественные люди распоряжаются запасами топлива, разводят костер и раздувают его пламя". („Мир ли это?" Стр. 131).

В 1913 году в Европе под ружьем находилось 3.747.179 солдат, в 1922 году их было уже 4.354.965. И это после того, как Германия, Австрия, Венгрия, Болгария разоружены, а Советский Союз имеет армию вдвое меньшую, чем имела царская Россия. Но дело не только и не столько в количестве штыков и пулеметов, сколько в характере тех средств разрушения, которыми распологает послевоенный капитализм. Авиация, военная химия, артиллерия—во всех этих областях сделаны гигантские успехи и делаются все новые и новые успехи. В распоряжении капитализма нет силы, которая была бы способна положить предел беспрерывному лихорадочному росту чудовищных средств разрушения, отравления, удушения, заражения (холерными, тифозными и т. п. бациллами). Появление „левых" министерств в Англии и Франции не меняет ничего: аппарат войны работает во славу империализма, не взирая на то, какие министры приходят и какие уходят. Ведь смена кабинетов не означает „смены" господствующей капиталистической системы. Америка, которая в глазах обывателя выступает в роли „миротворца", сама занимает виднейшее место в бешеной скачке вооружений, при чем, она близка к тому, чтобы обогнать здесь своего главного соперника—Англию.

В итоге, в десятую годовщину войны, после 6-ти лет мира—„Европа без мира", „Европа над бездной" (Выражения Фр. Нитти — бывшего премьер-министра Италии). Буржуазная Европа над бездной. Она неизбежно мчится в пропасть и тянет за собой трудящиеся массы. Всей Европе грозит гибель, если пролетариат не сбросит в пропасть обанкротившуюся, прогнившую буржуазную командующую верхушку...

Как послевоенный капитализм решает вопросы национальный и колониальный? До войны узлом национальных противоречий и конфликтов являлись на Западе Австро-Венгрия и Балканы. В результате Версальского мира не решена правильно и полностью ни одна национальная проблема. Балканы кипят в котле национальных противоречий сильнее, чем когда-либо. Вопросы македонский, хорватский, бессарабский и т. п. оказались неразрешимыми для буржуазии. Польша раздирается национальной борьбою белоруссов, галичан, украинцев. „Демократическая" Польша своей шовинистской политикой решительно восстановила против себя так наз. „национальные меньшинства". Крах национальной политики буржуазной Польши со всей определенностью вынуждена констатировать даже эмигранская печать в лице газеты „Последние Новости"—органа Милюкова.

Версальский мир создал новую национальную проблему—немецкую. Вопрос о немецких меньшинствах остро стоит в Польше и Чехо-Словакии. „Немецкий вопрос" обостряется тем, что Антанта не позволяет Австрии, лишенной в ее теперешнем виде возможности жить,—присоединиться к Германии.

Мы отметили только главнейшие национальные узлы послевоенной Европы. На-ряду с ними имеются десятки менее значительных по размаху, но не менее острых по характеру национальных конфликтов между старыми и новыми государственными образованиями Европы. Буржуазия может эти конфликты обострять и углублять, но мирно ликвидировать их она не имеет никакой возможности. Война была начата под лозунгом защиты „слабых народностей". Империализм не защитил ни одной действительно слабой народности,—он поставил десятки из них в условия новых насилий и угнетений.

Колониальный вопрос буржуазия решает совсем просто—тут все остается по-старому: колонии—собственность „великих держав", этим все сказано. В Индии, Китае, Марокко, Месопотамии империализм ведет беспощадную войну против всяких освободительных стремлений. „Полевение" правительств в этом отношении не имеет никакого значения. Великобританскую политику империалистического насилия и угнетения с успехом продолжает „рабочий" министр Томас, по приказу которого английские аэропланы бомбардируют месопотамских повстанцев и который очень много говорит о преданности рабочего класса Империи. А „социалистический" премьер Англии Макдональд в первые же недели своей власти тоном русского царя крикнул индусам, чтоб они бросили всякие надежды насчет независимости.

В отношении колониальных и полу-колониальных народов Востока империализм признает только один аргумент—насилие. Никаких компромиссов он здесь не допускает. Народам Азии и Африки остается одно: империалистическому насилию противопоставить революционное насилие.

Перейдем к рабочему вопросу. В тайной записке, предназначеной для руководителей Версальской мирной конференции, Ллойд-Джорж в 1919 году говорил:

„Европа охвачена революционным настроением. В груди рабочих живет глубокое чувство, но не чувство недовольства, а чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни. Мы никогда не добьемся длительного успокоения, если мы поставим себе целью создать те же условия существования, какие были в 1914 году".

Итак, вождь английской буржуазии констатировал у пролетариата „чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни". Он считал, что в результате мира буржуазия должна дать рабочему классу лучшие, чем до войны, условия жизни, чтобы примирить его с капитализмом. Очевидно, исходя из этого соображения Версальская конференция организовала Бюро Труда при Лиге Наций, а в 1919 г. в Вашингтоне на специальной всемирной конференции представителей правительств, хозяйских и рабочих профессиональных организаций был признан в качестве нормального рабочего дня 8-ми часовой день. Всеми этими мероприятиями буржуазия, в момент всеобщего под'ема революционной волны, пыталась ослабить в рабочем классе „злобу и возмущение" против капитализма.

Но ныне, в десятую годовщину войны, где та страна, в которой рабочему классу живется лучше, чем жилось до войны? Такой страны нет в мире. В результате войны пролетариат в своей массе повсеместно получил ухудшение условий труда. Капитализм за счет пролетариата воевал, теперь за его счет „чинится", совершает новые авантюры, готовится к новым войнам. Совершенно естественно, довоенные условия жизни вызывали у миллионов трудящихся „чувство злобы и возмущения". Какие же чувства должны вызывать нынешние условия жизни? Что должен думать и делать пролетариат, когда буржуазия не смеет даже обещать ему улучшение положения в ближайшие годы?

Новый „демократически-пацифистский" период никаких изменений в положении пролетариата, разумеется не вносит. Подобные вопросы решаются не доброю волею министров, а борьбою классов. С этой точки зрения весьма поучительно сравнить два „демократически-пацифистских" периода. В 1919 году в Вашингтоне 8-ми часовой рабочий день узаконяется, 1924 год идет под знаком ликвидации 8-мичасового рабочего дня. В Германии, Италии, Венгрии, Польше это крупнейшее завоевание пролетариата ликвидировано. Буржуазия пытается победу, одержанную над пролетариатом средней Европы, превратить в общеевропейскую—ликвидировать 8-мичасовой рабочий день повсеместно.

В области заработной платы и охраны труда то же самое: в 1919-20 г.г. пролетариату уступают, ныне против рабочего класса ведется энергичнейший поход, ныне капитал всячески „экономит" именно на пролетариате.

Почему такая разница—ясно всякому: 1919-1920 г.г.—это эпоха наступления пролетариата, эпоха мирового большевизма. Ныне пролетариат решительного наступления не ведет, инициатива находится еще в руках буржуазии и потому она не считает себя вынужденной делать пролетариату широкие уступки.

Но картина банкротства капитализма по линии политической и социальной очевидна. Вопросы войны и мира, национальный, колониальный, рабочий вопросы послевоенным капитализмом не только не разрешены — они обострены, углублены, расширены. Есть единственный путь для их действительного решения: революция.

* * *

В чем историческая задача пролетариата в нынешнюю эпоху войн и революций? В том прежде всего, чтобы использовать гигантский кризис капитализма, воспользоваться его полнейшим банкротством и свалить его. Война означает прямую диктатуру умирающего капитализма. Историческим ответом на капиталистическую диктатуру может и должна явиться революционная диктатура пролетариата. Банкротирующая буржуазия революционно сменяется рабочим классом. Империалистической войне противопоставляется война гражданская, империалистическому плану восстановления—социалистический план восстановления. Задачу революционного свержения буржуазии и установления диктатуры пролетариат разрешит в том случае, если им руководит своя революционная партия.

Какова роль социал-демократии с точки зрения выполнения пролетариатом его исторической задачи? Она признала империалистическую войну — установила гражданский мир, голосовала военные кредиты, входила в буржуазные министерства. Социал-демократия признала Версальский мир, признала план экспертов. Она всячески помогает капитализму в его попытках преодолеть политические и экономические кризисы.

Империализм продолжает разбойничью внешнюю политику. Социал-демократия поддерживает эту политику, голосует кредиты на вооружения, соучаствует в подготовке новых войн. Однако, все это не мешает ей на словах выступать против войн, публиковать анти-военные резолюции и манифесты, даже угрожать в случае войны политической стачкой. Все это—чудовищный обман масс, которые при первых же выстрелах будут преданы в руки военщины.

Социал-демократия вместе с фашизмом – охранной гвардией капитализма—обрушивается на пролетариат каждый раз, когда он, восстает против капитализма. Социал-демократия саботирует, дезорганизует борьбу пролетариата в защиту его экономических позиций.

Словом, в войне и мире, в ошибках и преступлениях, во внутренней, как и во внешней политике социал-демократия покорно следует за буржуазией. У нее нет более программы, которая угрожала бы существованию капитализма, и нет тактики, кроме той, которая наиболее прочно привязывает пролетариат к колеснице империализма. Вместе с капитализмом мировая социал-демократия делит банкротство идеологическое, экономическое, политическое.

В чем теперь основное назначение социал-демократии? В том, чтобы затруднить пролетариату понимание его исторических задач, чтобы убить в нем стремление решительной революционной борьбы с капитализмом. Величие и сложность эпохи требуют от пролетариата небывалой широты мысли, гигантского размаха, постановки перед собой великой задачи переустройства мира. Социал-демократия всячески отвлекает рабочий класс от широких исторических задач и пытается сосредоточить все его силы и внимание на вопросах будничных, повседневных. Она пытается уверить пролетариат, что он не способен к руководящей роли в стране, что он „пропадет" без буржуазии.

25 лет тому назад Карл Каутский энергично боролся против Бернштейна за то, что он пытался „обескуражить пролетариат посреди борьбы недооценкой, без всяких оснований, его политических способностей". Ныне этим „обескураживанием" занимается вся международная социал-демократия,

во главе с тем же Каутским. Подчеркивая обязанность социал-демократии в отношени „расширения горизонтов пролетариата за пределы его минутиых и профессиональных нитересов“, 25 лет тому назад Каутский писал:

„Мы ставим перед иим (пролетариатом, И. В.) высокие цели, благодаря которым он сам начинает жить более высокой духовиой жизнью; мы возносим его над мелкой будиичной работой, которая необходима и настойчиво выдвигается самой жизнью, но именно поэтому сам пролетариат навязывает ее нам, при чем нам не нужно особенно горячо напоминать о ней. Постараемся же, чтобы мания ничтожества ие деградировала пролетариат и его цели, чтобы дальновидную приицищиальиую политику не заменил переменный курс примеиительио к отдельным случаям, иными словами, чтобы трезвая будиичность не взяла верх над идеализмом, чтобы не исчезло сознание громадных исторических задач, поставленных перед пролетариатом“. („Ответ Бернштейну“, стр. 241, изд. „Буревестник“, Одесса, 1905 г.).

То, что 25 лет назад делали берштейнияицы, то ныне делает вся международная социал-демократия. Эта партия неустанно работает над тем, чтобы пролетариатом овладела имеино „мания ничтожества“, чтобы он „деградировал“, опустился, забыл про свои великие цели, слился с ограниченным и тупым, „трезвым“ и „практичным“ мещанством. В море повседиевной житейской мелочи, в болоте жалкого крохоборчества социал-демократия готова утопить основные исторические цели пролетариата. Нет уже более разговоров о том, чтобы перед рабочим классом ставить „высокие цели“, чтобы втягивать его в „более высокую духовную жизнь“. Все усилия социал-демократии направлены к тому, чтобы превратить рабочий класс в идейного нахлебника и приживальщика буржуазии.

Духовное старчество, дряблость, ограниченность, трусость — вот черты мирового меньшевизма, которые он пытается навсегда привить пролетариату. Второй Интернационал, это — Интернационал шамкающих стариков. Там даже физически юные являются духовно и политически дряхлыми. Все они думают, чувствуют, живут мыслями, настроениями, переживаниями последней четверти 19-го века. Социал-демократия, как и капитализм, это исторические покойиики, которые еще не погребены.

Коммунизм—вот партия грядущего, вот партия молодых, смелых, дерзких. Вот кто отражает дух, запросы, веления новой эпохи—эпохи войн и революций. Вот кого не затронет „мания ничтожества“, вот кто ставит перед пролетариатом „высокие цели“, ведет его к великим историческим битвам и победам.

* * *

Какие изменения произвела война в мировой обстановке? Она еще более запутала основные противоречия капитализма, она усилила гнет над классами и нациями, она увеличила нищету сотен миллионов, она разрушила слишком много, не создала взамен ничего.

Но наряду с войною действовала революция, из империализма вышедшая и империализм убивающая, революция, которая по-своему решает основные проблемы человечества. И если десятилетие войны не является триумфом капитализма, если над угнетенными классами и нациями не веет духом отчаяния и безнадежности, если, наоборот, буржуазию охватывает ужас перед лицом навороченных ею, неразрешимых для нее противоречий, то это потому, что революция была, есть и будет, что пушки стреляют не только по приказу империализма, но и против империализма.

Революция ликвидировала три империи—уничтожила давившую над всем миром чудовищную машину военно-полицейского насилия. Первый раз в истории, в России она привела к власти пролетариат, в Германии победу пролетариата сделала исторически очередной задачей. Революция избавила: Россию от полу-колониальной зависимости англо-французского капитала, Турцию — от неминуемой гибели, которая была предрешена стоящими на страже цивилизации „великими державами“. Революция пробудила и подняла против империализма сотни миллионов колониальных и полу-колониальных рабов капитала. Народы Востока на опыте убеждаются, что гнет империализма ослабевает по мере усиления революционного движения, что гнет империализма падает там, где побеждает пролетарская революция.

Революция только начала свое победное шествие. Угнетенное человечество приведено уже в движение, и никакая сила в мире не загонит более порабощенные империализмом классы и нации в спокойное стойло „нормального“ капитализма. Новая попытка „пацифистски-демократическими“ фразами обмануть массы — потерпит позорный крах. На деле не будет ни пацифизма, ни демократизма, ибо империализм остается в полной силе, ибо финансовый капитал командует над миром с небывалой откровенностью и цинизмом. Пацифизм, мирное сотрудничество, мирное соревнование невозможно, ибо невозможно мирными путями разрешить разрывающие капитализм противоречия. Пацифизм на деле невозможен, — возможна пацифистская фраза, возможны плохо прикрытые маневры под флагом пацифизма и демократизма.

Империализм в качестве основной решающей силы остается, и его войны тоже остаются. Нет иного пути для борьбы с империалистическими войнами, чем тот, который указывает Ленин:

„Нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира,... нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией . . . .

...Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество“.

Ил. Вардин.

Эпоха войн и революций.

Наступает десятая годовщина мировой войны. Эррио и Макдональд— очередные спасители буржуазной Европы—на сто первой конференции снова и снова «укрепляют» всеобщий мир, порядок и благоденствие—на основе сотрудничества классов и гражданского мира между ними.

А в Москве окончил свои заседания 5 конгресс Коминтерна—конгресс мировой революционной партии, партии непримиримой классовой борьбы—гражданской войны с империализмом.

Реформа или революция? Восстановление капитализма «демократически»-фашистскими средствами или его революционное крушение?

* * *

Понять текущую политическую обстановку, составить правильный взгляд о перспективах, можно только, подходя к вопросу, *исторически*, взяв сравнительно широкое историческое поле для обозрения. Тот, кто оперирует только фактами текущего дня, кто не способен связать сегодня с историческим вчера, тому не дано правильно наметить и решение вопроса о перспективах.

Если взять отрезок времени примерно от начала второго десятилетия XX века и до наших дней, то мы констатируем *смену ряда исторических периодов*, когда рабочий класс то поднимается к борьбе, то снова уходит вглубь себя, чтобы снова подняться к более широкой борьбе. За сравнительно короткий срок—примерно 12—14 лет, мы насчитываем *пять* сменивших друг друга периодов.

Предвоенные годы проходят во всем мире под знаком *обострения классовых и национальных конфликтов*. Небывалые дотоле в Европе забастовки (Англия, Франция, Германия), массовое движение трудящихся городов на почве дороговизны, широкая политическая борьба против милитаризма, ряд революций на Востоке, первые брожения в колониях свидетельствовали о начале новой эпохи. В полосу лихорадочного состояния мир вступил еще после революции 1905—1906 г.г. Разгоравшийся пожар классово-национальной освободительной борьбы был потушен войной.

Военные (1914—1918) годы это—период «гражданского мира» между классами, когда пролетариат, руководимый социал-демократией, отказывается от самостоятельной классовой политики, когда он свои интересы подчиняет интересам защиты своего «отечества». Империализм торжествует по всей линии, он победил социализм, он подчинил его своей не только материальной, но и *духовной* власти. Империализм выступает в качестве бесспорного вождя нации, его идеология побеждает, пропитывает собою все идеологии,—за одним только исключением: большевизм, коммунизм не делает ни единой уступки империализму. Но большевизм в этот период—еще идея, не овладевшая массами и, следовательно, не ставшая *силою* в исторической борьбе.

1918—1920 г.г.—эпоха «мирового большевизма». Политическое могущество буржуазии расшатано, экономическая система капитализма подорвана. Массы требуют реализации широких обещаний военного периода. Массы «заражены» великим примером победы большевизма на востоке Европы. Возникает *Коммунистический Интернационал*—основная задача которого *развернуть российскую пролетарскую борьбу и победу—в борьбу и победу европейскую*. Мировая буржуазия отвечает на это наступление революции комбинированными средствами: внутри ведет «умеренную», «демократическую» политику вильсонизма, коалируется с социал-демократией, идет на ряд частичных уступок пролетариату, во вне предпринимает бешеное контр-наступление против революции: *интервенция* это—попытка мирового капитала затушить российский революционный очаг, заделать гигантскую брешь, образовавшуюся в здании империализма. Итог: мировой большевизм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить в *европейском* масштабе, империализм потерпел поражение в том смысле, что он не смог победить российскую революцию. Отступив в борьбе с буржуазией Европой, большевизм «окопался» на неприступной советской земле. Отступив от советских стран, империализм перешел в наступление против внутреннего большевизма, против всего рабочего класса.

Наступление капитала (1921—1923 г.г.) по линии политической прежде всего означает захват власти партиями крайней реакции (в Англии—консерваторы, во Франции—национальный блок, в Италии—фашисты, в Германии—блок буржуазных партий, в Польше—народовые демократы, в Испании—фашисты, в Болгарии—фашисты, в Швеции—консерваторы). Умеренные, либеральные представители буржуазной реакции (в Англии—Ллойд-Джордж, во Франции—Бриан, в Италии—Факта, в Германии—Вирт, в Польше—Витос, в Швеции—Брантинг) отходят на второй план. По линии экономической наступление капитала означало повсеместный планомерный нажим на позиции, завоеванные рабочим классом в эпоху мирового большевизма (8-часовой рабочий день, заработная плата, охрана труда).

Социал-деомкратию в состав правительств буржуазия больше не «принимает», в коалиции с меньшевизмом окрепшие буржуазные партии более не нуждаются. Когда, вследствие измены социал-демократии, рабочий класс приведен в состояние обороны, когда—при деятельнейшей поддержке меньшевистских партий капитализм упрочился, и он победоносно наступает—услуги лакейских социал-предательских партий более не нужны. «Отставка» совершенно не смущает и не огорчает социал-демократию: она исполнила долг перед «отечеством», она спасла страну от ужасов «анархии»,—теперь все должно пойти «нормальным» порядком, т. е. у власти должна стать «настоящая» буржуазия. Социал-демократия с облегчением сердечным провозглашает на весь мир «окончательное» упрочение капитализма, «окончательный» крах всех революционных «иллюзий». Наступившая эпоха,—заявляет теоретик русского меньшевизма Дан в своей книге в 1922 году,—это эпоха «после войн и революций», эпоха мирного сотрудничества наций, государств, классов, эпоха реформ и постепенного процветания на почве демократии. Революции—насильственной большевистской революции, той, которая рисовалась пылкому воображению «утопистов» Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля,—такой революции не будет более никогда.

Так говорил теоретик российского меньшевизма. То же самое вещал и теоретик мирового меньшевизма Карл Каутский в книге: «Про-

летарская революция и ее программы». Насильственные перевороты допустимы—вернее, *были* допустимы лишь в прошлом, и только в отношении феодально-монархических, абсолютистских правительств. Но восставать против буржуазно-демократических правительств—это безумие, варварство. На почве демократии, в рамках демократии пролетариат, под руководством его наиболее сознательной, наилучше организованной, «процветающей части» (выражение Каутского) сможет постепенно, сначала в коалиции с буржуазией, а потом и самостоятельно, притти к власти. Маркс и Энгельс думали, что в переходный от капитализма к социализму период будет необходима диктатура пролетариата. Каутский считает, что это заблуждение: «естественной» формой власти в переходный период является не диктатура, а... *коалиция*. На основе этой ренегатской, отреченской, ликвидаторской программы *консолидируется* мировая социал-демократия в эпоху победоносного наступления мирового капитала.

А в 1918—1920 г.г., когда наступал пролетариат, когда буржуазия находилась в состоянии растерянности и даже паники, когда ее власть висела на волоске, социал-демократия была разбита на две части и действовала на основе двух программ. Правая часть, об'единенная во II Интернационале, целиком стояла на почве демократии и коалиции и *активно* воевала против революции—в союзе с военщиной, полицией, буржуазно-дворянской белой гвардией. (В Германии Носке—Шейдеман, в Польше Пилсудский—Дашинский, в России меньшевики активисты и т. д.). Левая часть социал-демократии, об'единенная в 2½ Интернационале, (Мартов—Дан в России, Криспин—Гильфердинг в Германии, Бауэр—Адлер в Австрии и т. д.), выставляла лозунг «сочетания» диктатуры и демократии, советизма и парламентаризма, допускала ограничение политических прав имущих классов, декларировала необходимость революционного завоевания власти пролетариатом, но на всех этапах борьбы удерживала пролетариат от решительных действий, путалась у него в ногах, убивала в нем дух борьбы и всем этим *помогала* буржуазии удержать свои позиции, окрепнуть, а затем перейти в наступление. Когда социал-демократии показалось, что положение мирового империализма достаточно упрочилось, что революционные «иллюзии» в европейском рабочем классе надолго выветрились, она стянула свои фланги и в мае 1923 года на Гамбургском конгрессе образовала единый «социалистический» «рабочий» Интернационал. Основной для всякого класса вопрос о власти «социалистический» Интернационал оставил «*открытым*»! Но фактически, разумеется, конгресс целиком стал на почву коалиционного сотрудничества классов. «Социалистическим» министрам лишь предлагалось на время пребывания в буржуазном министерстве выйти из состава Исполкома Интернационала... О советизме и революции никто более не вспоминал. Ибо *социал-демократия об'единилась на основе капиталистической победы* и она хотела, чтобы эта победа была длительной, прочной, если не «вечной».

Новый перелом в мировой обстановке наметился во второй половине 1923 г. Надежды социал-демократии не оправдались: «нормальное» господство буржуазии заколебалось слишком быстро. Пролетариат от обороны постепенно стал переходить к контр-атакам, предпринимать встречные бои, подготовлять наступательные действия—как по линии экономической, так и по линии политической. *Усиление активности пролетариата революционизирующе подействовало на значительные круги мелкой буржуазии*, ничего хорошего не получившей от укрепления

«нормальной» крупно-буржуазиой власти. В результате, период от августа 1923 года по июнь 1924 года характеризуется общим постепенным усилением революционного и оппозиционного движения в Европе. Германские события осени 1923 года, революционные бои в Болгарии и Польше, поражение консерваторов в Англии и национального блока во Франции, кризис фашизма в Италии, поражение консерваторов в Японии—все эти факты свидетельствуют о том, что обстановка начала меняться в неблагоприятную для империализма сторону. С этой точки зрения большое *показательное* значение имеет оформление левого крыла в Амстердамском профсоюзном Интернационале, выступление левых вождей (Фиммен, Персель, Кук) с левыми речами на Венском (июнь 1924 г.) конгрессе этого Интернационала. В. И. Ленин учил нас оценивать «полевение» социал-демократических и профсоюзных вождей прежде всего и главным образом с той точки зрения, что это «полевение» *отражает* в слабой и приблизительной степени *действительное полевение рабочей массы, действительный рост ее сознательности и активности*. Когда социал-демократия «левеет», это вернейший признак того, что в глубинах пролетариата назревают великие события. «Леветь» начали профсоюзные вожди, ибо профсоюзы ближе, непосредственнее связаны с массой, чем развращенные сотрудничеством с буржуазией, поглощенные парламентскими комбинациями и махинациями, оторванные от рабочего класса партийные вожди. Но с расширением и усилением революционного движения постепенно будет оформляться и «левое» крыло социал-демократии. Осенью 1923 года революционная борьба германсокго пролетариата разрывала на части германскую социал-демократию. Ее спасла от развала победа буржуазии, после того, как она предварительно спасла... самую буржуазию. Ныне об'единенная социал-демократия повсюду служит опорой «демократической» власти. Однако, новая революционная борьба масс безжалостно *растреплет* социал-демократию, а победа пролетарской революции *ликвидирует* ее...

Да, «нормальное», так сказать, «единоклассовое» правление буржуазии оказалось недолговечным. На авансцену снова выдвигается отвергнутая так недавно вильсоновская всеспасающая, всеблагая «демократия», снова к власти призывается социал-демократия. О чем говорит этот факт? Почему вдруг настала «новая эра» вильсонизма? Что означает столь быстрое возвращение меньшевизма из «отпуска»?

Ответ один. Капитализм настолько внутренне прогнил, настолько он по сути дела беспомощен перед лицом гигантских противоречий, затруднений, проблем, настолько он не способен наладить нормальную жизнь, что как только пролетариат снова зашевелился, как только проявились первые признаки его активности, командующие группы буржуазии оказались вынужденными снова прибегнуть к помощи, к поддержке «процветающей», подкупленной, развращенной верхушке пролетариата, руководимой социал-демократией. Перед ней снова ставится задача: еще и еще раз помочь буржуазии выпутаться из трудного положения, еще и еще раз спасти ее от гнева пробуждающегося пролетариата. Стало быть, *«новая эра» свидетельствует не о силе, а о слабости, о внутренней подточенности капитализма*. Меньшевиков призвали вновь потому, что дела буржуазии очень плохи. Это она чувствует великолепно. Эррио в палате депутатов при обсуждении правительственной программы заявил буквально следующее:

«Мы стоим накануне очень больших затруднений. 1925 год—опасный год. Необходимо много осторожности и предусмотрительности».

Да, буржуазия не от хорошей жизни призывает Макдональдов, Ренoделей, Стаунингов (датский премьер-министр), не от хорошей жизни призовет завтра Вандервельдов и Туратти. *Одного факта возвращения к власти социал-демократии было бы достаточно для того, чтобы заключить о глубочайшем кризисе империализма.*

Но если присмотреться поближе к послевоенному капитализму, то какая же картина открывается перед нами? В области *экономики* никто не верит в длительность и прочность хозяйственной стабилизации и хозяйственных успехов буржуазии. Не успели литературно-политические лакеи капитализма сочинить первые восторженные брошюры об «изживании» кризиса, как им уже приходится бить отбой: уже появились первые трещины в хозяйственно-производственной «твердыне» Америки, Англии, Германии, стонут от промышленного кризиса Польша и Румыния. Преданнейший буржуазии экономист Петр Струве об'яснил недавно в белой печати «секрет» небывалого промышленного процветания Америки: производилась гигантская работа по «починке» страны, по переоборудованию промышленности. За время войны,—говорит Струве,—все было запущено, никто не думал о ремонте, о строительстве, о замене изношенных машин новыми и т. д. Теперь Америка взялась за все это, и развернула небывало широкую работу по изготовлению средств производства, по ремонту старых и постройке новых домов, по проведению железных дорог, изготовлению автомобилей и т. д. На основе усиления производства расширился и внутренний рынок. Но вот средства производства готовы, дома построены, на каждые 5 человек приходится один автомобиль,—и... сокращается производство, ибо больше машин и домов не нужно. Придется еще больше сократить производство, ибо рынков недостаточно—гниющая Европа покупать не может, внутри фермеры разоряются и бегут в города. (Струве говорит, что чудовищно разбухшее во время войны сельское хозяйство Америки неизбежно должно сжаться до размеров довоенных). В перспективе—гигантский кризис промышленности, углубление и расширение кризиса сельского хозяйства.

Америка неизбежно идет к кризису, Европа по сути дела не выходила из состояния глубочайшего кризиса. *Неустойчивость валют наиболее ярко отражает* неустойчивость всей экономики. Милитаристическая горячка свидетельствует о том, что мир во власти слепой, безумной капиталистической стихии. Безработица для ряда стран, и прежде всего для Англии попрежнему является труднейшей проблемой. Основной для Европы вопрос о репарациях еще очень далек от разрешения, несмотря на план экспертов, несмотря на одобрение этого плана всеми буржуазными и социал-демократическими партиями, всеми правительствами. План экспертов натолкнется на решительное сопротивление пролетариата. Международный капитал увидит, что не все его планы осуществляются на деле. Чем больше будет проявлять себя поднимающийся к новой борьбе пролетариат, тем больше *добавочных* трудностей будет накопляться на пути буржуазии.

Подводя итоги французским выборам, вождь «левого» либерализма Милюков, писал:

> «Послевоенная жизнь в Европе продолжает быть трудной и тяжелой. Шесть лет прошло с тех пор, как народы сложили оружие, подписали договор о мире, а их правительства приступили к нахождению «устойчивого равновесия» государственной жизни. Работа движется, но в определенный срок избирающий народ в день выборов своим вотумом показывает то давление, которое испытывает народный барометр.
>
> «*Переменчивое*» — так можно охарактеризовать давление 1924 года в Западной Европе. *Выход еще не найден,* и, очевидно, что *вызвать бурю легче, чем потом «faire le beau temps» (делать хорошую погоду).*

(См. «Последние Новости», 13 мая 1924 г.).

«Переменчивое!» Либералу угодно дать метеорологическое название тому социально-политическому *сдвигу,* который происходит в массах. Но он понимает, что дело идет о серьезном. «Выход еще не найден». Капиталисты за шесть лет не нашли этого выхода, хотя никто им не мешал, никто их не блокировал, не осаждал, хотя они при всей разрухе, созданной их войной, располагали огромнейшими богатствами, опирались на превосходный аппарат, на богатейшую культуру, знание, навык. Все-таки «выход еще не найден», и поэтому очень легко можно «вызвать бурю». Какую? Милюков прозрачными намеками дает ответ. Он пишет:

> «Война не только разрушила Европу, но она переменила и *ожесточила* народную психологию... Сложив оружие, народ остался тем же народом, перенесшим всю тяжесть борьбы, принесшим неисчислимые жертвы, и он требует теперь себе за это *лучшей жизни.* Пока не будет достигнуто этого, «кризис парламентаризма» будет длиться там, где он есть, а где его нет—там *придут другие кризисы, но уже с явлениями едва ли «парламентарного характера».*

(Там же).

Вот откуда, значит, угрожает «буря»! Народ требует «лучшей жизни», а империализм дает жизнь худшую, чем довоенная, и с перспективой на ее дальнейшее ухудшение. Империализм грабит, угнетает, доводит до состояния нищеты не только пролетариат, но и *средние слои*—мелкую буржуазию, интеллигенцию. Но массы уж не те, какими они вошли в войну. Их «психология» изменена и «ожесточена». Сегодня они вызывают в решающих странах Европы парламентские кризисы. Но завтра, если буржуазия все еще не найдет «выхода», массы создадут империализму «другие кризисы, но уже с явлениями едва ли парламентского характера»—массы создадут *революционный кризис* империализма. Вот это и значит—«переменчивое».

И вот почему все мыслящее в буржуазии об'ято тревогой, вот почему печать неуверенности и неустойчивости лежит на всем, что делает буржуазия. Весьма, с этой точки зрения, показательно состояние нынешних парламентов. В Англии, Франции, Германии нет устойчивого парламентского большинства, стоящие у власти правительства опираются на комбинации разнородных сил, на непрочные, ненадежные коалиции. В самих парламентах—небывало резкие столкновения, постоянные скандалы, постоянные драки,—общая нервность и неустойчивость... Так бывает, когда создается положение «переменчивое», когда в воздухе пахнет приближающейся «бурей».

Полное бессилие парламентов еще Л. Мартов вынужден был констатировать в 1922 году в споре со своими,—как он их называл,—«либеральными социалистами». Мартов говорил о «фашистском коррективе» к парламентаризму, о всевластии банков, бирж, военщины, фактически сведших роль парламентов к нулю. Это было сказано в эпоху наступле-

ния капитала. Но кто скажет, что в нашу «демократическую» эпоху «фашистский корректив» менее чувствителен, что Макдональды и Эррио не находятся во власти империалистических концернов, банков, трестов, во власти военщины?.. Буржуазия сама себя лишает фактически парламентского прикрытия. Так бывает, когда появляется нечто «переменчивое»...

От «левого» кадета перейдем к «левым» меньшевикам. Как они смотрят на положение, на «судьбы капитализма» в Европе? Подводя итоги парламентским выборам в Германии и во Франции, «Социалистический Вестник»—центарлный орган меньшевиков, писал:

> «Уже английские выборы показали, что подпочвенные воды истории подмывают господство наиболее реакционных элементов буржуазии, ставших в странах Антанты у правительственного руля после того, как раз'единенный междуусобной борьбой пролетариат отступил на оборонительные позиции. *Молот острейших экономических, национальных и политических противоречий,* охвативших Европу после Версальского завершения мировой войны, с такой тяжестью ударявший по народно-хозяйственному организму побежденных стран, *не пощадил и торжествующих победителей,*—и те и другие оказались прикованными к одной *и той же несущейся в пропасть колеснице послевоенной Европы*». («Соц. Вестник», № 11, 28 мая 1924 г.).

«Несущаяся в пропасть» буржуазная Европа! Это сказано несколько сильнее и несколько точнее, чем метеорологическое «переменчивое». И это признание убийственно и для капитализма, и для меньшевизма, который совсем еще недавно об'явил оконченной эпоху войн и революций, который рисовал—и все еще рисует—перед пролетариатом исключительно мирные перспективы. Но не видеть то, что есть, меньшевики не могут. Новую «демократическую» вильсонистскую «эпоху» они оценивают следующим образом:

> «Новая международная ситуация приносит с собой *более мирные,* более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора, чем изживаемая эпоха господства международной реакции. Но от *этого сами условия Версальского мира ни на чуточку не теряют своих пагубных последствий для всей хозяйственной и политической жизни Европы.* И от этого *проект экспертов,* стоящий на почве Версальских постановлений, не получает свойства чудодейственного средства, излечивающего все болячки послевоенного мирового хозяйства. Наоборот, он *сам несет в себе зерна новых затруднений и новых конфликтов,* которые неизбежно возникнут при проведении его в жизнь». (Там же).

Вот приговор, произнесенный самими меньшевиками над новейшей политикой мирового меньшевизма. Ибо ведь «более мирные, более культурные, более осторожные методы осуществления Версальского договора» практикуют именно вожди II Интернационала во главе с Макдональдом. Проект экспертов одобрен и выдается за самое действительное спасительное средство—Исполкомом II Интернационала, за план экспертов энергично стоят социал-демократические партии Франции, Бельгии, Германии, Австрии, Англии.

Мировой меньшевизм прочно уцепился за «несущуюся в пропасть колесницу послевоенной Европы», вместе с капитализмом он катится в историческую яму, и туда же тянет рабочий класс. Мировой меньшевизм и думать не смеет о пересмотре Версальского договора. В английском парламенте Макдональд *высмеивает* самую мысль о пересмотре. Это вполне понятно. Версаль это—высшее олицетворение политического творчества послевоенного капитализма. Меньшевизм в основном не может осуществлять иной политики, кроме той, которая намечена буржуазией.

Вернемся к «судьбам капитализма». В мае т. г. пленум ЦК партии меньшевиков выработал новую партийную платформу. Во вводной части этой платформы дается обстоятельная характеристика послевоенного капитализма. Платформа констатирует, что «послевоенный капитализм не в силах обеспечить длительного периода действительной устойчивости и органического под'ема, что он «перелагает всю тяжесть послевоенного бремени на плечи рабочих масс», что он «понижает уровень жизни рабочего класса» и всем этим «наново обостряет социальные отношения». В области экономики,—заявляет платформа,—«послевоенный капитализм не способен обеспечить столь быстрый экономический прогресс, какой требуется состоянием масс и гигантским разрушением производительных сил Европы». Наконец, меньшевистская платформа констатирует, что «послевоенный капитализм стоит перед лицом непрекращающегося роста сухопутных, морских, воздушных и иных вооружений на фоне массового обнищания и разорения в целом ряде стран и оказывается неспособным действительно обеспечить мир». Общий вывод, к которому приходит меньшевистская платформа, формулирован следующим образом:

> «Новая фаза капитализма, не устраняющая основного антагонизма капиталистической системы—противоречия между неслыханным дотоле, планомерным сосредоточением орудий производства в руках немногочисленной олигархии частных собственников и гигантским обобществлением производства в целых огромных отраслях,—неизбежно ведет при колоссальном самосознании масс, с одной стороны, и господствующем состоянии социальной и политической неустойчивости, с другой, к дальнейшему *углублению и обострению социальных противоречий.* Борьба рабочего класса за *политическую власть* в целях устранения этих противоречий путем обобществления орудий производства, становится *основным содержанием ближайшей исторической эпохи».* («Соц. Вестник», № 12—13, 20 июня 1924 г.).

К этой характеристике послевоенного капитализма прибавить нечего. Самые крайние оптимисты из рядов коммунизма не давали более убийственной характеристики современного империализма, чем это сделано в платформе меньшевиков. И выводы, вытекающие из наличной социально-политической обстановки, также ясны меньшевикам: «Борьба рабочего класса за политическую власть... становится основным содержанием ближайшей исторической эпохи». А в цитированной выше статье об итогах французских и германских выборов «Соц. Вестник» высказывался еще более категорически: «*Без прихода рабочего класса к власти нет выхода из послевоенного тупика*».

Картина ясна. Капитализм находится в состоянии беспрерывного тягчайшего кризиса. *Эпоха войн и революций продолжается.* Рабочий

класс должен притти к власти. Только этим путем можно остановить колесо, катящееся в пропасть. Но приход к власти рабочего класса невозможен без революционного свержения капиталистических правительств, без гражданской войны, без диктатуры. Новейшая форма обмана и предательства «левого» меньшевизма в том и заключается, что он, рисуя ужасную картину состояния послевоенного капитализма, декларируя необходимость прихода к власти пролетариата, вместе с тем уверяет рабочий класс, будто он сможет стать у власти без революции, на основе «корректированной» фашизмом демократии, парламентски используя затруднения капитализма. Это величайший обман. Если затруднения капитализма не будут использованы революционной партией для его *свержения,* если рабочий класс будет надеяться, что буржуазия, попав в «безвыходное» положение, сама добровольно сдастся, то новые и тягчайшие поражения пролетариату обеспечены. На 2-м конгрессе Коминтерна Ленин говорил:

> «Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не *усыпила* такое-то меньшинство эксплоатируемых такими-то уступочками, чтобы она не *подавила* такое-то *движение* или *восстание* такой-то части угнетенных и эксплоатируемых. Попытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. *Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика.* Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. *Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплоатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции*».

Об'ективная обстановка в Европе революционная. Этого факта не могут скрыть ни либералы, ни меньшевики. Центр вопроса теперь находится в «суб'ективном факторе»,—в организованности и сознательности пролетариата, в его готовности к решающим битвам, в способности его коммунистического авангарда возглавить и завершить победоносно революционное восстание пролетариата. Революционная активность, воля, энергия рабочего класса и его партии,—эти «суб'ективные факторы» на фоне об'ективного кризиса капитализма имеют *решающее* значение. Меньшевизм отвлекает внимание рабочего класса от этого важнейшего обстоятельства и тем оказывает ценнейшую услугу капитализму. Полуменьшевистские элементы в коммунизме («правый уклон»), недооценивая значения «суб'ективных факотров», тем самым препятствуют победе пролетариата.

Буржуазия отнюдь не страдает грехом недооценки «суб'ективных факторов». Ее вожди всячески маневрируют, лавируют, сегодня выдвигают одни средства, завтра другие, после-завтра их сочетают, все время имея в виду одну основную цель: сохранение основ капиталистического господства. Какими средствами располагает ныне капиталистическая стратегия?

На первый план выдвинута вильсонистская «демократия». Задача заключается в том, чтобы пацифистскими фразами *отвлечь* внимание

пролетариата от революционной борьбы. Необходимо расколоть пролетариат, необходимо всячески препятствовать его об'единению на боевой платформе. Тут главная роль возлагается на социал-демократию, при обострении положения—в особенности на «ее» «левое» крыло.

Одновременно ведется энергичнейший натиск на коммунистическую партию. Социал-демократия воюет против коммунизма по преимуществу «идейно», подготовляя почву для «материального» воздействия со стороны фашистов, полиции и военщины. Задача заключается в том, чтобы разорвать связь между революционной массой и ее боевым авангардом, чтобы *обезглавить* пролетариат.

Наконец, как одно из средств самозащиты умирающего капитализма, в «резерве» имеется *наступление* на внешний коммунизм, на Советский Союз. В зависимости от ряда конкретных условий, империализм снова может поставить все на карту и наброситься на республику Советов. Наличность «демократических» правительств является слабой гарантией в данном случае. Наоборот, в известном смысле «демократия» может стать весьма удобной для проявления империалистического авантюризма.

Необходимо иметь в виду, что буржуазия, выдвигая на передний план «демократию», одновременно оставляет на сцене вооруженный до зубов фашизм. «Деомкратия» не посмеет тронуть пальцем фашистские организации. Оружие в руках боевых шаек буржуазии сохраняется и приумножается. Малейшее изменение в соотношении общественных сил в пользу буржуазии или начало открытой гражданской войны будет означать, что «демократия» быстро получит по шапке и на авансцену снова выступит фашистско-консервативная реакция керзоновской, муссолинской, пуанкаристской или гитлеровской марки.

Смена боевых методов буржуазии может происходить быстро еще и потому, что если в 1919—1920 г.г. аппарат капиталистических государств был в корне расшатан, а фашизм только еще складывался, то ныне государственный аппарат буржуазии действует не плохо, а фашизм вполне сложился в качестве боевой гвардии капитализма. Кризис фашизма и реакции ни в какой мере не означает их решающего поражения. «Демократия» реакции не страшна, «демократия» сама находится в руках воинствующего империализма. Судьба *фашистско-империалистической реакции может быть решена только на баррикадах революционной гражданской войны.* И тут снова и снова решающее значение имеет коммунистическая партия. В августе 1921 года, в письме к немецким коммунистам, *Ленин* говорил:

> «Не терять хладнокровия и выдержки; систематически исправлять ошибки прошлого; неуклонно завоевывать большинство среди рабочих масс и в профсоюзах и вне их; терпеливо строить крепкую и умную коммунистическую партию, способную действительно руководить массами при всех и всяких поворотах событий; вырабатывать в себе стратегию, стоящую на уровне наилучшей международной стратегии самой «просвещенной» (вековым опытом вообще, «русским опытом» в особенности) передовой буржуазии,—вот что надо делать и вот что будет делать немецкий пролетариат, вот что гарантирует ему победу».

Фашизм это—практический результат учета буржуазией «русского опыта». Партии Коминтерна учитывают «русский опыт» тем, что по-

степенно «большевизируются», т.-е. приобретают необходимейшие качества боевой революционной партии. В 1918—1919 г.г. европейская буржуазия удержалась потому, что при революционной обстановке не оказалось революционной партии. При новой создающейся революционной ситуации, революционные партии, руководимые Коминтерном, налицо. Об'ективный и суб'ективный факторы сочетаются и дают максимум гарантии того, что из ближайшей неминуемой войны классов в Европе победителем выйдет пролетариат.

* * *

Эпоха войн и революций, открытая российским 905 годом, продолженная балканской войной, китайской революцией, мировой войной, Октябрьской революцией, средне-европейской революцией,—эта великая эпоха революционного крушения империализма и утверждения пролетарской диктатуры продолжается.

М. Покровский.

Как русский империализм готовился к войне.

Для начинающего марксиста всего труднее—выучиться мыслить диалектически, то-есть представлять себе каждое общественное состояние не как нечто неподвижное и замкнутое, точно и строго ограниченное, как спереди, так и сзади, а как нечто текучее, заключающее в себе одновременно и некоторые остатки прошедшего и рядом, некоторые зародыши будущего. У нас возможны споры чуть не в таком роде: с какого года в России «начался» империализм? И в то время, как одни уверенно заявляют: «не раньше 1906 года», другие готовы спуститься до 1900 г., если не до 1896 г.

И то, и другое, конечно, далеко от диалектики, как земля от Сириуса. Царская Россия была страной торгового капитала больше, чем на 50% еще и в 1915 году: кто этому не поверил бы, тому достаточно было бы посмотреть на Распутина. Абсолютизм, специфическая «форма правления» эпохи торгового капитала, был налицо в разгаре империалистской войны. А эпоха торгового капитала и эпоха империализма отделены, в Англии например, почтенным промежутком в полтора столетия. И в то же время, за десять лет до этого мы имеем ту же Россию, идущую на завоевание Китая во всеоружии *банкового* капитала, учреждающую Русско-Китайский банк в союзе с Лионским Кредитом, Генеральным Обществом и прочими левиафанами парижской биржи. Господство банкового капитала—это, как будто весьма характерный признак империализма: а именно, в русской *внешней* политике 90-х годов банковый капитал уже господствовал. Если припомнить, что в эти же дни налицо были и другие симптомы империализма, (колоссальные таможенные пошлины и стремление расширять все дальше и дальше таможенную границу, захват Маньчжурии, попытка захвата Кореи, о которой будущий русский министр иностранных дел Извольский отзывался, что она должна стать «второй Бухарой», и т. д.)—то может явиться искушение об'явить Россию находящейся «в стадии империализма» уже в дни Витте. Но тут полезно вспомнить, что *вся* эта машина держалась на *активном балансе*—а, стало быть, на русском *хлебном вывозе*. Без активного баланса не на что было бы строить броненосцы для империалистских захватов на Дальнем Востоке. А хлебный вывоз—какая это старая вещь! Ведь, около хлебного вывоза вертится история русской экономики еще в дни Александра I.

В особенности туго приходится не-диалектику с такой ультра-диалектической страной, как Россия. Мы недаром стали

первыми марксистами мира—под этим есть глубочайшая «материальная база». Нигде больше не встретишь такого диковинного сочетания политических форм эпохи первоначального накопления, недоконченного, неразложившегося еще окончательно старых, «натуральных» форм хозяйства аграрного капитализма и надвигающегося уже, вполне отчетливо нащупываемого, финансового капитала. Кто определял, в конце-концов, политическую линию поведения этого несуразного целого?

Отвечать на это приходится опять-таки с точки зрения диалектики. В развивающейся стране берет верх то, что толкает вперед, а не то, что тянет назад. К 1900 году было вложено в русскую промышленность.

Капиталов *русского* происхождения	447,2 милл. руб.	21,1 %.
« *иностранного* « . . .	762,4 милл. руб.	35,9 %.
« полученных от продажи русских фондов « заграницей	915,6 милл. руб.	43,1 %

Последняя группа, конечно, тоже должна быть причислена к капиталам «иностранного» происхождения—и обе последних группы, прежде, чем попасть в русскую промышленность, прошли через иностранные банки. Банковый капитал на 4/5 определял судьбы русского капитализма 90-х годов. Правда, это было «сращение» совершенно особого вида: почти в 50% всех случаев связующей пуповиной являлось государственное казначейство. Это впрыскивало живую кровь в устаревший организм абсолютной монархии. Но в общем и целом экономическая картина не менялась. Основная зависимость все же шла по линии финансового капитала. Заведывавший в 1908 году снабжением русской армии генерал Поливанов записал в своем дневнике под 2 декабря: «У Столыпина сегодня был французский посол адм. Тушар просить, чтобы военное министерство заказами пушек не обошло завод Шнейдера, так как он слышал, что хотят заказать Круппу, а для успеха нашего займа во Франции лучше бы обращаться к французской промышленности».

Заказ, в конце-концов, попал не Шнейдеру и не Круппу, а русским заводам—но работавшим на французском капитале. Факт относится к 1909 году, когда гегемония банкового капитала в России била в глаза. Банки росли чудовищно—за промежуток с 1909 по 1914 годы их капиталы увеличились почти *вчетверо* (с 222 милл. зол. руб. до 836 миллионов—прирост 276%). Концентрированные ими частные «сбережения» только по 1912 год увеличились почти *вдвое*, (с 976 милл. руб. до 1.817 милл. руб.). Но характерно, что даже и в это время вся благодать держалась—и больше, чем могли бы то ни было—на хлебном вывозе. Затруднения с этим последним были главным из реальных поводов войны [1]). А, в то же время, уже в 1897 г. русское железо и русский каменный уголь были в руках 60 обществ, вложивших в дело иностранного (т.-е. пришедшего через банки) капитала на 223 милл. рублей.

[1]) См. статью пишущего эти строки в „Пролетарской Революции" „Как началась война 1914 года?"

Было уже тут «сращение» или нет, не будем на этом останавливаться, это вопрос больше теоретический. Ясно одно; огромное участие не-русских капиталов в русском хозяйстве должно было выводить это последнее из национальных рамок и заставлять его разделять судьбы мировых кон'юнктур. И если признать, что западный—английский, французский, германский—капитал уже целиком вошел к этому времени в финансовую стадию, русский капитализм не мог избежать общей участи. Национальная политика была для него закрыта, даже если бы он и хотел ее вести. Русско-турецкая война 1877—78 гг. была последним проявлением этой национальной политики—и уже ее неудача. подчеркнутая неудачей болгарской политики Александра III в 80-х гг., означала невозможность национальных войн и для России.

Следующая война, русско-японская 1904—1905 гг., носит уже отчетливо империалистический характер, не отличаясь в этом отношении от испано-американской войны в 1898 г. и англо-бурской 1899—1901 гг. Резкий идеологический протест против японской войны, доходивший направо до «освобожденцев», выпускавших анти-военные прокламации, тем и об'ясняется, что русская буржуазия и обслуживавшая ее интеллигенция еще всецело жили понятиями эпохи промышленного капитализма, с его деланным пацифизмом и лицемерным отвращением к оружию (которое, однако, выделывалось и употреблялось в промышленную эпоху в достаточном количестве). К 1914 году идеология догнала экономику, и против империалистской войны протестовал уже один пролетариат.

Вот отчего, если архи-нелепо искать русских корней разразившегося в 1914 году мирового конфликта в пределах «роковой недели» 24 июля—1 августа этого года, не многим более глубоко привлекать к делу и только последние 3—4 г. перед конфликтом, как это делает большинство исследователей и не столь близоруких, как Каутский [1]). В литературе, посвященной «предвойне», не цитировался, кажется, до сих пор один драгоценный источник—показания Колчака перед следственной Комиссией в Иркутске. Колчак непосредственно после русско-японской войны стоял чрезвычайно близко к русскому военно-морскому центру и «присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота». И вот что он показывал следственной комиссии:

> «Еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагиро-

[1]) Как одну из последних сводных работ, см. статью Bernadott E. Schmidt „American Historical Review", апрель 1924 г. Автор использовал все, напечатанное до этого времени, кроме некоторых русских публикаций.

вать. После долгого и весьма детального изучения, исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя, и что эта война должна будет решить в конце-концев вопрос о славянстве—быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали».

Мы не будем останавливаться на вопросе, кто «начал» войну. Подробный ответ на это дан в другом месте [1]). Да Колчак делает и излишним этот вопрос.

«Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия».

Немец должен был напасть, хочет или не хочет. А по существу дела, руководители германской политики были бы, разумеется, круглыми идиотами, если бы они стали дожидаться, пока русская «программа» будет совсем готова—т.-е. пока русские станут сильнее немцев на Балтийском море. Если бы русский генеральный штаб не поторопился, войну, с точки зрения простоватого «общественного мнения», можно было бы начать куда чище [2]).

Что сухопутные коллеги адмирала Колчака были ничуть не менее предусмотрительны, показывает ряд отметок в уже цитированном выше по другому поводу дневнике Поливанова. По отношению к сухопутной армии этот, заведывавший всем военным снабжением, генерал был осведомлен не хуже, чем Колчак о флоте. Прежде всего он подтверждает своим дневником всецело показания своего собрата по морской части. Под 25 мая 1907 года (еще до разгона 2-й Думы—т.-е. до «официального» конца революции...) он записал:

«С 11 час. у меня был генерал Протопопов. Он заседает в Комиссии ген.-ад'ютанта Дикова по программе судостроения. Задумывают широкие планы на два миллиарда, ссылаясь на испрошенное высочайшее повеление; Совет Государственной Обороны оставляют в стороне; хотят устроить заседание под председательством государя; дело ведется в секрете, но заводчики, повидимому, знают, что им нужно».

Под 14 декабря 1909 г.:

«К 9 час. веч. совещание у председателя Совета Министров для обсуждения программ судостроительной и крепостной. Сущность программы Морского Министерства: создать на Балтийском море цельную эскадру, которая могла бы действовать наступательно, когда Германия ведет войну на два фронта, и оборонительно на линии укреплений Ревель—Паркалауд, когда неприятельский флот сильнее; для этого надо построить 8 линейных кораблей с соответствующим количеством крейсеров и подсобных судов».

Сухопутная подготовка начинает как будто особенно остро чувствоваться в 1910 году, когда в марте была проведена «чистка» корпусных командиров, а в мае началось обсуждение новой военной программы в Комиссии Государственной Обороны. Нет надобности говорить, что октябристское большинство 3-й Государственной думы было всецело на стороне программы, и штатские «оборонцы» даже опережали военных. Под 13 мая этого года Поливанов записал:

«А. И. Гучков предупредил меня, что в субботу вечером будет назначено заседание Комиссии Государственной Обороны по кредитам на оборону, где затронут возможность выделить кое-что на весну, дабы дать работу по изготовлению орудий и снарядов заводам, остающимся без работы. Он намекнул, что было бы полезно, если бы приехал и сам военный министр...».

Под 15 мая:

«К $8\frac{1}{2}$ час. веч. я прибыл в Государственную Думу, где застал уже военного министра; пришел председатель Комиссии кн. Шаховской и предупредил министра, что сегодня первое собрание для изучения новой программы обороны. Заседание началось с того, что я изложил сущность программы, затем пошли перекрестные разговоры, и прения приняли весьма доброжелательный для военного министра характер. Нам ставили на вид, что мы должны требовать все, что нужно для обороны, не стесняясь Мин. Финанс.; постановили, что надо выяснить, что надо дать теперь же, главным образом, для заказов артиллерии, и это выяснение производится первоначально в особой подкомиссии...».

«Валяйте во всю, денег жалеть не будем»! («тем более, что они пойдут в наши же карманы»)—так можно охарактеризовать позицию «благонадежных» думских элементов. Не только штабы, но и российская буржуазия была в эти годы совершенно готова воевать. Не менее готов был и глава всей системы. Под 9 ноября Поливанов записывает:

«В разговоре с военным министром был затронут еще вопрос о вызове командующих войсками Западных округов для проверки их подготовки к управлению армиями. Здесь неизбежно возникла необходимость установить, кто же будет командовать всеми армиями. На докладе государю его величество изволил указать, что верховное командование он берет на себя. Но так как нельзя же привлекать его величество к занятиям военной игрой, то полагалось бы на военной игре

---

1) См. статью в „Пролетарской Революции“

2) Для нечитавших статьи в „Пролетарской Революции“ и вообще для незнакомых с деталями предвоенной истории 1914 г. напомним вкратце, что повод к войне был создан русским главным штабом, провоцировавшим, путем ложного сообщения сербскому штабу, убийство Эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г.

иметь в роли главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича...».

Эта военная «игра» была столь нешуточной, что отмена ее—по «интриге» Николая Николаевича—едва не повела за собою отставки военного министра Сухомлинова [1]). От него же узнаем, что приготовления к этой военной игре—в сущности, экзамену будущих полководцев—продолжались несколько месяцев. А в каком духе должна была быть ведена «игра», показывает откровенное признание Сухомлинова, что целью всех его военных реформ было «превратить русскую армию из чисто оборонительного оружия, каким она была еще в 1909 году, в наступательное оружие первого сорта» [2]).

В этой именно связи Сухомлиновым было проведено то изменение мобилизационного плана, которое делало *частичную* мобилизацию технически почти неосуществимой. Сухомлинов откровенно признается, что о частичной мобилизации он думал с большой неохотой—ибо с 1909 года был твердо убежден, что Россия идет к войне с Германией, и ей понадобится напряжение *всех* сил, поэтому нечего тратить времени по пустякам. Но он в своей откровенности идет еще дальше. Он в корне разрушает официальную концепцию русской «Оранжевой книги» о том, будто эта всеобщая мобилизация могла носить *оборонительный* характер. Он приводит в высочайшей степени любопытное высочайшее повеление, спроектированное в 1912 году и не пущенное в ход Николаем из осторожности. Это высочайшее повеление гласило:

«Телеграфный приказ о мобилизации европейских военных округов, в случае политических осложнений на западной границе, следует рассматривать одновременно как приказ об открытии военных действий против Германии и Австрии. Что, напротив, касается Румынии, то открытие военных действий должно последовать лишь по прямому приказанию».

Дневник министерства иностранных дел [3]) разрушил легенду о русском «оборончестве» в июле 1914 года. Теперь мы видим, что царское правительство неповинно было в этом оборончестве уже и в 1912 году. Готовилась *наступательная* война против Австрии и Германии, морально оправдываемая тем, что Германия «хочет напасть». Имея такого миролюбивого соседа, как царская Россия, хочешь—не хочешь, а нападешь... Если правильно указание Каутского, что в немецких военных кругах не рассматривали русскую мобилизацию 30 июля, как прямой вызов к войне, это свидетельствовало бы о крайней наивности этих кругов. При чем фиговый листок—«Германия хочет напасть»—вовсе не был обязателен, поскольку планы русско-германской войны строились и в те времена, когда Вильгельм, по собственному заявлению Николая, «был так дружески настроен, как никогда».

---

[1]) См. Erinnerungen последнего, стр. 294 и сл.

[2]) Там же стр. 331.

[3]) См. цитир. статью в „Пролетарской Революции".

Напечатанная до сих пор часть дневника А. Н. Куропаткина начинается с такой записи:

«Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Николая Николаевича. Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Николай Николаевич был главнокомандующим войск германского фронта, а я—главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Николай Николаевич говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилось воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены, с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ, или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Николай Николаевич сказал мне, что на должность начальника своего штаба он предназначил Палицына: я его давно знаю и мы друг друга догоняем. Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Николая Николаевича относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицына, ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению, следует переменить. Но Николай Николаевич стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока или Червонноборской позиции, и отступить к Барановичам или Минску».

Эта запись помечена «17 ноября 1902 года». А от 9 числа того же месяца (все числа по старому стилю), мы имеем такую телеграмму Николая Вильгельму II:

«Очень благодарен за твое сообщение [1]). Я надеюсь, что и в других случаях мы всегда сможем рассчитывать на

---

[1]) Речь шла о свидании Вильгельма с англ. королем Эдуардом VII. Вильгельм хвастался, что он при этом случае произнес некоторую пацифистскую декларацию.

нашу взаимную искреннюю дружбу и на нашу любовь к миру». (!).

В следующем, 1903 году, генерал Сухомлинов, будущий военный министр, намечавшийся тогда в начальники штаба австро-румынского фронта, «пришел к твердому убеждению в неизбежности столкновения с габсбургской монархией». О планировавшимся уже столкновении с Германией теперешний германофил умалчивает—но что будущий начальник штаба Куропаткин не мог не быть посвящен в разговоры будущих командующих фронтами, это ясно само собою. 5 января этого же года Куропаткин, докладывая Николаю, отмечал, что «успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дорога, реорганизация турецких сил) могут *ускорить* столкновение России с Германией, или с Турцией, или с той и с другой».

Принципиального вопроса о русско-германской войне даже и не ставилось—это разумелось само собою; разногласие могло быть лишь о том, как *скоро* произойдет это—вопрос был о *темпе* исторического процесса, точь в точь, как для нас стоял вопрос о революции в промежутке 1907—1917 года. И так как темп событий, повидимому ускорялся, то уже пятого марта этого года Куропаткин переходит к планировке практических мероприятий.

«Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армий.

На основании полученных мною директив я обязан представить государю общий по всем армиям план действий. Ранее сего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней позиции наши у Ровно, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, в виду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена также возможность отступления III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с соизволения государя, я намереваюсь командовать армиею, собранною у Холма, которая для проверки наших предложений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег р. Буга».

Мы пропускаем дальше мало интересные теперь стратегические подробности. Но у генерала Куропаткина было наготове не только стратегия, но и политика.

разгромом первых австрийских корпусов, надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массою славян. Надо умело воспользоваться первым же успехом и иметь людей, подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашею границею и Львовом надо обдумать со всех сторон, надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть ко Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов будет нами взят, организовать переход до Львова нашею колеею железной дороги, а далее—австрийскою. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1) крепостью Перемышлем, 2) фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки, дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен, и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если ко времени появления IV и V армий в районе к западу от Львова—Ковель попадет в руки австрийцев».

Мы видим, что маньчжурский неудачник, как многие неудачники, был весьма предусмотрителен. Он предвидел, в сущности, все трудности будущей кампании 1914—15 гг.: и возню с Перемышлем, и затруднения со снарядами и т. д. При этом он попутно разоблачает уже до конца сухомлиновское лицемерие, определенно подчеркивая, что на заседании, где Сухомлинов присутствовал, обсуждался вопрос о войне не только с Австрией, но и с Германией.

«Маленькая победоносная война» с Японией, рассматривавшаяся почти, как маневры в боевой обстановке, помешала разразиться большой войне на Западе в 1903—1904 годах. Вильгельм это великолепно предвидел—оттого «адмирал Атлантического океана» и подзуживал так «адмирала Тихого Океана» к авантюре, отправившей на дно Тихого Океана весь русский флот. Охваченный после Цусимы паникой и бессильной яростью против англичан одновременно, Николай минутно пошел даже на русско-германский союз (договор в Бьоркэ 24 июля 1905 г.)—тотчас же, правда, спохватившись. Особенно характерно это влияние *морского* поражения на Николая. Нам редко рисуется русско-германская война в этом аспекте—столкновения *на море*. Между тем, это была довольно естественная точка зрения. Именно с воды, с Финского залива, всего легче было нанести царской России решительный удар в центр—в форме ли нападения на Кронштадт, в форме ли высадки в Финляндии или в Эстляндии. Колчак подробно рассказывал на допросе, с какой горячей энергией он и его товарищи спешили заградить вход в Финский залив, начав эту работу уже 16—29 июля, накануне общей мобилизации.

В этой связи становится понятна мобилизация Балтийского флота *в первую* голову, о чем мы узнаем из дневника министерства иностранных дел: еще ни один баталион на суше не был мобилизован против Германии, а уже минные заградители вышли в море. Но еще более в этой связи становится понятна глубочайшая *стратегическая логика русско-английского союза.* Пока английский флот висел над берегами Германии со стороны Северного моря, она физически не могла перебросить главные свои силы в Балтику. Как бы ни хотелось Вильгельму одним ударом стать под «Петроградом», он никогда на это не пошел бы ценою потери Гамбурга и Бремена. Союз с Англией ручался Николаю за целость его столицы. Вот отчего, лишенный сразу и флота, и надежды на английскую помощь он мог впасть в такую прострацию, что соглашался даже на союз с Вильгельмом: при чем характерно, что первые разговоры об этом союзе пошли тотчас после «Гулльского инцидента» [1]), когда англо-русская война казалась в двух вершках.

Русско-японская война и последовавшая за ней революция оттянули русско-германскую войну на 10 лет. Но мы видим до какой степени Англия непонинна в «искушении» царской России. Последняя была «всегда готова» начать драку на Висле и Немане, и ее подталкивали в этом направлении не соблазны английских дипломатов, а миллиарды французского золота, влитые в русскую промышленность. *Желание воевать со стороны Франции было основным из войно-образующих факторов.* Не даром военная подготовка пошла уже без всяких перебоев с того момента, как во главе Франции стал Пуанкаре—война. Говорить только о русском империализме было бы половинчатым решением задачи: уже с конца XIX века мы имеем *русско-французский империализм.* На континенте Европы он стоял против германского империализма: английский был «третьим радующимся» в этом споре. В июле 1914 г. ему могло казаться, что он великолепно использовал континентальную драку, получив возможность раздавить своего главного конкурента,—Германию, и парализовать, самым фактом своей помощи, которого, возможного—судьбы атлантических берегов Франции, как и восточного берега Балтики одинакова решались в Лондоне. Лондон не предусмотрел одного: что может явиться *четвертый радующийся,* который положит в карман всех троих... Последствий этой своей ошибки Лондон не ликвидировал до сих пор. Ликвидировала ее пока только одна страна, на которую все участники смотрели только, как на запас пушечного мяса—а она неожиданно оказалась запасом самого сильного взрывчатого вещества, которое когда-либо знал мир.

---

*) „Гулльский инцидент"—расстрел, в припадке паники, эскадрой адм. Рождественского, шедшей под Цусиму, английских рыбачьих судов в Северном море, принятых за японские миноносцы. Это было в октябре 1904 г.

И. Рейнгольд.

К эволюции государственного бюджета С. С. С. Р.

I. Рост бюджета и национальный доход.

Эпоха мирного строительства выдвинула в качестве одной из главнейших задач, задачу финансового оздоровления Советской Республики, на базе упорядоченного бюджета и твердой валюты. В настоящее время от состояния государственных финансов зависит буквально все народное хозяйство страны. Промышленность не могла бы подняться и стать на ноги без разветвленной системы банковского кредита, а эту систему возможно было построить только на основе здоровой валюты. В свою очередь, здоровая валюта связана крепчайшими узами с здоровым государственным бюджетом, так как дефицитность бюджета вынуждает государство прибегать к покрытию этого дефицита, помимо нормальных источников, каковыми являются кредитные операции, к таким чрезвычайным ресурсам как эмиссия, а это означает прибавление нового потока бумажных денег к той массе, которая уже находится в обращении, дальнейшее обесценение бумажно-денежной массы и повторение этого цикла на основе все расширяющегося использования эмиссии, как бюджетного ресурса. Но и сельское хозяйство, являющееся опорой государственного бюджета и всего хозяйства не может развиваться без твердой валюты и такого построения налогов, которое было бы посильно для нынешнего уровня доходов, извлекаемых из сельского хозяйства. Естественно поэтому, что, начиная со второй половины 1922 года, основной задачей нашей финансовой политики явились упорядочение государственного бюджета и создание устойчивой валюты. Анализ трех бюджетов—1921—22, 1922—23 и 1923—24 гг. и сопоставление их с перспективами бюджета на 1924—25 год показывает основные этапы, которые мы прошли в ликвидации дефицитности государственного бюджета:

Года.	Общий размер бюджета	Эмиссия	% отношения эмиссии ко всему бюджету (за округлением)
1921/22	1.000	350	35
1922/23	1.388	387	27
1923/24	1.880	185	10
1924/25	2.080	—	—

(в миллионах золотых рублей, включая начиная с 1922—23 г. ДВО и Закавказье).

От года к году дефицитность государственного бюджета резко сокращается, и бюджет на 24—25 гг. составлен уже таким образом, что нет больше нужды прибегать к эмиссии, как к способу покрытия бюджетного дефицита. Эпоха эмиссионного хозяйства окончилась. Мы вступаем в новую полосу развития нашего государственного бюджета, когда нормальные расходы покрываются нормальными доходами, а так-называемые чрезвычайные расходы, совершенно неизбежные и необходимые в условиях перехода к социалистическим формам хозяйства, покрываются за счет чрезвычайных ресурсов, изыскиваемых государством главным образом за счет развития системы государственного кредита (займов).

Бюджет всегда был наиболее ярким и концентрированным выражением финансов страны и всей ее экономики. Сокращение дефицитности бюджета означает сокращение дефицитности хозяйства страны и рост этого хозяйства; но извлечь из растущего хозяйства страны ресурсы для питания всего нашего государственного аппарата и всей системы государственного хозяйства оказалось возможным лишь в результате напряженной трехлетней работы над построением упорядоченной, надежной налоговой системы и переводом на здоровые финансовые рельсы нашей промышленности и транспорта. Решающее значение при этом имело развитие товарного и денежного рынка, которое привело сперва к значительному сокращению, а потом и к полному исчезновению натуральной части и государственного и местного бюджета. На этой основе развертывалась на протяжении трех лет работа финансового аппарата по построению бюджета, причем *руководящей идеей, этой работы было максимальное возможное развитие налогов и доходов и ограничение расходов рамками, абсолютно неотложных потребностей.* Сопоставление 4-х бюджетов, составленных в условиях новой экономической политики, показывает динамику роста основных элементов доходной части бюджета: налогов, доходов от имуществ и предприятий, находящихся в руках Социалистического государства, кредитных операций и эмиссии:

	21/22 г.	22/23 г.	23/24 г.	24/25 г.
	(в миллионах ч. рублей)			
1. Налоги	450	405	623	832
2. Доходы от государст. имуществ и предприятий	199	511	850	1.048
3. Кредитные операции.	1	85	222	200 (включая ремонтн. доход).
4. Эмиссия	350	387	185	—
	1.000	1.388	1.880	2.080

Первые три бюджета, в большей или меньшей степени, включали в себе натуральный элемент и если разделить наш бюджет на натуральную и денежную его части, то легко увидеть, как быстро увеличивается денежность хозяйства, что находит свое яркое отражение в бюджете:

	1921—22 г.		1922—23 г.		1923—24 г.		1924—25 г.	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Натуральная часть бюджета	550	55	158	11	55	3	—	—
Денежная часть	450	45	1230	89	1825	97	2080	100
	1000	100	1388	100	1880	100	2080	100

Текущий год является последним годом, сохраняющим слабые остатки эпохи натурального хозяйства, но уже бюджет на 1924—25 год будет целиком денежным. Если в 1921—22 году мы одной ногой в бюджете стояли на продналоге, другой на эмиссии, а все остальное не играло никакой серьезной роли, то в следующем 22—23 году сокращается значение эмиссии, уменьшается значение продналога, растут доходы от государственных имуществ и предприятий, а в 23—24 году мы уже не находим трудгужналога, а вместо целиком натурального продналога переходим к сельско-хозяйственному налогу, который на 4/5 вносится в денежной форме и только на 1/5 в форме натуральной; наконец с 1-го января 24 года, взимание сельскохозяйственного налога в натуре совершенно прекращается. Ликвидация натуральной части бюджета имела для него огромное значение в смысле обеспечения большей реальности бюджета, значительного сокращения издержек по взиманию государственных налогов и устранения препятствий к дальнейшему развитию товарности крестьянского хозяйства, что чрезвычайно важно для под'ема продукции сельского хозяйства. До тех пор, пока крестьяне платили основной налог натурой, а не деньгами, это означало фактический бойкот государством своих собственных денег; это означало исключение громадного поля для приложения денег и сокращение сферы их обращения; переход от натуральной формы взимания налогов к денежной явился по существу первым и наиболее решительным шагом по пути подготовки денежной реформы.

Из приведенной выше таблицы роста бюджета, видно каким быстрым темпом идет увеличение общего размера нашего бюджета. Такого темпа не знала царская Россия, и мы в этом отношении проходим в один год такое расстояние, которое царская Россия в развитии своего бюджета проходила в течение нескольких лет. Это означает ускорение темпа удовлетворения наших потребностей, но, с другой стороны, естественно возникает вопрос о нормальности такого развития, вопрос о том, наскольно-

ко параллельно с ростом бюджета растет национальный доход страны и не опережает ли значительно рост бюджета роста национального дохода.

Мы не располагаем достаточно точными данными о нашем национальном доходе. Да впрочем и в довоенное время соответствующие подсчеты не отличались особой точностью, но для общей ориентировки эти данные полезны; можно считать установленным факт увеличения нашего народного дохода с 6,5 миллиардов в 22—23 гг. до 8,5, намечающихся в 24—25 гг.,—и это позволило через инструмент государственного бюджета извлекать из национального дохода ту его часть, которая должна быть направлена на содержание государственного аппарата, армии, на поддержку транспорта, промышленности, строительство, электрификацию и создание сельско-хозяйственного кредита, при чем в общем и целом можно сказать, что развитие нашего бюджета шло параллельно росту дохода страны, может быть, немного его опережая. Если в 21—22 году мы при чрезвычайно низкой производительности труда и снизившемся уровне сельского хозяйства, извлекая для нужд государственного хозяйства ресурсы, затрагивали и основной капитал страны, то уже в 22—23 и в дальнейшие годы несомненно бюджетное бремя было облегчено. Чистая продукция сельского хозяйства и промышленности составляла в 21—22 гг.—3,7 миллиардов дов. рублей при бюджете в 1 миллиард, довоен. рублей, что означает немного меньше 1/3 дохода, в 22—23 г. чистый доход 4,9, а бюджет в черв. рублях 1,3 миллиарда (без ДВО и Закавказья), а в довоенных рублях бюджет вряд ли больше 1,0 миллиарда, что дает уже около 20%. Чтобы выявить линию развития бюджета, необходимо остановиться на более детальном анализе, как уже истекших 3-х бюджетных периодов, так и внесенного на рассмотрение Совнаркома проекта бюджета на 1924—25 год.

II. Первый ориентировочный бюджет (1922 г.)

Бюджет на период январь—сентябрь 1922 года составлялся дважды: в конце 21 г. и в мае 22 г. Первый бюджет получил название «жесткого» и был утвержден IV С'ездом Советов в сумме 1.877 миллион. довоенных рублей по расходу, 1.572 миллиона рублей по доходной части, при дефиците в 305 миллионов рублей. Он включал в себе громадное количество оборотных доходов и расходов, представлявших собой безденежные внутренние платежи ведомств друг другу. По сути дела этот бюджет отражал в себе целиком методы финансирования хозяйства, установившиеся в эпоху военного коммунизма с той лишь разницей, что, в отличие от предшествовавших ему бюджетов, он был составлен в золотых рублях, а не в совзнаках. Переход к новой экономической политике, сопровождавшийся выходом отдельных трестов и предприятий на вольный рынок с полным снятием их с госбюджета, неправильное исчисление и отражение в бюджете продукции промышленности и передача целого ряда расходов с государственного на местный бюджет, нанесли такие сокрушительные удары «жесткому» бюджету, что через несколько не-

дель после его утверждения пришлось совершенно отказаться от попытки исполнять этот бюджет и приступить к составлению ориентировочного бюджета на тот же период январь—сентябрь (так называемый «ориентировочный бюджет») на принципиально других основаниях. В мае новый проект бюджета был внесен в Совет Народных Комиссаров в цифре кругло в 1,1 миллиарда, а Совнаркомом он был сведен таким образом, что расход исчислен в цифре 1.707 миллионов рублей, доход в 982 милл. при дефиците 752 милл. руб. или 42½% всего бюджета.

Исполнение этого бюджета показало, что хотя в смысле техники его составления был сделан громадный шаг вперед, но он был скорее выражением потребностей нашего государственного хозяйства, чем реальных возможностей для их удовлетворения. Бюджет был выполнен в действительности менее, чем на половину. Причины этого неисполнения заключаются в следующем: бюджет получил окончательное утверждение лишь в июле месяце, когда наша налоговая система оставалась еще весьма не развитой, и финансовый аппарат только организовался; сметные предположения были СНК несомненно преувеличены и недооценивали того обстоятельства, что переход от эпохи полной ликвидации налогов к их восстановлению затянется на значительный промежуток времени; наконец, и это было решающим обстоятельством, обесценение совзнаков влекло за собой и обесценение доходных поступлений, так как налоговые ставки и тарифы были установлены в совзнаках. Анализ динамики роста поступлений налогов за период январь—сентябрь показывает, каким быстрым темпом шло развитие налоговой системы. Если в январе 1922 г. все виды налогов дали 460 тысяч зол. руб., то в сентябре эта цифра увеличивается в пятнадцать раз и достигает 6.800 тысяч рублей.

Таким образом к концу этого бюджетного периода построение налоговой системы было вчерне закончено, основные налоги введены, и последующие годы немного прибавили новых налогов (подоходно-поимущественный, рентный доход, текстильный акциз). Транспорт и связь также не оправдали возлагавшихся на них ожиданий, и это об'ясняется крайне несовершенной тарифной политикой, которая тогда проводилась.

Что касается продналога, то поскольку он стоял в центре взимания, взимался в натуральной форме и поэтому не обесценивался, его поступление оказалось очень близким к сметным предположениям, и собранные за эти 9 месяцев 250 милл. пуд. ржаных единиц по ценам в момент их взимания стоили примерно 310 милл. зол. рублей. Ориентировочный бюджет был сведен с непокрытым дефицитом в 725 миллионов рублей; этот дефицит должен был покрываться за счет усиленного выпуска бумажных денег. Но, конечно, нельзя было в течение 9 мес. извлечь такой громадной суммы, если учесть, что стоимость всей денежной массы на первое января по Всероссийскому индексу кон'юктурного института составляла около 95 милл. руб. Чем больше приходилось нажимать на печатный станок, тем меньше была эффективность эмиссии и несмотря на то, что в совзнаках эмиссия к маю месяцу увеличилась в 7 раз, реальная золотая стоимость ее месячного выпуска уменьшилась почти в 2 раза. Так рынок

дал нам в мае 1922 г. первый серьезный урок правильной оценки эмиссионных возможностей, и хотя эмиссионные иллюзии не раз давали себя знать в позднейших бюджетных построениях, но все же опыт бюджета 1922 г. помог быстрее эти иллюзии изжить.

Обзор бюджета на период январь—сентябрь 1922 года показывает, что этот бюджет является переходным к серии упорядоченных годовых бюджетов. Он сохраняет в себе еще слишком много черт переходной эпохи от военного коммунизма к нэп'у. Наконец, он является переходным еще и в том отношении, что после него бюджетные периоды устанавливаются не применительно к календарному году, как это было в царской России и в после—октябрьский период, а к хозяйственному году, начинающемуся 1-го октября. Для того, чтобы иметь возможность бюджет на 1922—23 года составить применительно к новому хозяйственному году, и пришлось бюджет на 1922 год планировать на 9 месяцев январь—сентябрь.

III. Бюджет 22—23 г. и законы об ограничении эмиссии.

Работа над бюджетом 1922—23 года ставила своей целью упрочить как доходную, так и расходную части, и построить его на основе более совершенной бюджетной техники. Внешне это одна из характерных черт, отличающих бюджет 1922—23 года от предшествовавших ему попыток составления бюджета.

Несмотря на то, что работа по бюджету на 1922—23 год была начата ведомствами еще в августе 1922 года, самый проект бюджета не получил в течение всего бюджетного года окончательного утверждения.

В силу затяжки утверждением бюджета, Совнарком решил образовать специальную бюджетную комиссию и дать ей задание сбалансировать бюджет на 1-е полугодие. Одновременно, по предложению НКФ, было внесено решение об ограничении размеров месячной эмиссии в 30 милл. руб. по курсу на 1-е число. Это был несомненно очередной шаг по пути упорядочения государственного бюджета. Изжита была иллюзия о возможности неограниченного расширения эмиссии, и за ее счет неограниченного расширения государственных расходов. Под весь бюджет подводилась некоторая устойчивая база, складывавшаяся из совершенно точно фиксированной суммы эмиссии на каждый месяц, плюс те доходы, которые можно было реально за соответствующий бюджетный период получить.

Принятое решение обязывало Комиссию Совнаркома свести государственный бюджет таким образом, чтобы эмиссия на 2-е полугодие составляло не более 180 милл. руб. Комиссия к концу июня закончила свою работу и пришла к следующим выводам на 2-о полугодие: доходы были исчислены ею в 650 миллионов, расходы—в 875 миллионов, и эмиссия определена примерно в 225 милл. руб. т. е. на 45 милл. руб. больше, чем это разрешал установленный эмиссионный закон. Так как до конца бюджетного года оставалось уже всего 3 месяца и вновь пересматривать бюджет вряд ли было бы рационально, Комиссия ограничилась предложением Финансовому Комитету, утверждавшему месячные бюджетные планы, исходить из необходимости сократить ассигнования Комиссии в процессе составления и утверждения месячных бюджетных планов таким образом, чтобы не выйти за пределы 30 милл. руб. эмиссии в месяц. В действительности однако даже предел в 30 милл. оказался слишком высоким и явно непосильным для всего народного хозяйства, и Сессия ВЦИК'а вскоре же постановляет ограничить этот предел с 1-го августа лишь 15-ю миллионами руб. золотом по курсу на 1-е число.

Сравнение налоговых поступлений за 2 бюджетных года показывает, что поступление денежных налогов превысило в 1922—23 г. более чем в 10 раз итоги 1922 года, при чем это повышение надо отнести, как за счет поступлений по новым налогам, так и за счет прироста поступлений по налогам, ранее функционировавшим.

В основе этого роста лежало оживление хозяйственной жизни страны и увеличение покупательной способности населения. Но, конечно, огромное значение имело улучшение налоговой работы и организация налогового аппарата, который все лучше и полнее учитывал об'екты обложения. Картину роста налоговых поступлений по кварталам дает следующая таблица. Общая тяжесть налогового обложения по госбюджету составляла немного меньше 4-х р. в среднем на душу населения, против довоенных 11 руб.

1922—23 год (в милл. черв. руб.). Без Д. В. О. и Закавказья.

По кварталам.	Всего поступило налогов.	Денежные.	Натуральные.
I кв.	67,8	29,2	38,6
II „	119,6	60—	59,6
III „	87,4	63,8	24,6
IV „	101,1	83,4	17,7

На протяжении 1922—23 года значительно выросла доходность транспорта. Этому способствовала новая тарифная политика, которая перешла от перевода золотых ставок по курсу, далеко отставшему от действительного роста цен, к коэффициентам, больше приближавшимся к индексу Госплана. Сперва этот коэффициент устанавливался раз в месяц, а во втором полугодии 2 раза, и завершением этой политики явился перевод тарифов на червонное исчисление с 1-го октября.

С другой стороны, общее оживление товарооборота, организация хлебного экспорта, развертывание угольной и нефтяной промышленности, сказалось на транспорте ростом грузооборота, и в соединении с реальной тарифной политикой это дало сравнительно с 1922 годом огромный финансовый эффект.

Годы.	Средн. количеств. погружен. в день вагонов.	Общ. количеств. отправленных грузов	Доход.
1913	30,9 тыс	9.6 милл. пуд.	1,175 мил. р.
1921-22	9,6 „	2,4 „ „	75 „ „
1922-23	11,7 „	3,5 „ „	426 „ „

Расходы транспорта выросли еще сильнее, чем его доходы, и потребовали для своего покрытия сверх поступившей выручки—свыше 120 миллионов рублей дотаций.

Аналогичное транспортному, финансовое оздоровление наметилось и в части так-называемых неналоговых государственных доходов, под которыми следует разуметь доходы от всех прочих (кроме транспорта и связи) государственных имуществ и предприятий. Сюда относятся доходы от лесов, земельного и лугового фонда, промышленности, торговли, банков и т. д.

Промышленность, для которой 1922 год был годом ренанша после периода разбазаривания промышленной продукции, накопила некоторую сверхприбыль на разнице в уровне цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, но государство не регулировало этого процента накопления через государственный бюджет, и он протекал в значительной мере стихийно. То же самое надо сказать о банках и торговле. В бюджете 1922—23 года проблема развития неналоговых доходов была скорее поставлена, чем разрешена. Финансовые результаты кампании за усиление неналоговых доходов в общем довольно скромны и выражаются в цифре около 45 милл. руб. Наконец, что резко отличает доходную часть бюджета 1922—23 г., это развитие кредитных операций, создание целого ряда займов и заложение, таким образом, фундамента системы государственного кредита. Недостаток свободных наличных капиталов у населения подсказывал необходимость осуществлять, в первую голову, краткосрочные кредитные операции, при чем такие, которые имели бы так-называемое—податное обеспечение. Такой операцией явился хлебный заем, открывающий целую серию, уже осуществленных и намеченных к осуществлению, внутренних займов. Если 1-й хлебный заем, вследствие новизны дела, дал относительно скромные результаты, так как он и не был рассчитан, как крупное финансовое мероприятие, то уже 2-й хлебный заем дал государственному бюджету возможность сманеврировать в те месяцы, когда продналог был с'еден, а новый сельско-хозяйственный налог еще не поступал, и обеспечить регулярное удовлетворение бюджетных нужд. Поступления от хлебного займа в 1922—23 году составили без малого 40 милл. рубл. Чрезвычайно удачной оказалась сама идея увязки хлебного займа с обратным приемом его в погашение при уплате продналога, но реализация этой идеи оказалась возможной только потому, что процесс денатурализации крестьянского хозяйства уже зашел к этому времени достаточно далеко, и крестьяне зачастую предпочитали денежную уплату налогов натуральной. За этой первичной кредитной операцией последовал целый ряд более сложных и рассчитанных на более длительные сроки займов. Из них крупнейшее значение сыграл 1-й выигрышный заем. Реализация этого займа исходила из того, что держателями займа в Советском государстве должны быть прежде всего рабочие и крестьяне. Отмеченный выше факт бедности страны свободными капиталами исключал возможность реализации наших займов исключительно среди нэпмановской буржуазии. С другой стороны, участие широчайших трудящихся масс в государственном займе означало вместе с тем активное участие в оздоровлении государственных финансов, замедление темпа падения рубля в результате сокращения эмиссии и тем самым темпа роста цен и вздорожания жизненного уровня. 1-й выигрышный заем оказался крупнейшим подспорьем для государственного бюджета и дал в 1922—23 году 45 милл. руб., т.-е. столько, сколько дали все неналоговые доходы вместе взятые. Неверно, что это было результатом «принудительного» размещения 1-го выигрышного займа. В порядке коллективной и индивидуальной подписки и выдачи в заработную плату было размещено не более 25 миллионов. Остальные 20 миллионов были реализованы в порядке обычно существующем при размещении государственных займов, и надо отметить, что некоторый интерес к займу проявил даже частный капитал.

Наша основная задача—вовлечь крестьянство в государственные займы, связать его этим путем с интересами государственного бюджета и это будет означать в то же самое время укрепление политической связи между рабочим классом и крестьянством. Именно по этой линии, как мы увидим, при обзоре бюджета на 1923—24 год шла наша финансовая политика, развивая краткосрочный хлебный заем в кредитную операцию более широкого и длительного масштаба, каковой является первый крестьянский заем.

Мы уже отмечали, что бюджетный дефицит 1922—23 г. составлял 27% всего бюджета, а в абсолютных цифрах эмиссия, покрывавшая этот дефицит выразилась в цифре 387 миллионов рублей, включая в эту цифру 13 милл. руб. эмиссии закзнаков, выпущенных Закавказской Федерацией.

Где лежал корень дефицитности нашего государственного бюджета? Главная причина, конечно, заключалась в общем обеднении страны, в ненормально низком уровне цен на сельско-хозяйственные продукты, понижавшей платежеспособности крестьянства, от благосостояния которого, главным образом, зависит благосостояние бюджета и, наконец, в финансовой и экономической слабости в общем нашей промышленности и транспорта. В этом не трудно убедиться также из анализа расходной части бюджета на 1922—23 г.

1922—23 г. (в милл. черв. р.)

ДОХОДЫ.		РАСХОДЫ.	
А. Обыкновенные:		А. Обыкновенные:	
1. Прямые налоги и пошлины	230	1. Наркоматы	318
2. Косвенные налоги	175	2. Транспорт и связь	580
3. Транспорт и связь	454	3. Оборона	242
4. Госуд. имущество и предприятия	57	Итого обыкновенных	1.140
Итого обыкновенных	916	В. Чрезвычайные:	
В. Чрезвычайные:		1. Промышленность	123
1. Кредитные операции	85	2. Сельское хозяйство	64
2. Эмиссия	387	3. Электрификация	28
Итого чрезвычайных	472	4. Кооперация	10
		5. Операции госуд. казначейства и разн. чрезв расходы	23
		Итого чрезвычайных	248
ВСЕГО	1.388	ВСЕГО	1.388

Сопоставление наших обыкновенных доходов с обыкновенными расходами дает дефицит по обыкновенной части бюджета в 360 с небольшим милл. руб. Из этих 360 милл. руб. надо около 160 милл. отнести на расходы, связанные с покрытием дефицита по транспорту и связи и по некоторым ассигнованиям, не являющимся в действительности обыкновенными расходами (как напр., покупка золота у трестов для увеличения государственного золотого фонда). Поэтому было бы правильно утверждать, что мы наши нормальные расходы свели с дефицитом в 200 милл. руб. или около 20% нормального бюджета. Если же взять весь бюджет в целом, то дефицит, покрываемый чрезвычайными ресурсами, в том числе и эмиссией, составил свыше 480 милл., а прибавляя сюда увеличение краткосрочного долга Гос. Казначейства, в результате операций с платежными обязательствами в цифре 36 миллионов, мы получим действительный размер нашего дефицита в сумме 516 милл. руб. или 1/3 расходов. Этот полумиллиардный дефицит, как указано было выше, только на 200 миллионов может быть об'яснен недоразвитостью всей нашей нормальной доходной части бюджета, а остальные 300 миллионов суть следствия дефицитности нашего хозяйства, потребовавшей от государственного бюджета целого ряда финансовых мероприятий по восстановлению промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли. Если бы нам не пришлось в 1922—23 г. покрывать дефицитности нашего государственного хозяйства, на что было израсходовано около 380 миллионов, мы могли бы уже в 1922—23 г. отказаться от эмиссии, которая тоже составляла несколько более 380 миллионов.

В наших чрезвычайных расходах наиболее крупное место заняла промышленность. Государственная поддержка национализированной промышленности производилась в 1922—23 г. следующими путями: 1) выдачей бюджетных ассигнований на увеличение основного и оборотного капиталов наших трестов, носивших безвозвратный характер, 2) выдачей бюджетных ассигнований на покрытие дефицита той или иной отрасли промышленности, явившегося следствием продажи продукции по ценам ниже себестоимости, 3) выдачей долгосрочных ссуд в бюджетном порядке, 4) оплатой государственных заказов и 5) коммерческим кредитованием через посредство Госбанка.

Ассигнования по 1, 2 и 3 пункту составили в общей сложности около 125 милл. черв. руб. Государственные заказы были оплачены на сумму около 300 милл. рублей. Наконец в порядке коммерческого кредитования промышленность получила около 175 милл. рублей. Всего, таким образом, приток средств в промышленность достиг весьма значительной цифры около—586 милл. руб. Это имело решающее значение для промышленности, позволило ей укрепиться и войти в 1923—24 год со значительно меньшим кассовым дефицитом, чем тот, с которым она вступила в 1922—23 г.

Крупные ассигнования были произведены также и по линии сельского хозяйства. Прямые ассигнования в форме целевого кредита, связанные с сельским хозяйством,—составили 43 милл. руб., и 20 милл. руб. пошло на экспорт сельско-хозяйственных продуктов и косвенно связаны с помощью сельскому хозяйству. Почти половина поступившего в госбюджет продналога была обратно возвращена крестьянам в той или иной форме, в частности путем организации сельско-хозяйственного кредита и здесь бюджет, как и в других областях народного хозяйства, выступил как инструмент перераспределяющий в соответствии с нашей политикой в деревне накапливаемые крестьянством капиталы.

Оглядываясь теперь назад и подводя бюджетные итоги 1922—23 году, можно высказать положение, что мы пожертвовали нашей совзначной валютой в интересах хозяйства и в частности промышленности;—это то самое явление, которое мы имеем возможность наблюдать до последнего времени почти по всей Зап. Европе, в частности во Франции и в Германии. Господство Стиннеса в Германии означало не что иное, как диктатуру промышленности, подчинившей себе финансы и крах германской марки есть не что иное, как принесение ее в жертву интересам германской тяжелой индустрии поджавшей под себя германскую валюту. Падение французского франка означает такую же диктатуру французских промышленных кругов, использовавших французский франк для расширения работы предприятий и получения колоссальных сверх-прибылей на порче денежного обращения. Разница заключалась в том, что у нас эти процессы не протекали так стихийно, как на Западе и поддавались известному регулирующему воздействию государства, искавшего при разрешении вопроса о размере финансирования народного хозяйства некоторую среднюю линию, которая не привела бы к преждевременному краху совзнака. Сейчас можно утверждать, что эта линия все же в конечном счете, пролегала гораздо ближе к промышленности и транспорту, тем к интересам денежного обращения.

IV. Последний „эмиссионный“ бюджет.

В бюджете на 1923—24 г. был сделан такой шаг вперед, который в годы мирного развития страна делала в 5 лет. По абсолютным своим размерам бюджет 1923—24 года, исчисляемый в 1,880 милл. соответствует царскому бюджету в 1900 году, а бюджет 1922—23 г. Россия имела в 1894—1895 годах.

Бюджет вырос на полмиллиарда рублей—аналогию мы можем найти только в бюджете 1904 года, который увеличился на 600 милл. руб. против бюджета 1903 года. Но тогда это явилось следствием войны России с Японией.

В 1923—24 году указанное выше увеличение связано с чрезвычайно бурным развитием производительных сил страны, освобожденных от оков целиком натурального хозяйства и стимулированных денежной реформой и созданием твердой валюты. По некоторым подсчетам наш национальный доход увеличился в этот год на 25%. Это подтверждает и сравнение основных показателей кон'юнктуры народного хозяйства в 1922—23 г. и в 1923—24 годах.

Эти и многие другие данные показывают размах нашего хозяйственного развития, расширение товарооборота и вовлечение в него деревни, что было ускорено наметившимся с осени процессом сжатия ножниц, которые в конце 2 квартала пришли в общем к нормальному раствору.

	1 квартал 1922—23 г.	1 квартал 1922—23 г.
1. Стоимость всей денежной массы в обращении (в зол. руб. по Всер. Инд. Кон. Инстнт.).	107,4 м. р.	172,5 м. р
2. Кредит по сводному балансу Госбанка (в черв руб.). .	191,8 „ „	907,9 „ „
3. Обороты внешней торговли (в зол. руб. по довоен. цен.).	25,8 „ „	48,7 „ „
4. Обороты внутр. торговли (по данным Моск. Тов. Биржи в м. черв. руб.)	30,6 „ „	101,6 „ „
5. Грузооборот на транспорте (в милл. пуд.)	288	349

На этой основе увеличились поступления свыше чем на 200 милл. от прямых налогов против прошлого года на 250 от транспорта и связи и свыше чем на 50 милл. доходы веналогового характера. которые в этом году действительво стали давать государственному бюджету ощутительный доход.

До внесения уже разработанного бюджета, НКФ еще в августе—сентябре 1923 г., перед началом бюджетного года, внес и Правительство утвердило так-называемый *контрольный бюджет*.

Смысл этого акта заключался в том, что еще до начала бюджетного года были подсчитавы в Народном Комиссариате Финансов ожидавшиеся к поступлению в 1923—24 г. доходы, и на основе подсчета доходов, а также опыта 1922—23 года в распределении основных расходных назначений, были намечены контрольные цифры для ведомств и чрезвычайной части нашего бюджета, носящей восстановительный характер. За пределы этих контрольвых цифр ведомства не должны были выходить и имели право лишь представить специальные сметы в случаях, когда потребности ведомства выходили за пределы контрольных цифр. Это, конечно, предрешало удовлетворение в первую очередь несущих потребности ведомств и всего государственного хозяйства, и лишь в случае, если бы остались еще свободные ресурсы— они могли бы быть обращены на удовлетворение дополнительно возникших потребностей.

Проект внесенный Наркомфином, предварительно в Госплан, подвергся при обсуждении в Госплане изменению: доходная часть его была несколько сокращена, а расходная увеличена, в результате чего Совнаркому был представлен несбалансированный бюджет в следующих цифрах:

(В милл. зол. руб.).

ДОХОДЫ:	НКФ.	Госплан.	РАСХОДЫ:	НКФ.	Госплан.
1. Прямые налоги . . .	373	373	1. Общесоюзн. ведом. .	69,1	69,8
2. Акцизы	153	155	2. Оборона	250	325
3. Тамож. доход	100	80	3. Дотац. трансп. и связи	33	103,5
4. Пошлины	28	28	4. Об'единен. ведом. . .	127	126
5. Доходы от гос. имущ. и предпр.	93	92	5. Необ'единен. ведом. .	149	157
			6. Резервные фонды . .	52	62
6. Возврат ссуд пр. рода доходы	19	19	7. Операции государст. казначейства	123,8	123,8
Итого . .	761	747	8 Финансир.:		
7. Дефицит, покрываемый кредити. операц., реализов. валюты и эмиссией	250	250	а) промышл. . . .	75	100
			б) сел. хоз. . .	64	64
			в) кооперации . .	15	15
			г) коммунальный кредит	15	15
			д) электрофик. и строит.	25	41,5
			Итого по финан. .	194	235,5
	1,011*)	997		997,9	1.202,6

Сравнение показывает, что в оценке возможных доходных поступлений не было серьезных разногласий между Наркомфином и Госпланом—оба определяли этот доход в цифре около 1 миллиарда рублей без доходов транспорта и связи, являющихся в значительной мере оборотными, а если прибавить эти доходы, оценивавшиеся несколько больше чем в 600 милл. руб., то размер бюджета достигал 1.600 милл. руб. или 1.650 милл. руб. в зависимости от различной оценки доходных перспектив транспорта и связи.

В расходной же части наметились разногласия на сумму в 205 миллионов рублей, складывавшихся из следующих расхождений: по обороне—75 милл. руб., по транспорту и связи—70 милл. руб. и по финансированию основных отраслей государственного хозяйства—40 милл. руб., остальные разного рода расхождения более мелкого характера.

Совет Народных Комиссаров признал, что вариант Госплана является предельным и что в процессе анализа отдельных смет

*) Так как доходы от госуд. имущ. и предприятий в предположениях НКФ были внесены брутто, т. е без исключения отчислений местам, то для сравнения их с цифрами Госплана следует их на соответствующую сумму понизить, и тогда доходы составят около 1 м-да руб. без доходов транспорта и связи.

и финансовых планов размер расходов должен быть сокращен и приближен к уровню ожидающихся доходов.

Таким образом, сбалансированного бюджета мы не имели, и лишь 31 декабря Народным Комиссариатом Финансов был представлен детальный разработанный бюджет в Госплан и Совнарком, рассмотрение которого затянулось, и утверждение последовало лишь недавно.

До утверждения годового бюджета государственное хозяйство финансировалось по квартальным и месячным бюджетным планам, которые строились до декабря на основе контрольного бюджета, разработанного НКФином. Бюджетная наша система текущего года несколько приближается к итальянской, где в начале года также составляется нечто в роде нашего контрольного бюджета, а к середине года, на основе опыта первого полугодия составляется и утверждается, так-называемый «упорядоченный бюджет». Трудность заключалась у нас, однако, в том, что наш *контрольный бюджет не был сбалансирован,* и что этот баланс мы пытались находить в масштабе трехмесячных и месячных бюджетных планах и в представленном годовом бюджете.

Дефицит, по варианту Госплана составлял 455 милл. руб., из которых непокрытыми оставались 205 милл. руб., по варианту НКФ, он составил 250 милл. руб., подлежавших покрытию кредитными операциями и эмиссиями.

Теперь, когда позади уже целое отчетное полугодие, интересно и поучительно проследить, как изменились эти первоначальные предположения в годовом проекте НКФина, и насколько этот проект соответствует фактическим доходам и расходам, иными словами, как балансировался бюджет за эти 6 месяцев, и есть ли уверенность в том, что составленный годовой бюджет является реальным, действительно сбалансированным бюджетом.

Свод бюджета Союза (без Дальне-Восточной Области Закавказья) по проекту НКФина имеет следующий вид:

ДОХОДЫ.		РАСХОДЫ.	
1. Прямые налоги	246,7	1. Общесоюзн.	84,2
2. Акцизы	169,5	2. Оборона	345
3. Там. доходы	66,5	3. Дотац. трансп. и связи	44
4. Пошлины	32	4. Об'ед. вед.	120
5. Доходы от гос. им. и предпр. (без транспорта и связи)	124,5	5. Необ'ед. вед.	138,6
		6. Резервн. фонды	67
6. Возврат ссуд и разн. рода доходы	14,7	7. Операц. гос. казн.	117,5
		8. Финансирование:	
		а) промышленности	68,3
		б) сел. хоз.	67,1
	653,9	в) кооперации	20
7. Дефицит, покрываемый кредитн. операц., реализ. валюты и эмиссией	463,6	г) коммун. кред.	2
		д) электрификац. и строит.	44
		Итого финансирование:	201,4
	1.117,5		1.117,5

Этот проект представляет собой *уже сбалансированный бюджет,* при чем общий размер его увеличился по сравнению с *контрольным бюджетом* на 100 слишком миллионов рублей. Это отнюдь не означает, что доходы были преуменьшены в первоначальном проекте НКФина, наоборот, они оказались сильно преувеличенными в части, касающейся прямых налогов, больше, чем на 120 милл. руб., и это преувеличение падает на единый сельско-хозяйственный налог.

По первоначальному проекту, сельхозналог должен бы дать 288 милл. золотых рублей, но низкие хлебные эквиваленты и обесценение денежной части налога, поступавшей в совзнаках, свело реальный размер поступлений к 168 милл. руб., и недобор, таким образом, составил около 120 милл. рублей.

Остальные части доходного бюджета изменились не столь значительно. Снизились таможенные доходы, рассчитанные на несколько иное соотношение между экспортом и импортом, чем то, которое реально сложилось, увеличились доходы от государственных имуществ и предприятий, в частности, от промышленности, в результате рассмотрения ее балансов.

Если, тем не менее, общий размер бюджета даже увеличился против контрольного, то это *означало в действительности увеличение дефицитности бюджета и необходимость изыскания новых источников (в частности, развития кредитных операций) для покрытия этого дефицита.*

Таким образом, против основных предположений, доходы уменьшились примерно на 100 милл. руб., и расходы увеличились на 100 слишком миллионов, в результате чего исчисленный дефицит увеличился более, чем на 200 милл. руб. и достиг 463 милл. руб.

Как предполагалось покрыть этот дефицит.

На 200 миллионов рублей займами, на 80 милл. реализацией валюты, поступающей за продаваемый государством заграницей хлеб и на 180 милл. руб. эмиссией.

Поскольку нормальная доходная часть бюджета вполне реальна и обоснована, центр тяжести бюджетного баланса перемещается таким образом в чрезвычайную часть бюджета, и в ней лежит решение бюджетной проблемы.

Три новых займа предприняты для сбалансирования бюджета: это 2-й выигрышный заем, крестьянский выигрышный заем и так-называемый гарантийный или 8% внутренний заем.

Они обращены к 3-м заимодавцам—к городской буржуазии, крестьянству и промышленности и должны дать в этом бюджетном году 120 милл. руб., при чем на долю городской буржуазии падает—35 милл. руб., столько же на промышленность и 50 миллионов на крестьянство.

Об'ективная предпосылка—денежность народного, и в частности крестьянского хозяйства налицо и наличие известных кассовых или вообще ликвидных резервов, накопленных в порах нашего хозяйственного организма несомненно. Будут неко-

торые технические трудности, но при энергичном содействии государственного и партийного аппарата они могут быть преодолены без особых затруднений. А для крестьянства заем представляет такие крупные выгоды, что с этой стороны трудно ожидать каких-либо неожиданностей.

Остальные 80 милл. руб. представляют собой кредитные операции, фактически уже осуществленные в первом полугодии этого бюджетного года, и среди них самое крупное место занимает 1-й выигрышный заем, давший до 50 милл. руб., а вместе с полученными от этого займа в прошлом году 40 милл.,—почти полностью те 100 милл. руб., на которые он был рассчитан.

Что касается размеров эмиссионного дохода, то теперь уже не подлежит сомнению, что он фактически уже получен и составит даже несколько большую цифру—185 милл. Возможность получения 185 милл. руб. эмиссионного дохода открыла денежная реформа.

Трудно думать, что мы могли бы получить эту сумму продолжая катиться по рельсам совзначной эмиссии, не говоря уже о том, что затянуть агонию совзнака на весь бюджетный год представлялось бы задачей явно утопической. Хотя 1-е полугодие бюджет исполнялся в совзнаках, но он был выражен в червонных рублях с переводом их при исполнении по курсу дня. Это выгодно отличает его от прошлогоднего бюджета, составленного в товарных рублях. Система счета в товарных рублях была чрезвычайно искусственна и затушевала реальный размер расходов по отдельным отраслям государственного хозяйства. Переход на твердую валюту делает наш бюджет более устойчивым и реальным, а опыт годовой работы и нащупывания наших доходных возможностей и расходных пропорций позволяет придать ему большую обоснованность в исчислении, чем в прошлом году.

Наконец ликвидация продналога и резкое сокращение натуральных элементов в бюджете в связи с уплатой большей части сельско-хозяйственного налога деньгами, внесли элемент значительного упорядочения в нашем основном крестьянском налоге.

Бюджет прошлого года, хотя точных данных нет еще в нашем распоряжении, может быть определен по предварительным данным в сумме—1.880.000 тыс. червон. руб. переводя совзнаки в червонные рубли по среднему курсу червонца на каждый месяц. Общие размеры бюджета увеличивается на 35% против прошлогоднего.

Анализ отдельных частей бюджета этого года и сравнение их с данными истекшего года, показывают, что увеличивается главным образом нормальная, обыкновенная часть наших доходов.

Государственные налоги и доходы (в милл. черв. руб.) включая ДВО и Закавказье.

(В дов. зол. руб.),	1913 г	1922—23	1923—24*)
1. Налоги (ден. и нат.)	1.140	405	623
Каз. в моноп.	840		
	1.980		
2. Транспорт—казенные ж. д. .	805	425	650
Частные ж. д.	370		
	1.175		
3. Связь	117	28	45
4. Госуд. имущество и предприятия	238	58	155
5. Кредитные операции . . . 6. Эмиссия	60	387	185
(без дох. от 4 жел. дор.) .	3.200	1.388	1.880

При общем увеличении бюджета на 500 милл., наши нормальные доходы возрастают на 560 милл., а чрезвычайные ресурсы выражающие собой в сущности размер нашего покрытого дефицита—сокращаются на 60 милл. руб.

Рост нормальных доходов—вот основная положительная черта нашего бюджета, и на ряду с этим надо отметить резкое сокращение дефицита, покрываемого эмиссией. Непокрытый бюджетный дефицит (эмиссию мы не можем рассматривать, как покрытие) составляет 180 милл. руб. или 15 милл. черв. руб. в месяц и несколько меньше 10% от всего бюджета. Во многих капиталистических странах дела обстоят бесконечно хуже. Для Польши, Австрии, Германии, Советский бюджет пока недосягаемый идеал.

Но здесь же необходимо подчеркнуть, что эти размеры дефицита не должны быть нарушены и расширены, имея в виду завершение первого этапа денежной реформы, т.-е. создание устойчивой валюты. Замена Советского знака твердой казначейской валютой требует сведения нашего дефицита к минимальным размерам.

Дальнейший анализ показывает, что почти половину увеличения наших доходов (225 милл.) дает транспорт. Этот рост является прямым следствием быстрого хозяйственного развития страны и роста товарооборота.

---

*) Цифры взяты за 9 месяцев по предварительным данным об исполнении бюджета и последние 3 месяца по 4 квартальному бюджету, утвержден Совнаркомом.

Прошлый год дал к концу года почти удвоение месячной выручки, что видно из следующего:

	Выручка жел. дор. по мес. (в мил. черв. рубл.) без ДВО и Закавказья	
	1922—23 г.	1923—24 г.
Октябрь	21,1	44,9
Ноябрь	15,7	48,7
Декабрь	18,9	44,7
Январь	22,6	43,4
Февраль	27,2	43,3
Март	42,3	50,7
Апрель	34,8	55,7
Май	37,0	55,4
Июнь	37,8	52,8
Июль	44,8	на 4-й квартал
Август	44,7	предположено
Сентябрь	49,0	179,8
	397,6	

Эта таблица показывает, что во втором полугодии 1922—23 года, когда реальная тарифная политика была осуществлена, выручка жел. дор. держалась все второе полугодие на уровне превышавшем 40 милл. в месяц в то время, когда в октябре эта выручка составляла лишь 20 милл. рублей. По сравнению с довоенным доходом составлявшем в среднем 100 милл. руб. в месяц, это составляет свыше 40%. Но следует помнить, что и погрузка за прошлый год составляла всего лишь около 1/3 довоенной. Намеченная в бюджете цифра дохода дает увеличение против дохода прошлого года почти на 60% и требует ежемесячной выручки 55 милл. руб. Не много ли это? Опытная проверка первых 9 месяцев текущего бюджетного года подтверждает эти предположения. Средняя месячная выручка оказалась равной почти 50 милл. руб., а между тем в прошлом году соответствующая цифра составляла 30 милл. руб. кругло. Скорее наши плановые расчеты и предположения грешили до сих пор в сторону недооценки доходных возможностей транспорта.

Транспортная Секция Госплана, разрабатывая перспективный план транспорта, исходила из следующей перспективы:

Валовой доход на пятилетие:

	23 — 24 г.	24 — 25 г.	25 — 26 г.	26 — 27 г.	27 — 28 г.
Валовой доход ж. д.	570,6 м. р.	646,7	685,2	729,1	769,3

Между тем уже как мы указывали выше есть все основания рассчитывать, что в 1923—24 году выручка составит 650 милл. руб. т.-е. обгонит плановые предположения транспортной секции на целый год.

Но еще более резкое расхождение намечается на 1924—25 г. По проекту бюджета ожидается от жел. дорог валовой доход в 800 милл. руб., что обгоняет чуть ли не на пятилетие предположение секции, и это бесконечно ближе к истине, чем приведенные выше расчеты.

Уже в этом году возможно вместо 120 милл. руб. дотаций НКПС'у, выплаченных ему в прошлом году, ограничиться максимальной дотацией в 40 милл. руб.

Налоговые доходы дают увеличение в 208 милл. руб., которые слагаются из увеличения сельско-хоз. налога против продналога прошлого года примерно на 35 милл. руб., прочих прямых налогов (промыслового и подоходно-поимущественного) на 55 милл. руб., пошлин на 35 милл. руб. и наконец, роста акцизов свыше, чем на 90 милл. руб., связанного с увеличением производства и потребления продукции промышленности.

С точки зрения интересов трудящихся бюджет несет за собой не увеличение, а ослабление налоговых льгот, так как абсолютный рост налоговых поступлений в бюджете этого года поставлен исключительно в зависимость от общего роста нашего хозяйства, а налоговые ставки, в частности акцизы, снижены (на сахар, соль и керосин).

Большое увеличение против прошлого года произошло в так-называемых неналоговых доходах, т.-е. в доходах от лесов, промышленности, торговли, и банков. Это увеличение дает 80 милл. руб. В этом году неналоговым доходам уделено особое внимание. Нельзя мириться с положением, при котором страна с громадными лесными богатствами получает от них ничтожный доход, в прошлом году менее 15 милл. руб. против 90 милл. довоен. Здесь есть предпосылки для увеличения этого дохода, по крайней мере до довоенного уровня в ближайшие 2 года. Доходы от государственной промышленности, торговли и банков дали в прошлом году менее 4 милл. руб., а государство вложило в эти предприятия не-менее 100 милл. руб. Отсутствие балансов не позволяло до сих пор извлекать накопленную за последние два года промышленную и торговую прибыль. Теперь эти балансы появились, и есть все основания рассчитывать, что по по балансам на 1921—1922 гг. (до 1 октября 1923 г.), мы получим от промышленности около 29 милл. руб. и все же это составляет примерно лишь 40% от тех сумм, которые промышленность получит по бюджету этого года от государства в виде дотации. Следовательно, промышленное сальдо остается пока дефицитным.

Статистические данные (Госплав), хотя они далеко не точны, указывают на следующие итоги работы нашей промышленности в 1922—23 г.

Чистая продукция 950 мил. руб.

Расходы промышленности:

Зарплата рабочим и служащим	250 м. р.
Начислен	50 „ „
Организац. расх.	100 „ „
Амортизация	100 „ „
Увеличен. оборотн. капит.	150 „ „
Восстан. основн. капитал	50 „ „
Налоги	100 „ „
Невыяснен. расх.	100 „ „

Можно оспаривать точность этих данных, но одно бесспорно: *истекший год был для промышленности годом накопления*.—В новый год наша государственная промышленность вступает с более благоприятными перспективами, чем в прошлом году. Оборотный капитал промышленности пополнен и оправился от истощения, пережитого в годы разбазаривания продукции промышленности; реализация продукции, по предположениям Бюджетной Комиссии ВСНХ, увеличится, и ожидаемая прибыль должна составить от 100—150 милл. руб., кассовый дефицит не должен по этим данным в наступающем году превысить 100—130 милл. руб., из которых 85 милл. руб. покрываются дотациями бюджету, между тем, как в прошлом году этот дефицит составил около 400 милл. руб.

Поддержка, оказанная нашей промышленности государственным бюджетом в прошлом году, как в форме прямых дотаций, так и в порядке государственных заказов, оставление в руках самой промышленности в течение двух лет накопленой ею прибыли, позволили нашей госпромышленности значительно окрепнуть для того, чтобы исполнить ныне пред'являемые к ней государственным бюджетом требования.

Накопление торговой прибыли, имевшее место последние 2 года шло еще интенсивнее, чем накопление производственной прибыли, и позволяет внести в бюджет по подсчетам Наркомфина до 17 милл. рублей, и, наконец, прибыль от операций Госбанка и других банков должна составить 10 миллионов рублей. Таковы перспективы наших обыкновенных доходов.

Что касается чрезвычайных ресурсов, то программа в 200 милл. руб., как показал опыт истекшего года, не является чрезмерной. Процесс накопления, начавшийся с переходом на новую экономическую политику, развивается довольно интенсивно.

В городе и в деревне отлагается известное количество денежных средств, которые могут и должны быть помещены в государственные ценные бумаги, приносящие фиксированный доход. Конечно, трудно рассчитывать на значительное добровольное помещение этих капиталов спекулятивными элементами населения, ищущими более выгодного, но не производительного использования своих капиталов. Но тем более поэтому законным и целесообразным является применение к известным слоям населения методов принудительного размещения государственных займов. Программа кредитных операций предусматривает 2-й выигрышный заем, рассчитанный исключительно на размещении среди зажиточных слоев города, гарантийный заем, выпускаемый для помещения в нем высвобождающихся капиталов государственной промышленности (резервные капиталы) и др. государственных предприятий и учреждений и наконец, крестьянский заем, в основе которого лежит идея хлебного займа.

Ряд подсчетов показывает, что в истекшем году национальный доход составил около 50 руб. дов. на душу населения, (довоенный доход 101 руб.), что при населении в 130 милл. человек дает около 6,5 миллиардов дов. руб. Бюджет истекшего года поглотил около 1,4 милл. черв. руб., что (приравнивая черв. рубль довоенному) составит свыше 20% от национального дохода, а по довоенным ценам наш бюджет составил бы, вероятно, не более 1 миллиарда руб. или 15% довоенного.

Как бы осторожно ни оценивать перспективы национального дохода в 1923—24 г.г. мы в праве рассчитывать повидимому на 8 миллиардов дов. руб. дохода, и 1,9 миллиарда черв. руб. или 1,3 миллиарда дов. руб., намеченные на будущий бюджетный год, поглотят несколько более 15% этого дохода. Эти подсчеты весьма грубы (и в довоенное время они были далеки от точности), но они укрепляют вывод, что бюджет кругло в 1,9 милл. руб. является посильным для народного хозяйства, хотя и далеко не легким бременем.

По основным расходным назначениям бюджет представляет следующую картину по сравнению с прошлогодним:

Распределение расходов по бюджету (включая ДВО и Закавк.).

	1923—24 г.	%%	1922—23 г.	%%
1. Транспорт и связь	750 м. р.	39,9	580 м. р.	41,8
2. Армия	358 „	19,0	242,0	17,4
3 Наркоматы	59 „	24,4	318	22,9
4. Промышленность	85 „	4,5	123	8,9
5. Сельское хозяйство	60 „	3,2	64	4,6
6. Электрификация	48 „	2,6	28	2,0
7. Кооперация	20 „	1,1	10	0,7
8. Операц. гос. казн. и разн. расходы	10 „	5,3	23	1,7
Итого	1.880 м. р.	100,0	1.388 м. р.	100,0

Оговоримся, что фактически расход прошлого года не установлен, и речь идет лишь об открытых кредитах с некоторыми поправками.

Самое видное место в увеличении наших расходов занимает транспорт.

Наиболее крупное увеличение коснулось двух важнейших статей: зарплаты и эксплоатационных расходов.

Зарплата начала повышаться с мая 1923 г. по календарному плану, рассчитанному на увеличение ее к декабрю 1923 г.) на 50%. Это повышение ныне осуществлено, и дальнейшее повышение зарплаты возможно при условии большей доходности транспорта, чем это намечено по бюджету.

Повышение ассигнований на эксплоатационные расходы связано неразрывно с все увеличивающейся работой транспорта. Смета истекшего года была рассчитана на работу сети в 11,000 вагонов средней суточной погрузки, при пробеге паровоза в 192.000.000 верст, но действительность превзошла это программное задание, и в сентябре погрузка достигла свыше 13.000 вагонов в сутки, а в октябре превзошла 15.000. Свои предположения на 1923—24 гг. Наркомфин построил, исходя из перспектив работы сети в 15.000 вагонов средней суточной погрузки и пробега паровозов в 246,6 милл. верст. Погрузка должна увеличиться на 36%, и пробег почти на 29%.

Реализация таких успехов открывается возможностью сокращения расходов на топливо при более экономном его сжигании,

лучшем использовании подвижного состава и напряженной, непрекращающейся работы всего людского аппарата, обслуживающего транспорт над рационализацией нашего жел. дорожного хозяйства. Наконец, решающим фактором послужили влитые в транспорт в прошлом году огромные средства в порядке дотации, составившие около 120 милл. руб.. Все эти факторы позволяют рассчитывать на быстрый и прочный рост нашего транспорта в ближайшие годы.

Что касается увеличения расходов па армию, они вызваны главным образом повышением заработной платы командного и административно-хозяйственного состава, предпринятым во вторую половину истекшего года; военный бюджет поглощает около 20% всего бюджета, что несомненно является громадной тяжестью для советского государства. Но минимальные потребности обороны требуют при самом резком сокращении их, значительных ассигнований, которые очень заметны в вашем скудном (в абсолютном выражении) бюджете. В царском бюджете армия поглощала около 1 миллиарда руб., что превышало 30% царского бюджета; по сравнению с такими расходами, при необходимости держать технически более высоко организованную армию наш военный бюджет сравнительно скромен.

Остальная Наркоматская группа увеличивается заметно, и серьезное увеличение коснулось фонда зарплаты. В этом отношении истекший год ознаменовался известными успехами в области планирования зарплаты, более точного учета контингентов, снижения их и сокращения самого аппарата, при более или менее неизменном фонде зарплаты, что позволяло реально увеличить зарплату.

Зарплата повысилась и номинально и реально, хотя в общем продолжает оставаться на низком уровне. Дальнейшее значительное повышение в настоящем году невозможно и связано с дальнейшим сокращением госаппарата (что возможно) с большей его рационализацией, полным устранением так-называемых «бумажных душ».

Производительная часть нашего бюджета на 1923—24 гг. (исключая транспорт) связанная с непосредственным финансированием хозяйства, не очень значительна (180 милл. руб.), но надо учесть естественную разгрузку бюджета от финансирования целого ряда отраслей промышленности, перешедших на банковское финансирование. Из крупных отраслей промышленности на госбюджете остаются лишь металлическая и угольная промышленность. Фигурировавшая в прошлом бюджете нефтяная промышленность стала на ноги и с бюджета снята. Что касается сельского хозяйства, то около одной четверти взимаемого с крестьянства сельскохозяйственного налога возвращается последнему в виде сельско-хозяйственного кредита. Бюджет здесь выступает явственно, как инструмент классовой политики в руках пролетарского государства, позволяющий направить ту часть налога, которая берется с кулака, на поддержку бедняка и середняка крестьянина.

Ассигнования на электрификацию также заметно выросли. Решающее место в них (около 24 милл.) занимает Волховстрой, который решено закончить во-время: ряд других станций, меньших по своему об'ему, но весьма важных для нашего хозяйства (Шатура, Красный Октябрь и т. д.) требуют дополнительных средств для их своевременного окончания. Повидимому неизбежен перенос части работы на будущий год.

Наконец, удваиваются ассигнования кооперации, перед которой стоят важнейшие хозяйственные и политические задачи и которая нуждается в серьезной государственной поддержке для успешной работы с развивающимся частным капиталом.

Что касается операции государственного казначейства, то здесь проходят статьи, главным образом, связанные с погашением займов (хлебный, сахарный и т. д.).

Если взглянуть на бюджет под углом его Союзной структуры можно по приблизительному подсчету установить прежде всего, что общесоюзные ведомства занимают в бюджете 85,9%, РСФСР—9,8%, УССР—2,3%, ЗСФСР—1,8%, БССР—0,2%, а доходы распределяются в следующем процентном соотношении: общесоюзные доходы 95,0%, РСФСР—3,2%, УССР—1,1%, ЗСФСР—0,6—, БССР—0,1%. Эти данные показывают, что часть общесоюзных доходов идет на покрытие дефицита Республик, которые не покрывают своих административных и культурных потребностей доходами, ими же администрируемыми.

Если подойти к бюджету под углом зрения территориального распределения доходов и расходов, мы приходим к этому же выводу:

Территориальное распределение доходов и расходов по Республикам (в милл. червонных рублей), по предварительным подсчетам.

ДОХОДЫ		РАСХОДЫ		ДЕФИЦИТ.	
				Абс. цифры	В %% к расход.
РСФСР	1.252	РСФСР	1.458	206	16,5
УССР	325	УССР	333	8	2,4
ЗСФСР	68	ЗСФСР	76	8	11,8
БССР	22	БССР	24	2	8,3
	1667		1891		
Дефицит	224				
	1891				

Представленные своим собственным силам Республики не в состоянии покрыть свои потребности и потому, чтобы покрыть дефицит и поддержать государственную промышленность, сельское хозяйство, кооперацию, осуществить план электрификации, Союзу нужно прибегнуть не только к займам, которые в выше приведенные цифры вошли, но и к эмиссии.

Обзор бюджета к 1923—24 гг. показывает, что на основной вопрос о его реальности и обоснованности надо ответить утвердительно.

Но тем не менее и этот бюджет сохраняет название и значение ориентировочного, на основе которого составляются твердые квартальные и месячные бюджетные планы.

Недостаточная устойчивость наших экономических отношений, наличие казначейской эмиссии, как бюджетного ресурса отсутствие устойчивых, определившихся вполне планов ведомств не позволяют сделать этот бюджет твердым.

Но те успехи, которые достигнуты, позволили уже в последнем квартале этого года составить и утвердить первый твердый квартальный бюджет и хотя бюджет на 1924—25 гг. также остается ориентировочным, во повидимому будет последним ориентировочным бюджетом.

V. К твердому бюджету (1924—25 год).

Реформа денежного обращения, наложившая яркий отпечаток на всю хозяйственно-финансовую жизнь страны, должна была отразиться и на развитии госбюджета. Твердая валюта и непокрытый бюджетный дефицит—плохие соседи: они вместе не уживаются и дело кончается обычно тем, что-либо валюта перестает быть твердой, либо бюджет перестает быть дефицитным.

«Хорошие» бюджетные традиции требовали, чтобы к реформе денежного обращения приступать лишь тогда, когда бюджетный дефицит изжит. Мы же приступили к реформе денежного обращения в условиях непокрытого бюджетного дефицита и заранее учитывали неизбежность и необходимость использования новой валюты для бюджетных целей. Вполне естественно поэтому, что Западно-Европейская капиталистическая пресса встретила денежную реформу с величайшим недоверием, при чем основная аргументация базировалась на весьма скептической оценке перспектив нашего государственного бюджета. Вот что писала английская печать:

«Эмиссия бумажных денег играет совершенно исключительную роль в советском бюджете, как способ покрытия дефицита. В начале других средств для покрытия государственных расходов не имелось. Так в 1921 г. эмиссией было покрыто 90% советского бюджета, в 1923 г. около 38%. Бюджет 1924 г. не считая валового дохода дефицитных жел. дор., выражается в 1 миллиард расходов и приблизительно 600 милл. дохода. Дефицит 400—500 милл. будет покрыт на 21% эмиссией и больше чем на половину путем кредитных операций (принудительных займов и т. д.). Эмиссия не дает никаких доходов государству и роль ее постепенно понижается. Назначение всех новых казначейских знаков также как и серебр. и медн. монеты—покрыть дефицит бюджета 1924 г. Отменив советские бумажные девзнаки, эмиссия которых была безгранична, Советское правительство имеет в своем распоряжении червонцы и казн. знаки с эмиссией ограниченной. Совершенно ясно, что их постигнет роковая участь всех остальных бумажных денег, и они также будут вовлечены в бездну инфляции».

Другой орган пишет:

«Стабилизация новых казначейских знаков и червонцев может быть достигнута только посредством резкого сокращения госуд. расходов между тем как рост дороговизны влечет за собой и увеличение государственных расходов. Смета государственных органов на март месяц сокращена на 10% по сравнению с предыдущим месяц. и все же налоговые поступления не смогут покрыть и этот сокращенный расход и 1/5 гос. расходов предполагается покрыть разного рода эмиссией. Все это, конечно, не будет способствовать устойчивости новой бумажной валюты».

Таковы пророчества западно-европейских капиталистических оракулов о будущем нашего государственного бюджета. Мы указывали выше, как идет исполнение в 1923—24 гг. и насколько основательны предсказания буржуазной Европы. Теперь когда уже составлены исчисления проектов госбюджета на 1924—25гг. мы можем «приоткрыть перед Европой край завесы» над ближайшим будущим советского бюджета. Общее построение этого бюджета имеет следующий вид.

ДОХОДЫ:		РАСХОДЫ:	
А. Обыкновенные доходы:		А. Обыкновенные расходы:	
1. Налоги	832 мил. р.	1. Общесоюз. ведомства .	1.323 мил. р.
2. Доходы от госимуществ и предприятий . .	1.038 „ „	2. Об'единен. ведомства .	110 „ „
Б. Чрезвычайные ресурсы:		3. Необ'единен ведом. .	200 „ „
		4. Резервн фонды и операц. госказначейства	275 „ „
1. Кредитоперац. и реализ. госфондов	130 „ „		1.908 мил. р.
2. Выпуск серебра и медной монеты	80 „ „	Б Чрезвычайные расходы:	
	210 мил. р.	1. Расходы по финансированию народн хоз-ва:	
		а) промышленности .	40 мил. р.
		б) сельск. хоз.	52 „ „
		в) электрификац. . .	35 „ „
		г) коммун. строит. . .	10 „ „
		д) проч. нужд. нар. хоз.	35 „ „
			172 мил. р.
ВСЕГО: . .	2.080 мил. р.	ВСЕГО: . .	2.080 мил. р.

Вопреки приведенным выше предсказаниям, бюджетные перспективы таковы: что мы не только не ожидаем увеличения дефицита в гос. бюджете, который вызвал бы необходимость в более широком использовании новой твердой казначейской валюты, а наоборот, можно с большей уверенностью утверждать, что для бюджетных целей в 1924—25 гг. не будет израсходовано ни одного рубля эмиссии казначейской валюты и что выпуск ее

будет регулироваться исключительно потребностями денежного рынка и размером эмиссии банкнот, для которой казначейская валюта является разменными деньгами. Но и весь размер бюджетного дефицита сократился очень резко против бюджета 23—24 г. и сведен всего к 10%, при чем эти 10%—покрываются нормальным бюджетным путем, а именно; кредитными операциями и использованием монетного дохода от выпуска серебряной и медной монеты. Вряд ли много стран Европы могут сейчас таким образом свести бюджет, как это удается нам, благодаря тому, что Советское государство держит в своих руках основные рычаги хозяйства и не является игрушкой интересов отдельных капиталистических групп, использовывающих во всех странах государственный бюджет в своих групповых интересах.

Советский Союз—и доказательством этого является составленный бюджет на следующий год и три предыдущих бюджета—нашел в себе достаточно твердости и силы, чтобы пойти на самоограничению и отказ в удовлетворении целого ряда потребностей или на расширение ассигнований на эти потребности лишь в той мере, в какой это действительно позволяют рамки гос. бюджета. С другой стороны мы все же видим, что бюджет 1924—25 гг. увеличивается почти на 10% против вероятного размера бюджета текущего года.

Ликвидация непокрытого бюджетного дефицита, следовательно, основная черта, характеризующая наш бюджет на 1924—25 г. В этом его принципиальное отличие от всех предшествовавших его бюджетов, составленных при НЭП'е. В бюджете сохранено деление доходов и расходов на обыкновенные и чрезвычайные при чем удалось свести его таким образом, что обыкновенные расходы почти целиком покрываются обыкновенными же доходами, а чрезвычайные расходы балансируются чрезвычайными ресурсами. Другими словами—бюджетная структура, с точки зрения даже самого придирчивого бюджетного теоретика, принимает у вас совершенно нормальный вид.

Сокращение государственного дефицита, стало возможным прежде всего в силу роста наших обыкновенных доходов и в первую очередь налогов. Если налоговая программа в 1923—24 гг. составила включая таможенные доходы и пошлины примерно 625 милл., то в предстоящем году она рассчитана почти на 830 милл., т.-е. увеличена больше, чем на 200 милл. Доход от транспорта увеличивается на 150 милл. и наконец доход от государственных имуществ промышленности, торговли и банков, увеличивается примерно на 50 милл.

Наоборот, наши чрезвычайные ресурсы, которые являются свидетельством известного напряжения гос. бюджета, сокращаются более чем на половину: вместо 430 милл. текущего бюджета в будущем бюджете намечается лишь 210 милл. Это сокращение падает на эмиссионный доход, который выпадает в размере 185 милл. руб. из бюджета и замещается использованием выпуска серебряной и медной монеты в размере 80 милл. Остальные 100 милл. падают на кредитные операции и реализацию экспортной валюты, которая в бюджете 1924—25 года уже фигурирует.

К исчислению возможных размеров бюджета 1924—25 г. следует подойти двояким путем: с одной стороны, на основании конкретного анализа тех возможностей, которые имеются по каждому отдельному доходному источнику, учитывая опыт накопившийся за последние 3 года. С другой стороны, сопоставление общих размеров бюджета с уровнем и ростом национального дохода позволяет сделать известное общее заключение о степени посильности бюджета для всего народного хозяйства. Конечно, подсчеты последнего рода, при несовершенстве нашей статистики, поневоле носят характер чрезвычайно грубый и приблизительный.

По этим подсчетам национальный доход наш в 1923—24 г. определяется цифрой в 8 миллиардов довоенных рублей. Есть ли основание рассчитывать на его увеличение в 1924—25 г., которое покрывало бы увеличение бюджета на 200 милл.? Несколько омрачившиеся перспективы урожая, а с другой стороны расширение площади посевов под технические культуры приводят к выводу, что в общем и целом стоимость продукции сельского хозяйства повидимому не увеличится против прошлогодней. Что касается перспектив роста продукции промышленности на основании дальнейшего ее развертывания, рационализации производства повышении производительности труда, то есть основания рассчитывать примерно на 25% увеличения. Покупательная сила города несомненно возрастет, при чем известную роль сыграет и сам государственный бюджет, как крупный госзаказчик с одной стороны и источник для повышения заработной платы для почти полтора миллиона человек находящихся на госбюджете, с другой стороны. Произведенные подсчеты дают в общем примерное увеличение национального дохода для будущего года в 400 дов. руб. или свыше 500 милл. черв. руб., при чем 3/5 этого увеличения, остается, таким образом, внутри хозяйства страны, а 2/5 будет из'ято для нужд бюджета. Если исходить из этих цифр и сравнивать с аналогичными данными в довоенное время, можно притти к выводу, что тяжесть давления бюджета на народное хозяйство во всяком случае не превысит довоенных соотношений.

По подсчетам Прокоповича, наш довоенный национальный доход составл. 16,4 миллиард., а на нынешней территории 13,6 миллиард., т.-е. цифру несколько больше чем в 1½ раза превышавшую нынешний доход, при чем бюджет доходил до 3,25 миллиард. руб. Наш нынешний бюджет по абсолютным своим размерам составляет около 60% бюджета 1913 года и соответствует примерно тому бюджету, который имела царская Россия в 1903 г. Но здесь не учтено падение покупательной силы наших денег и если по оптовому индексу Госплана перевести наш червонный рубль в довоенный, то придется уменьшить размер нашего бюджета примерно на 1/3 и считать его равным 1.300.000.000 дов. руб. С другой стороны надо внести известный корректив в бюджет 1913 года для того, чтобы его сделать сравнимым с нынешним бюджетом, прежде всего надо его уменьшить на ту часть, которая падала на отошедшие от нас части бывшей территории Империи. Эта поправка снизит бюджет 1913 г. до 2,2 миллиард. руб. Затем около 250 милл. фигурировали в царском бюджете,

как расходы на такие нужды которые теперь переданы на местный бюджет. Наконец платежи процентов по внешним долгам, поглощавшие около 300 милл. также должны быть обращены со счета, так как у нас нет этой внешней задолженности. В результате сравниваемая часть довоенного бюджета несколько превысит 2 миллиард., при нынешнем бюджете 1.300.000.000, что составит около 65% довоенного. Вывод из этих цифр, как будто напрашивается такой, что наш национальный доход сократился гораздо меньше, чем госбюджет, и что как будто бюджетное бремя сейчас легче, чем в довоенное время. Вряд ли такой вывод был бы правилен, так как платежеспособность сократилась отнюдь не в прямой пропорции с сокращением национального дохода, а в большей, ибо существует известный прожиточный минимум, который не может сокращаться значительно и сокращается лишь тот излишек, из которого и прежде платились всякого рода налоги, подати и т. д. из которого они платятся и сейчас. Вот почему надо считать бюджет примерно в 2.100.000.000 предельным, хотя в то же время и вполне выносимым на нынешнем уровне доходов страны.

Из 200 милл. увеличения по налогам, около 90 милл. падает на единый сельско-хозяйственный налог. Первоначальные предположения о поступлении единого сельско-хозяйственного налога исходили из несколько более благоприятной оценки перспектив урожая. Последние недели принесли некоторое ухудшение и омрачили эти перспективы. Это побудило Народный Комиссариат Финансов снизить исчисление дохода от сельско-хозяйственного налога, как по государственному бюджету, так и по местному в общей сложности на 50 милл. и ориентироваться на поступление сельско-хозяйственного налога в размере 350 мил. В государственный бюджет из этих 350 миллионов внесено 274 миллиона.

Второе крупное увеличение по налоговой части падает на акцизы в размере, несколько превышающем 75 милл. против прошлого года. В соответствии с намечающейся расширенной производственной программой по Сахаротресту и по текстильной промышленности и ростом потребления на продукцию этих отраслей, есть все основания рассчитывать на увеличение сахарного и текстильного акциза, а также табачного акциза, который обнаружил неуклонный рост.

Что касается доходов транспорта, то повидимому цифра в 800 милл. окажется реальной. Она основана на ожидаемой работе железных дорог примерно в 2.100 милл. пудо-верст пробега платных грузов. В этом году соответствующая цифра превысит 1.800 милл., но совершенно очевидно, что при расширяющемся товарообороте, при увеличении продукции промышленности в среднем на 25%, росте товарности сельского хозяйства, это ожидаемое расширение работы наших жел. дорог вполне обосновано. При этом условии мы будем иметь около 55% работы сети против довоенного времени. Поскольку транспорт переваливает за половину пагрузки довоенного времени, есть уже основания говорить, о возможности сведения его доходов и расходов без дотации со стороны государства, и на этом принципе построен транспортный бюджет, в расход внесена та же цифра,—800 милл.

Что касается дохода от государственных имуществ, предприятий и банков, возможно отметить ожидаемое увеличение лесного дохода на 20 милл. и увеличение дохода от промышленности примерно на 25 миллионов. Ожидаемое отчисление прибылей промышленности в казну составит, по предположению НКФ, не менее 50 милл., и доходы от промышленности начинают играть все более крупную роль в бюджете.

Наконец, что касается наших чрезвычайных ресурсов, то как было уже указано, здесь решающее значение имеют кредитные операции и в частности доход от второго выигрышного займа, который размещается одновременно с уплатой подоходно-поимущественного и промыслового налога (в размере 40 милл), от золотого 8% гарантийного займа, который является помещением для резервного капитала государственных предприятий (30 милл.) и, наконец, от крестьянского займа (50 милл.).

Переходя к расходной части бюджета надо отметить сдержанность в расширении ассигнований против прошлого года. Главное увеличение по общесоюзным ведомствам коснется транспорта в размере 100 милл. Эти ассигнования имеют в виду некоторое (10%) увеличение зарплаты и, главным образом техническое улучшение путей.

Несколько шире раздвинуты бюджетные рамки для Наркоматов необ'единенных, администрирующих наши культурные и социальные потребности. Эти необ'единенные Наркоматы составляют главную часть бюджета союзных Республик, и НКФ счел необходимым внести на утверждение правительства предложение об увеличении этих ассигнований на 20% против текущего года. Здесь имелось в виду расширение средств, ассигнуемых НКЗему и НКПросу, в первую очередь для поднятия заработной платы учителей, ученых, агрономов и стипендиатов ВУЗ'ов. Расширились значительно, на 100 милл. руб.,—операции государственного казначейства, куда входят ассигнования на приобретения серебра для работы монетного двора, а также расходы по закупке у трестов золота и платины с целью увеличения государственного золотого фонда. Затем возросли также расходы по уплате процентов по займам и по погашению их. Наши чрезвычайные расходы, т.-е. те, которые связаны с финансированием различных областей народного хозяйства, несколько сокращаются против прошлогодних—примерно на 50 миллионов. Эти сокращения достигнуты главным образом по ассигнованиям на дотации и ссуды промышленности, фигурирующие в бюджете в цифре 75 миллионов против 130 миллионов текущего года.

Промышленность крепнет, и есть возможность перейти от ассигнования по государственному бюджету, которое является далеко не лучшей формой поддержки нашей государственной промышленности, к другим более рациональным формам, в частности к расширению банковского краткосрочного кредита. Если в текущем году мы имели возможность безболезненно снять с госбюджета нефтяную промышленность, то и в наступающем году мы предполагаем целиком снять с бюджета угольную промышленность. Прямая дотация Донецкому бассейну уже сейчас значительно сокращена и снятие Донбасса с бюджетной дотации при одновременном расширении краткосрочного банковского кредита,

конечно, нисколько не подорвет финансовой устойчивости Донугля, а, наоборот, позволит перейти на коммерческие начала работы. Что касается металлопромышленности—неизбежно сохранение в бюджете прямых ассигнований. Металлическая промышленность еще не может быть поставлена в такие же условия, как уголь и нефть, но ряд мероприятий, в частности расширение государственных заказов металлопромышленности, обращение части сумм, ассигнованных по линии сельхоз. кредита на усиление работы металлопромышленности для крестьянского рынка и значительное увеличение нагрузки заводов металлической промышленности, позволяет рассчитывать на то, что в наступающем году в общем и целом, несмотря на сокращение прямой дотации, финансовое положение металлической промышленности упрочится.

Ассигнования на нужды сельского хозяйства оставлены почти в прежнем размере, с тем, что 25 милл. ассигнуется в капитал Сельско-хозяйственного банка, 7 милл. на нужды ирригации в Туркестане и вводится новое ассигнование, отсутствовавшее в бюджете текущего года, в размере 25 милл. на организацию широкой помощи пострадавшим от неурожая. Программа электрификаци предусматривает окончание наших крупнейших станций первой очереди, при чем общая сумма составит 35 милл.

В бюджете включено также ассигнование на расширение коммунального кредита в размере 10 милл. против 2-х милл. прошлого года. Восстановление городов является сейчас такой задачей, откладывать которую дальше невозможно, и если попытка НК Фина в текущем году увеличить ассигнования на коммунальный кредит неудалась вследствие общего стесненного положения наших финансов, то планируя бюджет на будущий год, мы эти кредиты будем пытаться сохранить, направив их по линии городских коммунальных банков, которые за этот год окрепли и расширились. Наконец, новое ассигнование введено в годовой бюджет на организацию общественных работ в размере 10 милл.

Рост безработицы подсказывает необходимость разработки широкого плана общественных работ не только для городских квалифицированных рабочих, но и для части той безработных, которых будет гнать деревня. Таким образом, этот план должен предусматривать организацию общественных работ не только в городах, но и в местностях, особо пострадавших от неурожая (мелиоративные работы, ирригация и т. д.).

Такова общая картина бюджета. Если не произойдет какого-либо резкого ухудшения перспектив урожая, бюджет в 2,1 миллиарда, будет выполнен. Бюджет носит характер контрольного в том смысле, что на основании тех цифр, которые этим бюджетом, устанавливаются, все союзные ведомства должны планировать свои расходы. Те потребности, которые не смогут уложиться в эти рамки, войдут в дополнительные сметы ведомств республик, но шансы на удовлетворение они получат лишь в том смысле, если к моменту утверждения государственного бюджета общехозяйственные перспективы настолько улучшатся, что можно будет говорить о некотором раздвижении бюджетных рамок.

В общем и целом бюджет на 1924—25 год является еще одним доказательством устойчивости хозяйственной и финансовой системы Советского Союза, который находит возможности удовлетворять свои нужды, не прибегая ни к печатному станку, ни к внешним займам, бюджет решительно порывает с эпохой эмиссионного хозяйства и становится на путь нормального финансирования государственного хозяйства на основе более полного удовлетворения его основных потребностей и нужд.—Твердый бюджет еще не завоеван, но все предпосылки для твердого бюджета и нормального покрытия бюджетного дефицита уже даны упорной работой миллионов над возрождением нашего народного хозяйства.

В. Астров.

„Обновление“ кадетизма.

Белая российская эмиграция в данный момент не представляет из себя значительной общественной силы. В виду этого мы и не уделяем ей большого внимания. У читателя установилась даже привычка пробегать сведения и статьи из жизни эмиграции не иначе, как в порядке фельетонного или „послеобеденного“ чтения. Тем более, что среди этих сведений не раз попадались нам презабавные вещи, в роде знаменитых „тараканьих бегов“, организованных за рубежом „лучшими представителями“ нашего „образованного класса“.

Ничуть не переоценивая реального общественного веса эмигрантских кругов, однако, полезно иногда более внимательно и серьезно присмотреться к их идейной жизни. Владимир Ильич Ленин на III-ем Конгрессе Коминтерна (в 1921 г.) даже прямо советовал иностранным товарищам „систематически следить“ за процессами, происходящими в русской эмиграции, рекомендуя это занятие, как „весьма поучительное“:

„В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага“,—говорил он. Этот враг „очень хорошо осведомлен, великолепно организован“, у него есть „хорошие стратеги“.

„...Это не общая теория, это практическая политика и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует старое крылатое слово о том, что разбитая армия многому научается“...„В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте западноевропейского развития“. (Курс. мой В. А.) (Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 324).

Ленин, со свойственной ему резкостью в постановке вопросов, даже заявлял, что „классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных“.

Все это не лишне напомнить, с точки зрения автора данной статьи, поскольку у него нет большой уверенности в том, что к выбранной им теме товарищи отнесутся с достаточной серьезностью. Между тем, нам кажется, что вопрос об эволюции или об „обновлении“ русского либерализма (кадетизма) заслуживает внимания каждого партийца, желающего толком разобраться в современной политической обстановке.

Образованный лево кадетами и группой „Крестьянская Россия“ на Пражском „съезде“, в конце декабря 1923 года, „Республиканско-демократический союз“ выпустил № 1 своего органа [1].

[1] „Свободная Россия“ Республиканско-демократический орган. № 1. Май, 1924 г. Берлин (164 страницы).

Срок выхода следующего №-ра пока остается неизвестным. № 1 вышел довольно жидковатым по об'ему и содержанию, но основные черты политической физиономии „союза“ он обнаруживает достаточно. Здесь помещены статьи П. Милюкова, С. Прокоповича, А. Аргунова, Ст. Ивановича и С. Маслова, а также программная и тактическая „платформа“ „союза“.

На декабрьском „с'езде“ в составлении этих „платформ“ участвовали и „народные социалисты“ (энэсы), но вступить в союз отказались из-за разногласий организационного характера. Энэсы настаивали на более строгом отборе организаций, принимаемых в союз, по признаку партийности. Спевшиеся между собой лево кадеты и группа „Крестьянской России“, не желая связывать себя ориентировкой на старые партии, отклонили точку зрения энэсов и открыли доступ в союз для организаций „не строго партийного характера“. Вступление в „республиканско демократический союз“ не уничтожает самостоятельного существования партий и групп.

Таким образом, „союз“, с одной стороны, живет надеждами на „обновление“ старых белых партий, а с другой—не хочет искусственно ускорять этого процесса, применяя, пока что, принцип „lose Organisation“, предоставляя свободу организации своим членам. Передовик „Свободы России“ пишет:

„При всем сознании важности организации республиканско-демократических элементов как в России, так и за границей, инициаторы Союза полагают, однако, что время для создания новых политических партий еще не наступило и может наступить только в России, когда появится политическая возможность для этого. При этом легко может оказаться, что в составе союза найдется материал не для одной, а для нескольких политических партий. Так было, например, когда члены „Союза Освобождения“ распределились в 1905 году между различными политическими партиями“ (стр. 8).

Итак „республиканско демократический союз“ находится еще в зародышевом состоянии. Будучи озабочен, прежде всего, вопросом о привлечении новых членов, он не только не требует от них строгой партийности в настоящем, но даже и на будущее время обещает полную „беспартийность“ в характере „союза“ („несколько“ партий). Однако, присматриваясь к составу новорожденного „Союза“ не трудно видеть, что эта „беспартийность“ шита белыми нитками.

Никто из сколько нибудь знающих старинную российскую „общественность“ не станет отрицать, что из „имен“, стоящих во главе „республиканцев-демократов“, в сущности, только одно имя может претендовать на самостоятельное историческое значение. Это — П. Милюков, основатель и вождь кадетской партии, классовый „передовик“ русской буржуазии.

Остальные герои „демократически-республиканского“ толка,— Прокоповичи, Аргуновы, Масловы, Ивановичи,— представляя собою правейшее крыло эс-эровского и меньшевистского лагеря, как это доказано всем ходом нашей революции, не могли и не смогут претендовать ни на что иное, кроме как на роль подголосков при кадетском вожде. Эта мелкобуржуазная и интеллигентская хлябь, в лучшем для нее случае, находит свою социальную полочку в кулацких слоях крестьянства и в мещанстве наших городов. Эта „франция“ русской буржуазии всем своим социальным

положением лишена возможности играть вполне самостоятельную историческую роль; таково же, почти с фатальной неизбежностью, и положение ее идеологов.

Вот почему правильнее, говоря о „республиканско-демократическом союзе", иметь в виду первым делом Милюкова и его лево-кадетскую группу. В 1921 году Милюков порвал с правым крылом и центром старой кадетской партии, образовав „демократическую группу партии народной свободы". Вслед за тем, он стал искать себе в союзники „крестьянских демократов". Под крылышком милюковцев сложилась группа „Крестьянской России", играющая роль искомого союзника лево-кадетов. „Сватовство" с ней закончилось образованием „Республиканско-демократического союза" в декабре 1923 года. Отныне Прокоповичи, Ивановичи, Аргуновы и Масловы находятся уже не только на „идейном содержании", но и в прямом, формальном „браке" с левыми кадетами.

Нельзя сомневаться в том, что первая скрипка в „Союзе" останется за Милюковым. Именно ему служит „Союз", как „беспартийная" „привада" для формирования кадетов будущей „обновленной" партии народной свободы. Именно здесь, в „Союзе" Милюков рассчитывает еще больше вышколить, еще больше приручить и тех „крестьянских демократов", которые всякой буржуазной партии, борющейся против пролетариата, нужны, как подставные лица, обманывающие крестьян своей призрачной „самостоятельностью" и „трудовическими" фразами.

II.

Перейдем к „платформам", опубликованным в № 1 „Свободы России". Поскольку это—платформы соглашения, компромисса, они, очевидно, включают известный минимум демократических требований „Крестьянской России", являющийся, в то же время, максимумом демократизма, приемлемого для „обновляющейся партии" „народной свободы".

Что г-да Прокоповичи и Ивановичи урезывают свои требования, приспособляясь к кадетам, это не ново и не так важно, в данном случае. Интересней то, как далеко „полевела", уступая натиску времени, „народная свобода", представленная Милюковым.

Из программной платформы наиболее важен и симптоматичен пункт V-й,—о земле, который начинается так:

„Признание происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчуждить землю из рук ее теперешних держателей". (Стр. 10).

Таков пункт, официально подписанный Милюковым спустя несколько лет после того, как рабочие и крестьяне отняли силой землю у помещиков, которых защищал, вылезая из кожи, сам же Милюков[1]). Хорошая тема советскому карикатуристу!

В политической области приведенному пункту соответствует пункт „г" параграфа 3-го „тактической платформы":

„Союз..." борется с течениями и организациями, ставящими своей целью восстановление монархии в России". (Стр. 10).

[1]) Впрочем, этот пункт, равно как и следующий—о борьбе с монархистами—стоит в платформе Милюкова с 1921 года.

Что мещанские и „крестьянские" демократы подмахнули эти строки, в том ничего особенного и интересного нет. Но совсем иной смысл и значение имеет подпись вчерашнего монархиста Милюкова. Это уже снова тема для фельетона...

Итак, члены „Союза" объединились, прежде всего, на отрицательном отношении к помещичьей реставрации, как в области земельных отношений, так и в политической области (монархия), отмежевываясь этим от „правых" и черносотенцев. Побуждения, которые толкнули „Союз" на этот шаг, однако, слишком прозрачны, чтобы видеть в разрыве с остатками помещичьего класса какой-то особый „демократизм" бывших „конституционных демократов" (к.-д.). Эти побуждения выбалтывают сами авторы статей:

„Черная революция (т. е. контр-революции. В. А.) для России неопасна",

сознается передовик (Стр. 3). А. Аргунов характеризует монархизм, как

„лишенный сословно-классовой базы, безвозвратно унесенной волнами революции, изжитый психологически населением" (стр. 31).

Весь секрет в том и состоит, что „база" „унесена" революцией, и притом „безвозвратно". Надежды на „черную революцию" рухнули, она вряд ли возможна, по мнению „республиканцев демократов". А если она уже стала невозможна („базы" нет), то отчего не выразиться немного иначе: „неопасна"?.. Прочтут, подумают, что авторы действительные противники монархизма. Но стоит немного вникнуть в дело, как поневоле скажешь: хороши гуси! Защищали помещичий монархизм до тех пор, пока он был „опасен", т. е. возможен, начинают бороться с ним только тогда, когда он уже перестает быть „опасным".

Эти признания „республиканцев-демократов" весьма ценны в одном отношении. Их устами буржуазия признает, что мы, действительно, до-чиста вымели „авгиевы конюшни" средневековья, т. е. довели до конца буржуазно-демократическую революцию в России.

Борясь за восстановление старого помещичьего класса и монархии, либерализм пытался повернуть эту буржуазную революцию вспять. Отныне, в лице Милюкова, он отказывается от этого. Он отправляется в новую борьбу с пролетариатом уже от „признания" свершившейся буржуазно-демократической революции.

Такова основная, кардинальная „смена вех" русского либерализма. Чтобы понять все ее значение, вспомним, как тов. Ленин характеризовал старый русский либерализм в дореволюционное время, в 1912-ом году:

„Русские помещики,—писал он,—от Пуришкевича вплоть до Долгорукова, воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервилизма[1]), косности, боязни перемен".

И здесь же Ленин противопоставлял либеральной буржуазии—другую буржуазию, которая растет из крестьянства, республиканско-демократическую:

[1]) Т. е. прислужничества, раболепия.

„Русские крестьяне — при данном экономическом и политическом положении России — представляют из себя буржуазный слой населения, из которого эпоха „столкновений“, эпоха буржуазных революций (в историко-методологическом значении этого слова), воспитывает, при направляющем участии со стороны рабочих, буржуазию, не отличающуюся вышеуказанными приятными качествами“ („Просвещение“, январь 1912 г. Соч. т. XI, ч. 2, стр. 47). Курсив везде В. И. Ленина. В. А.)

О том же, в апреле 1912 года Ленин писал:

„В современной России есть две буржуазии. Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты на деле тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии“.

„Другая буржуазия, это — очень широкий слой совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым на деле приходится решать вопрос вовсе не о привилегиях в теперешнюю эпоху исторической жизни России, а о том, чтобы не умереть с голода от Пуришкевичей. А это и есть вопрос о самых основах власти Пуришкевичей вообще, об источниках какой бы то ни было власти Пуришкевичей“ (курсив Ленина. Ниже — курсив мой. В. А.)

„Вся история политического освобождения России — есть история борьбы первой и второй буржуазной тенденции. Весь смысл тысячи и тысячи красных слов о свободе и равенстве, об „уравнительном“ распределении земли и о „народничестве“ сводится к борьбе этих буржуазных тенденций. В итоге борьбы неизбежно получится вполне буржуазная Россия, окрашенная сплошь или преимущественно в один из этих двух „цветов“. Нечего и говорить, что для наемного рабочего борьба эта отнюдь не безразлична, напротив, если он сознательный, то он вмешивается в нее самым энергичным образом, стараясь, чтобы крестьянин шел за ним, а не за либералом“.

(„Звезда“, апрель, 1912 г. Соч., т. XII, ч. 1 стр. 70—71).

Итак, „вся история политического освобождения России“ есть история борьбы „двух буржуазий“, при чем пролетариат стремится повести за собой одну (крестьянство) против другой. Приведенные формулировки являются одними из самых ярких ленинских формулировок стратегии большевизма в демократической революции. Они могут быть вполне оценены и продуманы только тем, кто не просто прочел, а проштудировал книгу Ленина: „Аграрная программа с.-д. в первой русской революции“ [1]). Она дает во многих отношениях более систематическую и законченную „философию“ демократической революции в России, чем знаменитые „Две тактики“ 1905 года.

Борьба за землю между крестьянами и помещиками составляла экономическую основу русской буржуазной революции. Капитализм мог развиваться в русском сельском хозяйстве двумя путями. Ленин писал:

„Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „нарост“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути об'ективно-возможного буржуазного развития мы называли бы путем прусского и путем американского типа“ (т. IX, стр. 460).

1) Кстати эта книга (см. т. IX сочинений), написанная в 1907 г., до 1917 года не была издана и потому была недоступна широким кругам партии. Первые годы революции редко кому давали досуг браться за изучение старых произведений Ленина. Можно сказать, только в последние годы партия получает возможность систематически овладеть всем теоретическим наследством Ленина.

Иначе говоря, была „об'ективно возможна“ и аграрная эволюция, и аграрная революция.

С помещиком за эволюцию или с крестьянином за революцию? Так стоял вопрос. Пролетариат вел крестьянство по „американскому“, революционному пути. Кадеты пошли по эволюционному „прусскому“ пути, в хвосте у помещиков, против крестьян. Их аграрная программа была полу-столыпинской, точно так же, как их политическая физиономия осталась конституционно-монархической.

Вернемся же к теперешнему „неокадетизму“. Не изменяет ли Милюков своей старой линии, поворачивая от союза с помещиком — к союзу с крестьянством, предавая своего бывшего „хозяина“? Не перестает ли, после своего поворота „влево“, Милюков быть вождем либеральной русской буржуазии, которую помещики воспитывали веками „в духе невиданного еще в истории сервилизма, косности, боязни перемен“? Не является ли „поворот“ Милюкова случайным колебанием одной из группок русских либералов, колебанием, которое не связано с какими-либо серьезными переменами в соотношении классовых сил?

Словом, встает вопрос о социальной базе „обновленного“ кадетизма. На него следует ответить так.

Во-первых, поворот Милюкова от помещика не случаен и связан с той перестановкой классовых сил, которая вызвана завершением буржуазно-демократической революции в России.

Во-вторых, при этом повороте Милюков не покидает своего прежнего классового базиса, попрежнему оставаясь вождем буржуазии.

В-третьих, поворот об'ясняется изменением положения и социального характера класса русской буржуазии, у которой отрезано ее помещичье (буржуазно-помещичье) крыло, в итоге завершенной буржуазно-демократической революции.

Буржуазно-демократическая революция, в ее экономической основе, у нас закончена [1]). Возврата к старому помещичьему строю в России больше нет. Это верно, по меньшей мере, за это 99 шансов из 100.

Помещичья контр-революция еще об'ективно была возможна в первые годы после Октября, когда социалистическая революция сочеталась с буржуазно-демократической, когда насиженные помещичьи гнезда еще сохраняли некоторую теплоту от только что слетевшего с них барского тела. Теперь революция становится чисто социалистической. „Возврат“, конечно, об'ективно возможен, но уже не к помещичьему, а к чисто буржуазному строю, с ничтожным удельным весом помещиков. Эту об'ективную перемену и учитывает Милюков, выражая интересы русской буржуазии в данной исторической обстановке.

III.

Итак, Милюков ушел от помещиков (и здесь будет, впрочем, точнее сказать, что рабочие и крестьяне „ушли“ [2]) его от

1) Точнее, кончается с приведением землеустройства, уничтожающего последние средневековые остатки, сохранившиеся еще в крестьянском землепользовании.

2) Как известно, уходя весной 1917 г. из Временного Правительства, под давлением протеста против его внешней политики со стороны питерских рабочих, Милюков, на вопрос о причинах его ухода ответил: „меня ушли“.

помещиков). Но какие же он шансы имеет на осуществление, хотя бы временно союза с крестьянством, или частью крестьянства, без которого, как подсказывает Милюкову политический расчет, внутренняя контр-революция в России обречена на неуспех?.

Обратимся к положительной части земельных требований „республиканско демократического союза". Уже цитированный пункт V-й программной платформы продолжается так:

„Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за земледельческим населением максимальной свободы в выборе форм землепользования. До восстановления нормальной народно-хозяйственной жизни в стране государственное, в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота, совершающегося как в порядке купли-продажи земли, так и путем аренды" (стр. 10).

Частная собственность на землю („купля-продажа" земли)— таково основное содержание этого пункта, таков вытекающий из него лозунг, могущий иметь тот или иной вес в среде крестьянства.

В частной собственности на землю может быть „заинтересован" (по разному) тот, кто в состоянии „купить" землю, и тот, кто хотел бы ее „продать", то-есть богатый кулак и пролетаризующийся бедняк. Исторический опыт столыпинщины, в общем, подтверждает это; и скопление земли в одних руках, и обезземеление есть две оборотные стороны одного и того же процесса развития капитализма в земледелии. Но именно поэтому „заинтересованность" в „купле-продаже" земли у кулака и у бедняка в корне различна.

Покупка земли есть укрепление хозяйства. Продажа-разорение, бедствие, нечто „противоестественное", с точки зрения интересов мелкого крестьянина, как хозяина. Именно поэтому частно-собственнические настроения сильнее всего у крепких, кулацких хозяев. Здесь они идут прямо по линии хозяйственного интереса. „Прикупить землицы", в таких случаях означает сплошь и рядом „прнанять работника" и проч.

История показала, что, при несомненном наличии земельно-собственнических тенденций в среде кулачества (хуторяне, отрубники и пр.), преобладающая масса русского мелко-собственнического крестьянства и в 1905-07 годах и в 1917 году высказалась за отмену частной земельной собственности, за национализацию земли (см. 242 наказа крестьянских советов в 1917 г., трудовики в Думах и пр.) Этих исторических фактов обойти нельзя. Однако надо понять историческую обусловленность подобных противособственнических настроений крестьянства. Тогда они об'яснялись обстановкой буржуазно-демократической революции. В „Аграрной программе" Ленин писал:

„Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения „очистить" все земли, приспособить их заново для нового фермерского хозяйства" (соч., т. IX, стр. 530)

„Земля ничья",—так крестьянин раньше говорил потому, что видел рядом с собой огромную помещичью латифундию, а в своем землевладении и землепользовании—средневековую чресполосицу, малоземелье и пр.

Национализация в буржуазной революции, писал Ленин, „может оказаться простым переходом к разделу".

„Если смотреть на национализацию, как на меру, всего более осуществимую в эпоху буржуазной (подчеркнуто нами: В. А.) революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться простым переходом к разделу"...

...„Приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распорядков, т. е. превращения арендованных ими у государства участков в собственность" (там же).

„При каких условиях", спрашивает далее Ленин (оставаясь все время на почве перспектив буржуазной, а не социалистической революции), интересы фермеров могут потребовать раздела в собственность?" И автор отвечает:

„Раздел может вызваться после периода революционной национализации, стремлением упрочить в максимальной возможной степени новые, соответствующие требованиям капитализма отношения землевладения. Он может вызваться стремлением данных владельцев земли увеличить свои доходы на счет остального общества. Наконец, он может вызваться стремлением „успокоить" (или, проще говоря, придушить) пролетариат и полупролетарские слои, для которых национализация земли будет элементом, разжигающим аппетиты к социализации всего общественного производства. Все эти три возможности сводятся к одной экономической основе, ибо из укрепления, нового капиталистичего землевладения новых фермеров само собой вытечет и противопролетарское настроение и стремление создать для себя новую привилегию в виде прав собственности. Значит, вопрос сводится именно к этому хозяйственному упрочению. Постоянным противодействием ему будет развитие капитализма, усиливающее превосходство крупного земледелия и требующее постоянной легкости „консолидации" мелких фермерских участков в крупные. Временным противодействием будет колонизационный фонд России: упрочить новое хозяйство значит поднять земледельческую технику. А мы уже показали, что каждый шаг вперед земледельческой техники „открывает" для России новые и новые площади из ее колонизационного фонда" (т. IX, стр. 531).

Таким образом, в развитии капитализма Ленин находит и тенденции, ведущие к разделу, и тенденции, направленные против раздела, за национализацию.

К разделу толкает упрочение хозяйства „новых фермеров" на другой день после национализации земли. Но дальнейшее развитие капитализма не только допускает сохранение национализации, но даже находит в ней лучшую форму землевладения, облегчающую процесс мобилизации земель. Легче арендовать землю у государства, чем покупать; в первом случае сберегается значительный капитал, идущий, вместо покупки земли, на производственные нужды.

Таков теоретический анализ Ленина по отношению к перспективам буржуазной национализации земли, уже устраняющий из поля своего внимания феодальные остатки. Попробуем внести в этот анализ поправку на условия социалистической национализации, проведенной у нас рабочим государством.

Поскольку это государство, все же, дает известную свободу капитализму в деревне, постольку имеет место упрочение „новых фермеров" в деревне и постольку, следовательно, должны расти земельно-собственнические настроения. Так оно и есть в действительности.

С другой стороны, роль колонизационного фонда, как „временного противодействия" разделизму, у нас целиком остается, и может быть усилена политикой Советской власти.

Что касается „постоянного противодействия“ разделизму, то здесь дело в корне обстоит иначе. У нас не развитие капитализма, а строительство социализма является этим „постоянным противодействием“: Пути социализма в сельском хозяйстве можно вкратце выразить двумя словами: кооперации и электрификация. Мы не останавливаемся здесь особо на разъяснение этих слов. Но надо помнить, что эти пути способны вовлечь широкую массу мелких и средних крестьян в русло социализма. Они лежат по линии интересов этой массы, и потому им обеспечено реальное экономическое значение, хотя успехи их зависят во многом от развития не крестьянского, а городского социалистического хозяйства и промышленности. В меру развития кооперации и электрификации мы, следовательно, будем иметь и усиление противособственнических, коллективистических тенденций в среде крестьянства.

Ростки социалистической экономики у нас опираются на силу и влияние государственной власти, которая имеет ряд способов регулировать и подчинять себе капиталистически—„фермерскую“ стихию, начиная с регулирования промышленных цен, с установления ставок налога и т. д.; крупнейшим рычагом этого государственного регулирования является национализация земли, отдающая в распоряжение государства все землеустройство и установление форм землепользования в стране. Именно национализация земли позволяет нам держать в цепях сельский капитализм, путем регулирования, ограничения землепользования и арендных отношений. Борясь против скопления земель в руках богатеев свыше определенных норм, мы тем самым, преграждаем путь деревенскому производительному капитализму. Отсюда, требование отмены национализации земли, требование свободной купли—продажи земли вытекают из интересов нарождающегося деревенского капитализма. Рано или поздно, он поставит это требование, как политическое, если процессы расслоения пойдут дальше так же, как они шли в последние годы, если в течение ближайших лет социализм, т. е. кооперация и электрификация, не сделают в деревне больших шагов. А это уже не вопрос теории. Это вопрос практики, вопрос ожесточенной борьбы на хозяйственном фронте, ведущейся, в конечном счете (если бы ход революции у нас зависел только от внутренних отношений), не на живот, а на смерть.

Таким образом, мы видим, что лозунг частной собственности на землю, бросаемый „республиканско-демократическим союзом“ и другими белыми партиями (вплоть до меньшевиков), объективно правильно учитывает и выражает очередное звено в цепи капиталистических тенденций сельского хозяйства в России. Национализация важнейшего средства производства в земледелии земли,—естественно является крупнейшей преградой капитализму, отмена ее была бы раскрепощение сельского капитализма.

В эту плоскость в недалеком будущем может перейти очередное звено борьбы капитализма и социализма в деревне. Конечно, теоретическое признание объективной правильности лозунга, с точки зрения буржуазной реставрации, еще нисколько не предрешает вопроса о степени его распространен-

ности в массе в тот или иной момент. Здесь очень много зависит от нас самих, от нашей политики. Но вся наша политика должна вестись нами с ясным пониманием роли национализации земли, как орудия социализма.

Национализация земли вовсе не абсолютный принцип коммунистических партий на всем протяжении переходного периода к социализму. В проекте программы Коминтерна вовсе нет требования национализации земли во всех странах, как непременного условия диктатуры пролетариата. Но особые условия России, где, во-первых, мелкое крестьянское хозяйство имеет гигантское преобладание и без смычки с ним, которую нужно налаживать в общегосударственном маштабе диктатура пролетариата продержаться не может, и где, во-вторых, в силу особо благоприятных исторических условий, национализация земли осуществлена,—эти обстоятельства заставляют нас считать национализацию земли одной из основ социализма в России. Исторически вытекшая из хода буржуазно-демократической революции национализация земли, как не раз повторял Ленин, в руках пролетариата стала социалистическим мероприятием, нанесшим первый в истории могучий удар одной из форм частной собственности вообще.

В платформе „республиканско-демократического союза“ следует отметить переходный характер разбираемого нами V-го (земельного) пункта. Он принимается условно: „до восстановления нормальной народно-хозяйственной жизни“. Это значит, что руки ново-кадетов остаются несвязанными. Когда „нормальная“ жизнь наступит, т. е. когда революция будет окончательно раздавлена, тогда, конечно, у кадетов могут появиться и „справедливые“ идеи об оплате помещикам (крестьянами) отнятой земли, об отобрании крестьянских земель буржуазным государством и т. п.

Выдвигая лозунг „купли-продажи земли“, как переходный, новокадеты хотят союза с новой „демократической“ крестьянской буржуазией. На нее рассчитано и политическое требование республики, однако, с „мудрой“ редакцией соответствующего пункта. Речь идет вовсе не о четыреххвостке (всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право), которую мы все привыкли связывать с представлением о „демократической республике“. Российские „республиканцы демократы“ ограничиваются одним „всеобщим“ избирательным правом. Остальных трех „хвостов“ в их платформе не видать. Они припрятаны, чтобы предоставить контрреволюции „полный ход назад“.

Нечего добавлять, что именно беднейшее и среднее крестьянство попало бы в первую очередь (вместе с пролетариатом) под это „сокращение“ в демократических принципах. Зато сельская буржуазия может смело успокоиться, как показывает опыт других „демократических“ республик, на „всеобщем“ избирательном праве. Ей и от него перепадет достаточно политических привилегий.

IV.

Подводя основные итоги милюковской классовой „стратегии“, можно установить следующее. Ставя целью восстановить в России капитализм эта буржуазная стратегия ориентируется внутри России на блок городской и сельской буржуазии, под политиче-

ской гегемонией тех остатков и „сливок“ старой „передовой“, либеральной буржуазии, которые еще сохранились (и не могли не сохраниться после революции, происшедшей только в одной стране). Эта стратегия состоит в том, чтобы „принять“, в основном, свершившуюся буржуазно-демократическую революцию в деревне, исходить из ее результатов, как из непреложного исторического факта и перехватить эту революцию по дороге к социализму, прекратить ее дальнейшее развертывание в социалистическую, задержать ее на буржуазном этапе.

Это „приятие“ буржуазно демократической революции задним числом ведет к коренному тактическому пересмотру старого кадетизма. Кадетизм „эволюционирует“ постольку, поскольку меняется положение русской буржуазии. Тактический пересмотр кадетизма сводится к тому, что, по Ленинской терминологии, Милюков отрекается от защиты „прусского“, помещичьего капитализма в сельском хозяйстве (в политике—отказ от монархии), и вступает на путь защиты „американского“ пути, ликвидируя тем самым ту борьбу „двух буржуазий“, которая заполняла своим содержанием последние полсотни лет в истории „Российской империи“.

История еще раз иллюстрирует на больших фактах положения марксизма об относительной ценности лозунгов. Капитализм без помещиков и без монархии „американского“ типа, вырастающий из последовательной буржуазной демократической революции—такова была программа большевизма десяток лет тому назад. Теперь эту программу в основном перенимает буржуазный либерализм, конечно, за вычетом „революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства“, с ограничением „четв. разверстки“ и пр. И, в условиях развивающейся социалистической революции, когда то необыкновенная по своей теоретико революционной смелости программа большевиков становится наиболее последовательной и наиболее современной программой буржуазной контр революции.

„Американский путь“ —это как раз тот путь, на который хочет свернуть развитие России наша буржуазия, и это, здраво рассуждая, есть ее последний трезвый расчет. Не удастся он ей—все для нее пропало.

Но вступление на этот путь, естественно, дает буржуазии новых союзников. Если „другая буржуазия“,—крестьянские фермеры, на протяжении буржуазной революции, боролась с либерализмом, то теперь эта борьба отошла в прошлое. Исчез основной об'ект борьбы: помещичьи имения, о которых стоял вопрос: отойдут ли они, путем заклада, к банкирам, или, путем революции, к крестьянам?

На очереди—борьба буржуазии с социализмом. А здесь, забыв свои старые счеты, обе фракции буржуазии способны на более дружные совместные действия. Отсюда и для их политических представителей открывается большая возможность, чем раньше, выступать единым фронтом против большевизма.

Меньшевик и эсер, вообще мелкобуржуазный демократ наших дней значительно ближе к кадету, как и кадет к нему. Меньшевизм и эсеровщина окончательно становятся левым крылом буржуазии.

И это совсем не случайность. Таков социальный итог завершения целой эпохи буржуазно-демократической революции,

в процессе которой сгорел помещичий класс, отношение к которому разделяло мелкобуржуазную демократию и буржуазный либерализм.

Своеобразие данного момента нашей революции состоит именно в переходе от полосы, в которой сочетались буржуазно-демократическая и социалистическая революция, к полосе чисто-социалистической.

В свете этого перехода становится ясна закономерность, проявляющаяся в сближении кадетизма и мелко-буржуазного „демократизма“ в один контр-революционный блок европейского типа.

А. Слепков.

О пропаганде ленинизма в рабочей партийной школе.

I.

Несомненно, что различие аудиторий по их социальному облику, политическим взглядам, культурному уровню, возрасту и т. д. обязывает и к различному методическому подходу—в этих разных аудиториях. Плохим педагогом поэтому является тот, кто не учитывает в политико-воспитательной работе различия аудитории: было бы нелепицей, например, перенести программу и методы преподавания ленинизма, выработанные для рабочих-партийцев ленинского призыва, на какие-нибудь курсы преподавателей обществоведения в школах 2-й ступени.

Шаблонерство меньше всего вяжется с педагогикой вообще, и с политическим воспитанием в особенности.

Совершенно бесспорно также, что даже для *рабочей* партийной школы не может быть намечен такой план работы по пропаганде ленинизма, который одинаково подходил бы к школам различного типа. Первоначальная школа из рабочих ленинского призыва—это одно; а кружок по изучению ленинизма, составленный из занимающихся только в марксистских кружках квалифицированных партийных рабочих—совершенно другое.

Однако, обобщая опыт работы по пропаганде ленинизма в рабочих партийных кружках разного типа, мы можем наметить *некоторые общие моменты работы*, направление и характер которой определяется *общими особенностями* нашей *рабочей партийной* аудитории.

На кое-каких общих выводах мы и намереваемся остановиться в настоящей статье.

* * *

Самым спорным методическим вопросом при обсуждении проблем, связанных с преподаванием ленинизма, является обычно вопрос о *принципах построения программы*.

В этих спорах неизбежно противопоставляются друг другу принцип *исторический и логически-тематический*. «Историки» мотивируют свою позицию тем, что ленинизм может быть понят только в историческом его развитии. Особенно это относится к ленинской *тактике*. Диалектика этой тактики, историческая исключительность ситуаций и лозунгов, быстрая и гибкая смена тактических позиций в зависимости от изменения об'ективной обстановки это—*важнейшее, существеннейшее, практически ценнейшее* в тактике Ленина, не будет усвоено *без исторического изучения* борьбы Ленина. Чтобы понять ленинизм, как действенную теорию, надо идейно пережить весь тот путь, который прошла наша партия под руководством Ленина.

Поэтому следует поставить изучение ленинизма в рамки изучения теории партии.

Посылки здесь верные, но не правильно заключение.

Верно, что без истории партии, изучение которой должно быть в свою очередь поставлено в рамки истории классовой борьбы, нельзя понять диалектики ленинизма, как действенной теории.

Не верно, что следует ограничиться историческим построением. Исторический разрез недостаточен потому, что при нем *не ставятся в поле внимания*—во весь свой гигантский рост, *социально-политические проблемы* в *их настоящей, современной формулировке.*

Очень часто в ленинских кружках можно встретить значительную, историческую грамотность, на-ряду с полнейшей безграмотностью в вопросах *современного периода.*

Нам приходилось наблюдать, как настоятельно домогался руковод от совершенно «сырого» ленинца ответа на вопрос: «Из кого состояла «Группа Освобождения Труда?» и с торжеством получивши ответ: «Плюханов и Кислород»—совершенно не смущался тем, что для этого ленинца слово «Ком Интерн» было совсем непонятным.

Или в другом месте ленинцы очень детально выясняли, почему «Искра» печаталась на тонкой бумаге и совсем не представляли себе, почему партия перешла к НЭП'у и что из себя этот нэп представляет.

История партии необходима для ленинца, но особенность ленинизма, между прочим, всегда заключалась в умении использовать теорию для понимания сегодняшнего дня. Ленинизм актуален, в нем нет ни грана «академизма». Именно поэтому нельзя согласиться с таким преподаванием ленинизма, когда его подменяют *историей партии.*

С другой стороны для рабочей школы не годится и логически-тематический принцип.

Проработка *проблем* ленинизма в их теоретической постановке («Ленин и диктатура пролетариата, Ленин и пролетариат», «Ленин и крестьянство» etc) немыслима без предварительного знакомства с конкретно историческим материалом.

Теоретическая постановка проблем предполагает работу над обобщением различных конкретно-исторических процессов, которые должны предварительно представляться в их реальном, исторически-исключительном, контексте.

Предположим, что в кружке разбирается проблема «Ленин и крестьянство». Логический центр тяжести этой проблемы можно выразить следующим видоизменением темы: «*Ленин, крестьянство и социализм в отсталой стране*». Однако, выяснение этой теоретической проблемы непременно предполагает некоторое знакомство с крестьянским вопросом в революциях 1905 и 1917 гг.; крестьянский же вопрос в этих революциях в свою очередь не может быть выяснен без выяснения классовых отношений в революции, т.-е. хочешь не хочешь, должен предварительно познакомиться с *историей классовой борьбы.*

Вот почему мы являемся сторонниками *комбинированного* метода, сочетающего и исторический и логически-тематический подходы.

Раньше необходимо дать историю большевистской партии в связи с историей классовой борьбы: здесь следует уделить особое внимание *диалектике* ленинской тактики; затем поставить *проблемы* ленинизма в логическом разрезе и в современной их формулировке.

* * *

В наших партийных школах существует еще, если не метод, то тенденция к методу, на характеристике которого следует вкратце остановиться. Мы имеем в виду некоторых горе-«комплексников».

Всякому партийному педагогу известна попытка «комплексников» поставить изучение общественных дисциплин, *исходя* из современности, производства, локальности. Пожалеем немного наших мудреных «революционеров» в методике и избавим их от обязанности прорабатывать ленинизм, исходя из «производства» и «местных условий»: этой попытки не сделает даже самый «решительный» из них, хоть чуть понимающий ленинизм.

Но из современности наши «современные» педагоги исходить пытаются.

Уже давно в наших партийных школах нет-нет, да и появятся новые «прожекты» программ (разнообразие программ у нас удивительное!), построенные по принципу «современности, производственности и локальности». В частности, уже около года тому назад в некоторых партшколах и даже Комвузах появились программы по истории партии, построенные по «рачьему» методу.

Учащиеся должны раньше познакомиться с 12 партс'ездом, затем с 11-м, и шаг за шагом спуститься к истокам партийного движения.

Или, программа по истории России начинается с анализа нэпа, понимание которого предполагается данным, а затем, исходя из этого понятного всем современного *продукта* истории, начинают изучать его генезис.

В этих «прожектах» столько же наивности, сколько невежества.

На самом деле. Если нэп можно охватить научно примитивно, *без* понимания его исторической подготовки, *до* этого понимания, то тогда не зачем «забавляться» изучением истории, подготовившей этот нэп.

Зачем выяснять как и почему, каким путем натуральное, простое товарное, частно-капиталистическое, социалистическое социально-экономические течения сочетались в фокусе НЭП'а?

Но, конечно, суть дела и заключается в том, что НЭП *нельзя* понять без хотя бы примитивного выяснения особенностей развития русской революции, сочетавшей крестьянское движение с пролетарским. Или, обращаясь к истории партии,—разве можно хорошо понять современную позицию меньшевизма без его истории; или новый уклон в партии, без знакомства со старой внутрипартийной борьбой?

Современные партийные проблемы могут быть поняты *только* на основе *исторического* подхода к ним; и этот исторический аспект мышления мы обязаны культивировать у каждого партийца.

Исходя из этих соображений, мы не можем согласиться с такой постановкой занятий по ленинизму, при которой логически-тематическое построение *предшествует* историческому.

Раньше *история* ленинизма в связи с историей партии и классовой борьбы; *затем*—логически-тематическое построение.

* * *

Итак, мы предпосылаем изучению собственно ленинизма изучение истории партии.

Относительно истории партии мы должны сделать следующие методические замечания.

Во-первых. Для рабочей аудитории характерна конкретность мышления. Абстрактно-философские рассуждения, естественно, не возбудят в начинающем учиться рабочем партийце особого энтузиазма: они будут выслушаны, но никакого следа не оставят. Нам представляется, что, учитывая эту конкретность мышления, надо построить историю партии так, чтобы завоевать в начале каждого занятия сознание учащегося соответствующей *картиной*. Сначала надо дать *картину*, ясную и понятную в своей *конкретности*, зацепившую за сознание, завоевавшую внимание учащегося.

А этих картин в истории партии хоть отбавляй, ярких, сочных, иногда величественных *) и делающих сразу понятным, о чем *конкретно* идет речь.

Во-вторых. После картины нужно дать ее *анализ*, об'яснение, политические обобщения.

Так, например, мы знакомим учащихся с народничеством. Раньше всего даем картину народнического движения. Хождение в народ, бунтарство (нарисовать Чигиринский бунт), террористическая практика (картину ряда покушений). Затем после завоевавшей внимание учащегося и подведшей конкретную почву под аналитическую часть занятия картины,—мы ставим ряд вопросов: правильны ли с нашей точки зрения *методы* борьбы народников? Во имя чего боролись народники? Почему не верна народническая теория? *Сначала картина, потом анализ*. При постановке этой второй аналитической части *надо больше всего бояться многопроблемности:* следует выдвигать три-четыре узловых проблемы, не больше, чтобы из всякой лекции и беседы выпирали идейный костяк, план, основные моменты занятия: это—*непременное* условие усвоения проработанного.

В-третьих. История партии должна быть орудием политического воспитания коммуниста. Нам представляется, что не только курс в целом, в конечном счете, должен привести к правильному пониманию эпохи и партийных проблем современности; надо, чтобы *каждая* тема, *каждое* занятие помогало на опыте прошлого выяснить какой-нибудь кусочек современности.

Мы считаем необходимым завершить каждое занятие *увязкой в современность* на основе сходства или контраста в явлениях прошлого, изучаемого в истории партии, и настоящего. Так, например, мы занимаемся историей народничества. Нарисована картина движения, разобраны проблемы, выясняющие программу и тактику народников. Руководитель ставит вопрос об исторических наследниках народников. Какая партия, игравшая крупную роль в переживаемой нами революции, заимствовала у народников основы их программы и тактики? Идет разго-

---

*) Сколь много богатейших мотивов по истории рабочего движения пропадает для художника. Прямо иногда ругаться хочешь, когда видишь, какими жалкими мотивами вдохновляется современный художник А что бы, например, перенести на полотно, как в южной стачке 1903 г. рабочие железнодорожники ложились сотнями на шпалы, чтобы остановить ж. д. движение?

Выразить художественно это могучее упорство молчаливо лежащих на шпалах, плечом к плечу пролетариев, как мчится поезд, управляемый машинистом, на лице которого выражение суровой послушности начальству вытесняется выражением захватывающего мятежного протеста, солидарности со стачечниками...

Или современная картина. В Норвегии 50% рабочих—без работы. Грандиозные забастовки. Бастующих рабочих полиция и войска со скал бросают в море. Какой сильной картиной, потрясающей и укрепляющей волю к борьбе, мог бы подарить нас хороший художник!

вор об эсерах. Эсеры сохранили даже прежние мелко-буржуазные методы борьбы. (Курс на крестьянство, бунтарство, Антоновщина и т. д., террор, покушения на вождей Р. К. П.). Но старые народники выступали против самодержавия, эсеры борются теми же средствами против пролетарского государства и т. д. Или вы разбираете вопрос о борьбе с экономистами. Дается картина рабочего движения, рисуются рабочие типы эпохи; дается анализ экономизма и его критика; далее следует увязка в современность. Вы ставите вопрос о причинах успеха экономистов в широких слоях рабочего класса. Выясняете, что в эту эпоху рабочий класс пополнился 1½ миллионами разорившихся крестьян. Выясняете, далее, что стачечное движение захватило широкие слои этих полу-крестьян, полу-рабочих, ставите в связь успехи экономистов с этим пополнением крестьянского охвостья в пролетариате.

Далее ставите вопрос о связи рабочего с деревней *теперь*. Значение этого факта. Роль этой связи с деревней в эпоху Кронштадта. Московский и Петроградский тип рабочего. Большая эмансипированность петроградского рабочего от деревни, благодаря развитию огородного дела,—большая чистота классовой идеологии питерца-рабочего.

Металлист и текстильщик. Сравнительная характеристика с точки зрения связи с деревней. Роль металлистов, в революции и т. д., и т. п.

Итак, каждое занятие строится по следующему плану: картина, анализ, увязка в современность.

* * *

Помещая ниже наш план занятий по истории партии, мы считаем необходимым сделать предварительно несколько поясняющих замечаний.

1) Это есть примерная программа, конкретизирующая общие положения, о которых мы говорили выше. Даем ее с целью иллюстрировать *метод*, но отнюдь не как план, рекомендуемый для буквального выполнения.

2) История партии рассчитана на 11 занятий, ибо такое количество занятий дает возможность нам более удобно распределить материал; конечно, в зависимости от условий, курс может быть сокращен или увеличен.

3) Мы указываем литературу для *руководителя;* для учащегося рекомендуем, как наиболее приличное пособие (хотя и не без недостатков), книгу тов. Зиновьева (которая сейчас перерабатывается).

А. Темы исторические.

(История РКП).

I. Тема. Предпосылки коммунистического движения в России в конце XIX века.

§ 1. Дать картину промышленного перерождения земледельческой России: образование капиталистических районов (Бакинский нефтяной район, Донбасс, Украинские свекольные районы и т. д.), появление заводов гигантов (Юзовский, Александрова). Размеры и масштаб промышленно-капиталистического роста в России конца XIX века (картины).

§ 2. Условия, содействовавшие росту капитализма: а) желдорстроительство, б) приток иностранного капитала (особенно французского и бельгийского), в) дешевая рабочая сила в связи с реформами 1891 года, г) покровительственная политика самодержавия.

§ 3. Образование рабочего класса в России, появление его из среды крестьянской (деревни), постепенное отдифференцирование от крестьян, значение последнего процесса; связь российского пролетариата с деревней в настоящее время; положительные и отрицательные стороны этой связи с точки зрения социалистического строительства.

Литература для руководов:

1. Сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (статья Фин-Енотаевского «Промышленный капитализм в России»).
2. Туган-Барановский—Русская фабрика («Пореформенная фабрика»).
3. Общественное движение в России в XX веке, ст. Балабанова и Кольцова.
4. Покровский—т. IV «Конец XIX века».
5. Ленин—Развитие капитализма в России.
6. Дементьев—«Фабрика и что она дает».
7. Лященко—Очерки аграрной эволюции в России.

II. Тема. Преодоление народничества, как расчистка почвы для социал-демократии.

§ 1. Марксистские кружки 80-х годов, содержание их работы и столкновение с народниками.

§ 2. Картина народнического движения в России: хождение в народ, бунтарство, террористическая практика.

§ 3. Марксистская критика народничества: а) главная сила революции не крестьянство, как считали народники, а пролетариат, б) критика бунтарского метода, в) неправильный метод индивидуального террора, так, как убивая личность, не преодолеешь системы, для последнего необходима классовая борьба и массовая организация (террор только массовый, как одно из средств классовой борьбы).

§ 4. Во имя чего боролись народники? Дать их программу: а) считали возможным переход в соц. общество без капитализма (перескок через капитализм); б) вера в общину, как предпосылку соц. строя, в) крестьянство —главная сила соц. революции, д) интеллигенция—генер. штаб соц. армии.

Дать критику народнической программы:

а) не перескок, так как полнокровный, еще растущий капитализм на Западе и успехи его в России;

б) община не предохраняет от развития капитализма (дифференциация внутри общины);

в) Не мелко-буржуазное крестьянство, а коллективный пролетариат—гегемон соц. революции;

г) интеллигенция не играет решающей роли, как промежуточный слой: интеллигенция буржуазная, интеллигенция пролетарская и т. д.

§ 5. Народничество и с.-р. У них общие основные методы борьбы и программа, с той разницей, что народники, борясь против самодержавия, играли прогрессивно-революционную роль, а с.-р. в иных соц.-политических условиях, продолжая те же методы борьбы при диктатуре пролетариата, играли контр-революционную роль.

§ 6. Легальный марксизм. Социал-демократию поддерживала в борьбе с народниками часть либеральной буржуазии (первые ласточки русского капитализма), как Туган-Барановский, Струве и др. легальные марксисты, проявившие свою буржуазную физиономию при разложении народничества и при выступлении рабочего класса на арену борьбы.

Легальные марксисты, как попутчики соц.-демократии. Современные попутчики (сменовеховцы). Попутчики солидаризируются с нами не по основным вопросам программы и тактики, а лишь по частным моментам исторической борьбы.

Литература: 1. Богучарский—Активное народничество 70-х годов. 2. В. Фигнер—Запечатленный труд. 3. Ленин—Что такое друзья народа. 4. Ленин—Экономическое содержание народничества. 5. Покровский—Сжатый очерк (гл. о «Народнической революции»). 6) Процесс с.-р. в 22 году. 7. Тун—История революционного движения в России. 8. Дебагорий—Макриевич—Мемуары. 9. Плеханов—Наши разногласия. 10. Лэйч—Хождение в народ. 11. Лядов—История соц.-демократии, т. 1, 70—80 гг.

III. Эпоха борьбы революционной с.-д. с экономизмом.

§ 1. Картина экономического и правового положения рабочих и стачечное движение конца XIX века.

§ 2. Роль с.-д. в экономической борьбе рабочих: первые с.-д. кружки и организации, кружки пропаганды, гр. Благоева, гр. осв. тр., союзы борьбы за освобождение рабочего класса.

§ 3. Проблемы экономизма и политицизма (переход к политической борьбе).

§ 4. Борьба искровцев с экономизмом.

Основная характерная черта экономизма—крохоборчество; отказ от классовой революционной борьбы за социализм и переход на платформу борьбы за частичные реформы в рамках «вечного» капитализма; в этом же суть оппортунизма вообще.

II Интернационал, как типическая организация оппортунистов.

Литература: 1. Покровский—Сжатый очерк (ч. II, раб. движ.). 2. Астров—Экономисты—предтечи меньшевиков. 3. Лядов—Истор. с.-д., т. I. 4. Ленин—Что делать. 5. Плеханов—Вадемекум.

IV. Попытка овладения рабочим движением со стороны помещичьего государства и либеральной буржуазии.

§ 1. Картина роста массового политического рабочего движения в начале XX в.; демонстрация, (описать картину юж. стачек 1902—3 гг.), различные формы протеста, усиление руководящей роли с.-д.

§ 2. Были ли в рабочем движении какие-нибудь организации, нерукводимые с.-демократией? Зубатовские организации. Картина деятельности зубатовских союзов в разных местах, частичные успехи (рост зубатовских союзов, шествие на могилу А. II и пр.); неудачи.

§ 3. *Социальный смысл этих организаций*—борьба М. В. Д. и Мин. Фин.; МВД—помещичье, желавшее овладеть рабочим движением, не останавливаясь перед частичной прижимкой капиталистов (как поддержка эконом. борьбы и пр.); МФ—буржуазное.

§ 4. *Экономизм и полицейский социализм*—встречные течения, зубатовщина (помещичья) сверху и экономизм—снизу. Об'ективно-одинаковый смысл этих двух течений.

§ 5. *Империализм и зубатовский метод.*—Зубатовский метод, в эпоху империализма—*фашизм* (фашистские профсоюзы); фашизм поддерживает экономические стачки; конечно, фашизм иное явление по соц. сущности, но общее сходство в методах овладения рабочим движением остается.

§ 6. *Оппортунизм и фашизм.* Фашизм сверху (как зубатовщина) и оппортунизм (как экономизм) снизу в настоящее время стремятся овладеть раб. движением для подчинения его капиталу.

Литература: 1. Лядов—История с.-д. 2. Астров—Корни меньшевизма. 3. Проф. Озеров—Рабочая политика в России в нач. XX века. 4. Григорьев—Полицейский социализм. 5. Красная летопись № 1 или 2. 6. Журнал Кр. Архив (№ 1 о зубатовщине). 7. Сандомирский—О фашизме.

V. Революция 1905-го года.

1. Картина основных моментов революции—9/I, октябрь, декабрь, полоса наступления после декабря.

2. Классы и революция 1905 года—А) руководящая роль пролетариата (в январе, октябре, декабре).

Двоякая роль раб. класса—нанесение удара самодержавию и капитализму. Динамика стачечного движения: сначала сильный взрыв политического движения, затем полосы дробных, экономических стачек. Б) Крестьянство идет под руководством пролетариата: а) хронологически крестьянское движение следует после января, октября и декабря—сообща с пролетарским движением; б) зачинщиками рев. в деревне были, главным образом, выходцы из городов (рабочие, уходящие на заработок, отпускники и т. п.), в) динамика борьбы крестьян, как влияние пролетариата (вытеснение погромных форм борьбы стачечными), г) влияние пролетариата на крестьянство сказалось и в том, что крестьянство выступало с радикальными лозунгами национализации земли, чего никогда не было в крестьянском движении в др. странах.

В) Буржуазия в революции 5 года. Ее связь с самодержавием (крупные заказы, постройки ж. д. и пр.), связь с землевладением (много земли заложено в буржуазных банках); покровительственные пошлины. Самодержавие в условиях мирового—капиталистического окружения само внедряло капитализм в России (строительство жел. дорог для экспорта хлеба и проч.), шло перерождение помещичьего государства, которое становилось одновременно и капиталистическим государством; в с.-х. имениях частично происходила капитализация. Движение буржуазии в 1905 г. после 9/I до октября т.-е. до манифеста 17 октября) буржуазия спекулировала на рабочем движении, прикидываясь революционной, пока не добилась желательных уступок от самодержавия (17/X), после чего играла к.рев. роль.

§ 3. *Тактика б-ов и м-ов в 1905 году.* Главный вопрос был—проблема власти, остальные вопросы связаны с этой проблемой. Меньшевики пропагандировали восстание, а не организовывали его (а Плеханов говорил: «лучше бы не брались за оружие»). М-ки считали, что раз революция будет буржуазной, то надо поддерживать буржуазное правительство, подталкивая его путем «оппозиций» «снизу»; они боялись власти. Мартынов с испугом «что нам делать, если власть попадет в наши руки?». Тов. Ленин говорил,—гегемоном революции будет пролетариат вместе с крестьянством. Они должны формировать Временное Правительство и вымести крепостнические остатки. Если будет мировая революция, то мы поставим вопрос о переходе к социалистической революции, но до тех пор лозунг «перманентной революции» (Троцкий, Парвус), в русских условиях неверен. М-ки роль гегемона в революции уступали буржуазии, шли у нее в хвосте, а б-ки считали гегемоном про-

летариат, идущий в союзе с крестьянством. Нужно не только понять характер революции, но нужно эту революцию сделать.

§ 4. Особенности тактики б-ов и м-ов в революции 1905 года.

а) большевики—активисты, меньшевики—пассивисты;

б) большевики изучают новую конкретную обстановку, меньшевики подходят со старым шаблоном;

в) большевики поняли крупнейшую революционную роль кр-ва в революции, м-ки никогда не понимали этой роли кр-ва.

Литература: 1. Л. Троцкий—1905 г. 2. Ст. Ево-Маевского—(общественное движение XX века. 3. Покровский—вып. 3. Сжатый очерк. 4. Ленин—Две тактики. 5. Протоколы III и IV Об'един. Стокгольмского с'езда (речи Ленина и Плеханова). 6. Ленин—Рабочее движение в первой русской революции.

VI. Годы реакции (7—10 годы).

1. Установление столыпинского режима. Военно-полевые суды; чрезвычайное положение. Столыпинский «галстук» (виселица). Разгром с.-д. организаций. Провалы. Ликвидация нелегальных типографий.

2. Перестановка классовых сил: а) укрепление к-рев, самодержавие опирается: 1) на помещиков и 2) на буржуазию, так как у последней старх перед революцией. Уступки самодержавия (Дума—разделение власти), промышленная депрессия и надежды на субсидии и заказы.

3. Крепкий столыпинский облагодетельствованный мужичек.

б) *Ослабление сил революции.* Затишье в разбитом рабочем движении (безработица, локауты), коституционные иллюзии, особенно среди кр-ва. Бегство интеллигенции от революции (уход из партии). Порнография, скептитизм, мистика.

3. *Распад внутри с.-д.* в обстановке оторванности от рабочего движения. Группировки в с.-д.: а) ликвидаторы м-ки, б) м-ки партийцы, в) отзовисты и ультиматисты, г) философский ревизионизм (строительство, Богдановщина), д) твердокаменные б-ки, е) примиренцы.

4. О ликвидаторстве, как форме предательства и приспособленчества (приспособление ком. партии к об'ективно сложившимся обстоятельствам, принципиальное различие от ликвидаторского приспособления).

Литература: 1. Спиридович — (жандарм) «РСДРП». 2. Зиновьев—История РКП. 3. Лядов—История с.-д. 4. Сборн. «Марксизм и ликвидаторство» (Ленин, Зиновьев, Каменев). 5. Сборн. 25 лет РКП. 6. Полное собрание сочинений Ленина, т. XI, XII, ч. I.

VII. Годы под'ема (эпоха „Звезды и Правды“).

1. Промышленный под'ем 10 г. и под'ем массового рабочего движения. Ленские расстрелы, как исходный пункт массового движения. Картины наиболее крупных стачек. Стачки по поводу отравления рабочих. Июльские дни 1914 года.

2. Борьба большевиков и меньшевиков за овладение массовым движением: м-ки против стачек, азарта, б-ки за придание ему характера политического массового рабочего движения.

Рабочее движение пошло за б-ми. Большевистский характер рабочего движения.

3. Чем подготовилось большевистское рабочее движение? Кристаллизация и отмежевание большевизма: а) по линии организационной—создание особого руководящего центра (Пражская конференция в противоположность меньшевистской организации—августовский блок). б) размежевание думских фракций; в) размежевание газет «Звезды» и «Правды»; г) размежевание во всех отраслях работы среди пролетариата (страховые кассы и т. д.).

4. Тактика раскола и ее смысл. Кристаллизация боевых политических партий, не связанных сотрудничеством с реформизмом, как предпосылки победы революции (отсутствие этой предпосылки в Зап. Европе). (В рабочем движении Запада кристаллизация рев. партий происходит с запазданием в момент мировой соц. рев.).

Литература: 1. Из эпохи «Звезды и Правды» (под ред. Ольминского) т. I—III. 2. Зиновьев—История РКП. 3. Сб. «25 лет РКП». 4. Каменев—Между двумя революциями. 5. Правда о ленских событиях.

VIII. Война 1914 года.

1. Картина войны (издержки войны, колич. убитых, материальные убытки и т. п.).

2. Из-за чего загорелась война? Эпоха финансового капитала, борьба за раздел мира. Германия и Англия — основные враги, мотивы участия России в войне. Империалистические планы всех участвовавших в войне стран, нет стран обороняющихся, все нападающие с империалистическими целями.

3. Распад II Интернационала. Оборончество в разных партиях Интернационала, предательство интересов рабочего класса. Социальные корни оппортунизма.

4. *Рос. с.-д. и война.* Явное оборончество (Плехановская группа), Мартов, гр. Троцкого. Б-ки пораженцы. Лозунг превращения империалистической войны в гражданскую.

5. Противоимпериалистическая рев. работа б-ов в России. Выступление в Думе. Борьба вокруг воен.-пром. к-ов. Борьба с м-ми. Антимилитаристский характер русск. рев. движения.

6. Русский большевизм в первые попытки создания III Интернационала.

7. Борьба Интернационала с милитаризмом в наши дни. Пацифистский и революционный подходы к вопросу.

Литература: 1. Ленин и Зиновьев—Против течения. 2. Зиновьев—Война и кризис соц. 3. Меницкий—С.-д. во время войны. 4. Шляпников—Конец 17-го года. 5. Суханов—Почему мы воюем. 6. Сб. «Проблемы войны» (под ред. Т. Барановского), ст. Мукосеева «Экономические причины войны». 7. Покровский—Виновники войны в сб. «Внешняя политика».

IX. Революция 1917 года.

1. Картина февральского переворота. Бег событий. Июльские дни. Диктатура к-рев., представленная Керенским. Корниловщина. Октябрьский переворот.

2. Причина революции—разрушение хозяйства и обострение классовых противоречий, невозможность вести войну. Разложение самодержавия.

3. Проблемы мира, хлеба, свободы.

Невозможность их разрешения буржуазным правительством, правительство Керенского—продолжение политики вр. буржуазного правительства, коалиционные правительства и их неспособность разрешить эти проблемы. Только Октябрьский переворот разрешил то, что не разрешили ни буржуазиое правительство, ни м-ки и с.-р.

4. Тактика мен-ов есть продолжение их тактики 1905 года (у власти буржуазия, м-ки ее подталкивают). Тактика б-ов—развитие тактики 1905 года, с тою разницей, что вместо демократической диктатуры пролет. и кр-ва, теперь лозунг диктатуры пролетариата, ибо созрела обстановка.

5. Эволюция тактики б-ов: а) пропаганда идеи «вся власть Советам» после февральского переворота без призвания к вооруженному восстанию; б) пропаганда идей вооруженного восстания, как единственного способа захвата власти в руки пролетариата с июльских дней; в) организ. подготовка к проведеиию восстания в Октябре, в момент слабости врагов.

6. Большевики выступали в Октябре против реформистов м-ов и против стихийного пучинского настроения, урок для Зап. Европы партии.

Литература: 1. Бухарин—Классовая борьба и революция в России. 2. Троцкий—Октябрьская рев. 3. Ленин—т. XIV, ч. 1 и 2. 4. Пролетарская революция № 3 (ст. Петропавловского). 5. Хрестоматия Пиантковского. 6. Хроника рев. 17 года. 7. Дж. Рид—10 дией, которые потрясли мир.

X. Как расправились с досоветским наследством.

1. *Война.* Предложение о немедленном заключении мира. Антановский байкот. Сепаратный мир с Германией. Борьба в партии вокруг Брестского мира. Правильный прогноз Ленина.

2. *Учредилка.* Власть в руках раб. кл., но учред. созывается. Смысл—использоваиие парламентаризма, заключающегося в обнаружении лица к-рев учред. (показали народу к-рев лицо учред. собрания и тогда разогнали).

3. *Связь с лев. с.-р.* Закон о соц. земли. Включение левых с.-р. в СНК, пока лев. с.-р. отражали рев. устремления кр-ва. Выступление лев. с.-р. против Брест. мира и разрыв с с.-р., поскольку они превратились в кучу к-ров интеллигентов.

4. *Борьба с буржуазией* (гражд. война). Три метода войны буржуазии: 1) русские и иностраиные капиталисты и помещики выступают против рос. армии, 2) помещики и капиталисты выступают под прикрытием с.-р. и м-ов (Колчак, Грузия), 3) с.-р. и м-ки подготовляют буржуазную реставрацию под прикрытием беспартийной к-рев. (Кронштадт). Об'ективный смысл всех этих движений один и тот же.

Литература: 1. Протоколы VII с'езда. (речи). 2. Майский—Демократическая к-рев. 3. Ленин—XV том. 4. Протокол V с'езда Советов. 5. Астров—стат. в Спутнике Коммуниста, № 2 (о лев. с.-р.). 6. Покровский—4 года к-рев. 7. Журнал «Большевик», № 1—2. Слепков. К 3-й годовщине Кронштадта.

XI. Нэп и партия в эпоху первоначального соц. накопления.

1. Обосиоваиие перехода к НЭП'у. Экономические предпосылки: разрушение промышл., иеобходим. возобиовления товарн. отиошений с деревией с точки зрения развития производства сырья и продуктов питания рынка. Разрушение с.-х., отсутствие у кр-ва стимулов к расширению хозяйства.

2. *Политические предпосылки.* Кр-н отстоял землю в гражд. войне от помещиков, он не желает поддерживать пролетарское государство только за прошлые благодеяния. Крестьянские волнения в 20 и 21 гг. Кронштадт.

3. Продналог: его смысл и значение.

4. Партийные с'езды и разработка проблем экономической политики; преодоление антинэповских течений раб. оппозиции. Проблема ножниц; проблема деиег.

5. Борьба за дешевое государство, как условие смычки (Рабкрин).

Литература: Леиии—О продналоге; резол. X, XI, XII, XIII с'ездов партии (особенно речи Леиина иа X и XI с'ездах). Ст. Ленина «О рабкрине».

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мировая политика.

(Продолжение).

Франция.

По окончании войны крупная французская буржуазия полагала, что она может спокойно заняться утолением своих аппетитов. В течение целых трех лет Клемансо, Мильеран и Бриан, повидимому, верили в действенную силу межсоюзных переговоров. Пуанкаре, усиленно работавший над освобождением Франции из-под опеки Англии, все же тщательно старался избежать разрыва дружественного соглашения. Он подчеркивал, что «отстаивает права Франции» средствами самыми законными, самыми правомерными. Но в конце 1922 года Англия, в вопросе о репарациях и национальной безопасности, предложила меры настолько расходящиеся с планами, что пришлось прибегнуть к другому методу, методу силы.

Оккупацией Рура он наглядно показал, какую цель ставит себе буржуазная Франция. Она стремится установить свое первенство на европейском материке путем ослабления и закабаления германской тяжелой промышленности.

Год рурской оккупации прошел под знаком политики насилия. Во Франции на вершине власти очутились крайние империалистические элементы. Франция резко противопоставляла себя бывшим союзникам. Противоречие интересов между Францией и Англией настолько обострилось, что готово было уже вылиться в форму резкого конфликта.

* * *

Франция, на протяжении целых четырех лет наталкивавшаяся на всяческие преграды со стороны Англии и до крайности зависимая в финансовом отношении, сделала в 1923 году отчаянное усилие, с целью «пожать плоды своих побед». Путем оккупации Рура она рассчитывала освободиться от убийственного бремени военных расходов, переложив на Германию значительную долю их в форме репараций (32 миллиарда франков золотом). Рассчитывала она также освободиться и от своей задолженности Англии и Америки (30 миллиардов зол. франков). И, наконец, она рассчитывала вырвать у рурских магнатов согласие на прибыльное участие французских горно-заводчиков в металлургических и горно-промышленных предприятиях Прирейнской Вестфалии.

В конечном счете рурская политика не привела Францию ни к победе, ни к поражению. Если Франция и не извлекла из нее ожидаемых выгод, все же эта политика серьезно подорвала германское хозяйство, заставила немцев прекратить пассивное сопротивление, а германскую промышленность подписать договоры—правда, временные—продиктованные ей Микумом *). Держа Стиннесов, Круппов и Тиссенов под вечной угрозой оккупации богатейших германских областей, Франция, разумеется, этим самым заставила Германию как можно скорее примириться с необходимостью франко-германского экономического союза. И, наконец, если рурская политика и восстановила против Франции соперничающую с ней Англию, то, с другой стороны, она возбудила в лондонском правительстве достаточно тревоги, чтобы заставить его пойти в деле уступок гораздо дальше, чем в Париже—в период дружественных переговоров.

* * *

Французской буржуазии не удалось пожать крупных плодов от обладания Рурским залогом: французское хозяйство не представляет собой достаточно мощной базы, чтобы нести на себе колоссальную надстройку внешней политики Пуанкаре.

Эта политика престижа и силы обходится чрезвычайно дорого. Она нуждается для своего подкрепления в громадных военных силах. Национальный блок вынужден был принять в марте 1923 года закон, увеличивающий мобилизационный состав сухопутной армии мирного времени до 700.000 человек (475.000 французов и 225.000 колониальных солдат). Он вынужден был пойти на крупные жертвы во имя увеличения флота, морского и воздушного.

Пуанкаристская политика, помимо того, требует привлечения на сторону Франции в качестве активных соучастников второразрядных государств, вассальная зависимость которых обходится Франции очень дорого. Менее, чем за год, Франции пришлось выдать заимообразно своим союзникам и друзьям свыше 2 миллиардов.

Будучи не в состоянии покрыть колоссальную стоимость этой политики нормальными бюджетными поступлениями, Франция в течение этих четырех лет прибегала к бешеным инфляциям и займам, фальсификации бюджета и баланса государственного банка. Государство разорено. Оно стонет под бременем долга (свыше 400 миллиардов бумажных франков), который тяжелым бременем ляжет на грядущие поколения и уже теперь ставит под вопрос дальнейшее существование политической власти буржуазии.

Еще в 1914 году, в пору своего расцвета, Франция не умела сбалансировать расходного бюджета, не составлявшего и 5 миллиардов золотых франков, т.-е. 15% общей суммы ее доходов. В 1924 году Франция, обнищавшая и обезлюдевшая, еще менее способна свести без дефицита свой нормальный бюджет, достигающий, не считая расходов по репарациям—30 миллиардов бумажных франков, что составляет приблизительно 40% общей суммы ее доходов. Так как $^5/_6$ этой суммы уходят на платежи по государственному долгу и на национальную оборону, ясно, что оздоровить бюджет невозможно без радикального изменения основного курса политики.

Несоответствие между экономической силой Франции и ее политической программой нашло свое яркое выражение в *падении франка*,—головокружительном к концу 1923 года. Пуанкаре пришлось наспех призвать на помощь Англо-Саксонский банк и купить его поддержку ценой унизительного обязательства, фактически отдающего француз-

*) Межсоюзная комиссия по контролю над металлургическими предприятиями.

ский бюджет под финансовый контроль Англии и Америки. Таким образом, *падение франка, в результате рурской политики, восстановило над Францией опеку Нью-Йорка и Лондона* и заставило ее временно отказаться от осуществления своей грандиозной программы.

К концу 1923 года падение франка вынудило Пуанкаре пойти на попятную. В первую четверть 1924 года, под влиянием того же фактора, ему пришлось занять еще более примирительную позицию. Разумеется, результаты выборов 11 мая значительно ускорят эту эволюцию, носящую поверхностный, а отнюдь не глубокий, характер.

* * *

Избирательная победа Блока Левых была совсем не столь блестяща, как обычно себе представляют. Партии Блока Левых (радикалы, республиканцы-социалисты и социалисты) получили около 3.900.000 голосов; партии Национального Блока—около 3.600.000.

Но Блок Левых выиграл больше мест, чем голосов. Умелое использование своеобразного французского избирательного закона обеспечило торжество демократическим партиям. И, действительно, Национальный Блок, не потерявший и одной десятой голосов, по сравнению с 1919 годом, лишился целой трети мест. Блок же Левых, собравший всего на одну десятую с лишним больше голосов, чем в 1919 году, приобрел свыше трети мест больше прежнего. На самом же деле, в последней избирательной кампании подлинно блестящую победу одержала коммунистическая партия: она получила свыше 850.000 голосов, т.-е. одну десятую всего количества поданных во Франции голосов, что при пропорциональной системе обеспечило бы ей 50 мест в парламенте.

Блок Левых будет иметь в палате большинство довольно таки незначительное и чрезвычайно неустойчивое. Партии, его образующие, корнями сидят в мелкой буржуазии, городской и сельской, в мелкой и средней промышленности и в тех социальных слоях, которые теснее связаны с рынком мировым, чем с рынком национальным. Вот почему Национальный Блок сохранил за собой позиции 1919 года в департаментах северных, западных и восточных, т.-е. в районах крупно-землевладельческих и крупно-промышленных. По той же причине он, как общее правило, потерпел фиаско в департаментах центральных, юго-западных и южных, т.-е. в районах, где преобладает мелкая земельная собственность, мелкая и средняя промышленность. Был он разбит и в портах морских и речных—Марселе, Лионе, Гавре, Руане, Бордо.

Новое большинство, несомненно, учтет социальный состав своей избирательной клиентуры. Очутившись у власти, оно постарается дать ей удовлетворение. Но правое крыло Блока (умеренные и радикалы) является выразителем *интересов перерабатывающей промышленности и коммерческих банков*. При первой же угрозе налоговой, экономической и социальной реформы подлинно народного характера, эти правые элементы станут в оппозицию к элементам социалистическим, образующим левое крыло блока-победителя. Умеренные радикалы сблизятся тогда с левыми республиканцами (левое крыло Национального Блока), среди которых найдутся и выразители интересов тяжелой промышленности.

Чтобы сохранить в своих руках власть, лидерам-радикалам и социалистам придется учесть происшедший сдвиг вправо значительной части их клиентуры, экономически еще более веской, чем количественно. Они пойдут на уступки этому течению, и тем самым выроют себе яму.

* * *

Победа Левого Блока только усиливает те примиренческие тенденции, начало которым, совсем не по доброй воле, положил Пуанкаре. Новые министры охотно откажутся от грандиозных отдаленных и опасных целей, намеченных их предшественниками. Политику первенства и престижа они постараются заменить политикой международного сотрудничества, политикой мелких выигрышей, довольствуясь реальными и непосредственными результатами, хотя бы и весьма скромными.

Они умножат декларации демократического и пацифистского свойства, они возродят вильсоновские иллюзии. Дружественное сближение межсоюзных львов! Острый кризис англофилии, попытка братания с Соединенными Штатами, заигрывание с Италией. Искренняя жажда мира с Россией и попытка сближения с нею, разумеется, с соблюдением необходимых предосторожностей. Сближение весьма осторожное и медленное, но серьезное и упорно налаживаемое, с задней мыслью возобновления экономического, политического и военного франко-русского договора, выгодного, между прочим, и тем, что он устранил бы серьезную опасность германо-русского соглашения и дал бы возможность Франции успешнее сопротивляться Англии. Возврат к более активной и дружественной политике в отношении Малой Азии, где Пуанкаре, поглощенный Руром, пренебрег и скомпрометировал интересы французской буржуазии.

Блок Левых постарается раздуть роль Лиги Наций в европейской политике. Он будет добиваться принятия в нее России и даже Германии, если только последняя даст достаточные доказательства наличия у нее доброй воли и покорности.

* * *

Правительство, будь то радикальное, радикально-социалистическое или радикально-оппортунистическое, неизбежно должно будет учесть глубокие изменения в структуре французского народного хозяйства.

Восстановление промышленности в опустошенных войной французских областях, переход в руки Франции лотарингской металлургической и текстильной промышленности, эльзасских минеральных залежей и громадных залежей металла на западе Алжира (по об'ему равных 70% всех европейских залежей железа), реализация богатств, которыми изобилуют громадные колонии (площадью в 12 кв. клм. и с населением в 60 миллионов жителей),—все это ведет к тому, что Франция—в былое время преимущественно земледельческая, с замкнутым до известной степени народным хозяйством, построенным до 1914 года на основе мелко-буржуазного производства, мало-по-малу превращается в крупную промышленную державу.

Вопрос об экспорте приобретает для Франции превалирующее значение. Отсюда—необходимость *империалистической* политики. Вынужденный временно отказаться от метода насилия, французский империализм за ширмой левого блока, перейдет к методам мирной экспансии. Иностранные продукты будут иметь более легкий доступ во Францию. Слывущий за богача владелец крупных предприятий экспортной промышленности мэр Лиона Эррио будет проводить политику с сильным креном в сторону свободного обмена.

* * *

Волей-неволей Блоку Левых суждено стать орудием крупного капитализма. Финансовое положение близко к краху. Восстановление государственных финансов и оздоровление финансового хозяйства требуют предварительной стабилизации франка, а для этого нужна помощь банков. Очутившись перед угрозой нового крушения денежной единицы, блок левых для получения поддержки от финансовых консорциумов вынужден будет дать им требуемое удовлетворение, т.-е. отказаться от осуществления своей демократической программы.

Он ограничится подражанием жестам Макдональда, жестам символическим и чисто платоническим. Несомненно, он подвергнет «рассмотрению» вопрос о сокращении срока отбывания воинской повинности и об установлении налогового режима, более благоприятного для рабочих. Но он не сумеет осуществить ничего сколько-нибудь серьезного. Он постарается возможно больше продлить оккупацию Рура. Он оставит в нетронутом виде военные силы Франции, не проведет никакой коренной финансовой или социальной реформы.

В виду несоответствия интересов различных классов, выразителями которых служат три партии из состава избирательного об'единения, именуемого Блоком Левых, новое парламентское большинство будет крайне неустойчивым. После усиленного крена в сторону левого социалистического крыла, оно сдвинется в сторону левого умеренного и остановиться в конечном счете на левом центре. Вначале это большинство с воодушевлением будет проводить политику национального примирения и международного умиротворения. Примирение поверхностное, умиротворение—временное.

Дав радикалам исчерпать себя у власти, крупный капитализм затем постарается разложить Блок Левых, внести рознь и расслоение в партию радикалов и в партию социалистов. А там он воспользуется первым удобным случаем, чтобы отстранить от власти всех искренних демократов и сформировать министерство «республиканского центра», опирающееся на левых республиканцев с участием нескольких новых ренегатов от радикализма и социализма.

После некоторой передышки и попыток Эррио и Макдональд дружно и мирно урегулировать хотя бы на время репарационный вопрос и граничащие с ним проблемы, война за европейскую гегемонию возгорится с удвоенной силой, правда, только в том случае, если положение французских финансов настолько улучшится, что французская буржуазия сочтет возможным возобновить войну.

Но даже и в период умиротворения, во время передышки, борьба между Францией и Англией будет продолжаться иными методами, но во имя торжества тех же принципов. Под внешней маской умиротворения будут назревать антагонизмы.

Устанавливая над Германией экономический контроль антантовской буржуазии, план экспертов этим самым отдает германское государство в жадные лапы бывших союзников. Осуществление этого плана даст Англии, Франции и Соединенным Штатам возможность помешать восстановлению нормального функционирования германского народного хозяйства и освободиться, таким образом, от германской конкуренции на мировых рынках. Помимо того, это обеспечит союзным державам долевое участие в германских промышленных предприятиях в размере 5 милл. зол. франков, что равносильно овладению самыми значительными отраслями германской промышленности.

Борьба за дележ добычи предстоит яростная. Франция постарается увеличить за счет Англии и Соединенных Штатов свою долю германской добычи. С этой целью она использует свое участие в межсоюзных или международных контрольных органах, предусматриваемых экспертами. В этой новой фазе борьбы за колонизацию Германии и за гегемонию на материке, французская буржуазия прибегнет к методу, более реальному, чем межсоюзные переговоры, удельный вес которых она могла уже учесть до января 1923 года, методу более гибкому и сложному, чем метод голого насилия, практиковавшегося на Руре в течение целого года. Она, несомненно, воспользуется привилегированным положением, обусловленным ее географическим положением и наличием мощной армии, чтобы принудить Германию к выгодному для французской промышленности интимному союзу лотарингского железа и вестфальского угля; оба государства считают этот союз одинаково необходимым, а, следовательно, он неизбежно и приведет к тому, что франко-германский антагонизм будет ослаблен, а франко-английское соперничество достигнет крайних пределов.

Италия.

Италия мало-по-малу приобретает значение *гораздо более мощного фактора мировой политики,* чем это было прежде. Это ведет *к новому сдвигу в соотношении сил* и к новым конфликтам.

В последнем счете причины этого надо искать во внутреннем развитии Италии в результате победоносной войны. Здесь надо учесть тот рост мощи, который явился результатом крушения плана Придунайско-Балканской монархии, целевой рост военных вооружений, быстрый расцвет экономических сил страны. С другой стороны, в том же направлении действует сознание итальянцами того факта, что страна их, в противоположность другим союзникам всемирной войны, пожала слишком мало плодов от одержанной ими сообща победы,—сознании, наложившем яркую печать агрессивности на всю политику Италии в отношении Англии и Франции. *Муссолини и фашизм* частично служат симптомами распада и разочарования, охватившего мелкую буржуазию; на-ряду с этим, они служат носителями и выразителями *новой эпохи расцвета итальянского капитализма,* посмертного «*возрождения*» в рамках старческого империалистического мира.

* * *

Сознание временной ограниченности возможностей для Италии в сфере господства французов на Средиземном море, судя по программным заявлениям Муссолини, дает итальянскому стремлению к экспансии в ближайшее время толчек преимущественно в восточном направлении, делая предметом ее вожделений *бассейн Черного моря и прибрежные страны—Турцию, Кавказ, Юг России и Нижний Дунай.* Торопливость Италии в деле признания Советской России, усиление Италией судоходства в Черном море, стремление заручиться со стороны России льготами для торговли через Кавказ с Малой Азией, быстрая ратификация Лозанского мирного договора и систематические попытки установления добрых отношений с Турцией, хотя бы и ценой уступок националистическим тенденциям ангорского правительства, *все это вместе взятое долж-*

но помочь экономическому проникпанию в сферу Востока. Упорное цепляние Италии за Додеканез, как возможную в будущем базу для флота, свидетельствует о том, что за мирной политикой Италии кроется империалистическая подоплека, могущая в дальнейшем привести к конфликтам. Одновременно оккупация Италией этой группы островов служит весьма ярким, наглядным выражением антагонизма Италии к *Греции*, как к конкуренту в области морской торговли в восточном бассейне Средиземного моря.

* * *

Балкано-адриатическая политика Италии в основе своей имеет стремление *к политическому и стратегическому укреплению тыла* на Адриатическом море. Благодаря *договору в Фиуме и соглашению, гарантирующему свободное плавание по Адриатическому морю,* Италии удалось на несколько лет оттеснить Сербию от Адриатического моря. Благоприятствуя заострению белградской политики в сторону Балканского фронта, Италия преследует попутно и еще одну цель—двинуть силы *против Греции*. Здесь в противовес Англии, которая стремится к включению Греции в балканскую федерацию, Италия выдвигает идею о последующей коалиции между сербами и болгарами и о передаче Салоник сербам, Дедеагача—болгарам. Одновременно с этим, Италия хочет получить от Юго-Славии свободу проникновения в *Албанию,* как ключ к Адриатическому морю, обеспечивающий выгодную позицию в отношении Греции. Но главное, что делает возможным для Италии разрешение адриатического вопроса, так это—*усиление всей средиземной и европейской позиции Италии, которая лишь теперь получает возможность проводить,* в том числе *и в отношении Франции и Англии, политику подлинно великой державы*.

* * *

Параллельно с исканием *политико-стратегического тылового прикрытия* на Адриатическом море, выражением чего служит договор с Белградом, Италия с растущим успехом ищет себе *дипломатического прикрытия в центральной Европе, особенно в лице государств-воспреемников.* Сюда относятся—искание влияния в Польше, Венгрии, Австрии, недавнее соглашение с Чехо-Словакией; повсюду итальянская политика сводится к тому, чтобы положить конец одиосторонне французской ориентации этих государств.

Эта дипломатическая деятельность Италии в сфере, ориентирующейся до сих пор в сторону Франции, дополняется деятельностью финансового характера: таково участие в «оздоровлении» Австрии, Венгрии, табачный заем в Польше, подготовка к реализации займа для Юго-Славии и т. д.

* * *

Делу осуществления этой сознательно-заостренной в определенном направлении великодержавной политики Италии служит широкая программа *усиления морских и воздушных вооружений.* Боевая ценность имеющихся у Италии современных судоходных единиц, вероятно, уже превзошла то, что имеется у Франции; в области построения воздушного флота Италия, несомненно, играет громадную роль на Средиземном море; реорганизация уже имеющихся опорных пунктов для флота и проектируемое сооружение первоклассного базиса для флота в Южной Сардинии свидетельствует о наличии со стороны Италии твердого желания укрепить позиции великой державы и в западном бассейне Средиземного моря.

Общая тенденция итальянской политики направлена, правда, по-прежнему, в большой степени, *против Франции, а одновременно с этим, несомненно, и против Англии.* На сосредоточение Англией флота в Средиземном море Италия реагировала гораздо сильнее, чем Франция. Одновременно с этим, политика Муссолини знаменует сильную реакцию против былого подчинения Италии Англии, характеризовавшего внешнюю политику Шанцера. Также *и в экономическом отношении* Италия стремится освободиться от односторонней зависимости (свой уголь она все в большей мере начинает получать из Америки). Сообразно этому и *в репарационном вопросе* она нащупывает и выявляет все более самостоятельную позицию.

Подводя итог, мы можем установить наличие общей *тенденции к независимому построению итальянской политики и завоеванию положения подлинно-великой державы,* в отличие от того придатка к Англии, коим была Италия на протяжении всего последнего полувека. Внешняя политика итальянских фашистов, правда, является продолжением былой осторожной, пацифистски компромиссной политики умиротворения Европы (хотя уже независимой от Англии и даже не останавливающейся перед созданием конфликтов, как это было с Корфу в 1923 году), но она все же всячески добивается *сдвига в соотношении сил во всей центральной и западной Европе, и тем самым, ведет неизбежно к новым конфликтам.*

Турция.

В общем итоге мировой войны, национальной освободительной войны против Греции и против Севрского постановления и Лозаннского мирного договора, оттоманское государство, простиравшееся раньше на 3 континента и дававшее широкий простор для сложнейшей динамики антагонистических интересов великих держав, превратилось в *чисто национальное государство с весьма ограниченными возможностями для политической хозяйственной деятельности иностранцев. В сфере внутренней политики и экономики* энергично и, повидимому, прочно, установился правительственный режим Кемаль-Исмета, полностью устранивший всякое влияние консервативных элементов и временно отстранивший буржуазно-либеральную, «младо-турецкую» оппозицию, сильно связанную в константинопольских кругах с иностранными интересами Правительство Кемаль-Исмета можно охарактеризовать как коалицию крестьянских и военных элементов с демократически-националистическими тенденциями, крайне недоступную иностранному влиянию. *В политике проливов* Англия вынуждена была согласиться на отказ от всяких реальных гарантий и на предоставление маленькой националистической Турции чисто бумажной «свободы проливов», которая в английском понимании сводится к праву на свободный проход английского военного флота в Черное море против России.

Ограничение возможностей для деятельности иностранцев в Турции, благодаря уменьшению территории и враждебному иностранцам националистическому режиму, отсутствие прежнего выравнивающего соревнования интересов различных великих держав, почти полное, благодаря английскому давлению, вытеснение из Турции Франции, большие трудности даже для чисто экономического укрепления на турецкой почве Италии,—все это приводит к тому, что из всех западных держав,

в сущности только одна *Англия*, заинтересованная в сохранении настоящего положения из-за «свободы проливов», считается в своей мировой политике с новой Турцией, как с *положительным фактором*. Предпосылкой для успеха в Турции английской политики, ставшей после Лозанны весьма неустойчивой, является длительное *устранение Франции*. Осознание Турцией бессилия Франции, как политического противника Англии, весьма вредные для национального возрождения Турции претензии французского капитала (государственные долги, концессии),—все это позволяет предвидеть турецко-французский антагонизм еще на долгое время.

Англия совершила в Лозанне *полный пересмотр своей турецкой политики* и вернулась к политической линии прошлого столетия, т.-е. к отстаиванию самостоятельности Турции. Англия *может и должна* вести последовательную, дружелюбную по отношению к Турции, политику. Она может вести такую политику, потому что достигла одной из своих основных военных целей—отделения арабских областей, потому что тесная связь между Москвой и Ангорой ослаблена и, наконец, потому, что отмена османского халифата в самой Турции дает Англии полную свободу в ее арабской политике и в то же время уничтожает зависимость турецкой политики от позиции англичан по отношению к индийским мусульманам. *Моссульский вопрос* также не будет непреодолимым препятствием для дальнейшего англо-турецкого сближения, так как он создает возможность территориально-финансового компромисса, а быть может, и заключения английского займа в связи с урегулированием вопроса о моссульских границах.

Англия *должна* сохранять дружбу с Турцией, так как она отказалась не только от всех действительных гарантий в вопросе о проливах и от создания политических опорных пунктов для проливов, к чему она долго и упорно стремилась (Фракия), а также и от военно-морских ограничений Турции.

Средством, при помощи которого Англия стремится политически привлечь к себе Турцию, является *экономическая, финансовая помощь*. В области применения политически менее активного торгового капитала, Англия делает Турции такие уступки, что сплошь да рядом даже недостаточно энергично защищает интересы своих подданных. В противовес этому, уже в Лозанне, она путем различных комбинаций банковских групп пыталась подчинить анатолийские *железные дороги* преимущественно английскому контролю. Все эти попытки потерпели крушение, благодаря сильному политическому предубеждению ангорского правительства против всякого «мирного проникновения» иностранного капитала. По тем же причинам Англии до сих пор еще не удалось применение *второго существенного средства* для приобретения косвенного политического влияния,—предоставление крупного английского *займа для восстановления* Турции. Радикальная *политика секуляризации и модернизации* правительства Кемаль-паши, стремящаяся превратить Турцию в демократически-националистическую республику по западному образцу, далеко не оправдывает ожиданий западной «политики проникновения». После полной победы ангорского правительства над константинопольской оппозицией, Англия должна была отказаться от надежды использовать в своих целях «проникновения» Константинополь против Ангоры и младо-турецкие оппозиционные элементы, более доступные западному влиянию,—против кемалистского режима.

Аравия.

Арабское население Передней Азии, вовлеченное Англией под лозунгом «права наций на самоопределение» в войну с Турцией, не смогло осуществить задуманного им *великого аравийского союза федеральных штатов*. После войны оторванные от Оттоманской империи, населенные арабами области не воссоединились в единое аравийское целое, а, наоборот, стали об'ектом межсоюзнических империалистических вожделений и межсоюзной торговли друг с другом. Франция получила Сирию и силой захватила Фейсал, Англия присвоила себе, в виду имеющейся там нефти, Месопотамию, и по соображениям защиты побережья Суэцкого канала навязала сионистскую колониальную конституцию населению Палестины, на две трети состоящему из магометан.

Но вызванное самими западными державами *национальное возрождение арабов*, причисляющих себя к победоносным нациям всемирной войны, переживает лишь начальную стадию и в конечном счете будет иметь весьма крупное значение. Крупный толчок ему дают подрыв английского господства над Египтом и Лозаннская победа Турции. *Что касается Месопотамии*, то быстрое отступление Англии от применяемых ею там драконовских методов колониального управления, вызвавших крупное восстание 1920 года, и переход ее через аннулирование мандата Лиги Наций к заключению соглашения на началах почти равноправных, в обстановке яростной национальной оппозиции со стороны арабов, свидетельствуют о том, что и здесь Англия скоро будет низведена до роли, какую она играет теперь в Египте. *В Палестине* правительство Макдональда подтвердило свое намерение продолжать и в дальнейшем политику, нашедшую свое выражение в сионистской «Декларации Вальфура», но панарабское движение вынудит англичан от своей сионистской позиции отказаться. *В Сирии* положение Франции крайне неустойчиво, не только благодаря давно уже натянутым отношениям с Турцией, из-за Александретты и Антиохии,—но и в результате ошибок, совершенных французской администрацией; повидимому, правы были те, кто предсказывал, что Франции не удастся применять в Сирии методы, столь успешно применявшиеся Лиотеем в Марокко, и что ей предстоит быть из Сирии вытесненной. Панарабское движение враждебно Франции в еще большей степени, чем Англии, а движение это неминуемо перебросится на Сирию.

Упразднение турецкого Халифата, правда, открыло некоторые перспективы Англии, пытавшейся во время всемирной войны с выгодой для себя использовать потерпевшую крушение политику *арабского Халифата*. Но индийские и египетские магометане ставят признание какого бы то ни было халифа в зависимость от решения предстоящего лишь в следующем году всеисламского с'езда халифата, и пока что халифатские планы короля Геджаса временно могут считаться не удавшимися. Сюда присоединяется еще непримиримый, близкий к тому, чтобы вылиться в вооруженную борьбу, конфликт между эмиром Неджедским и юго-западным арабским вождем, с одной стороны и Гуссейном, как орудием Англии, с другой. Индийские мусульмане сделают все от них зависящее, чтобы перебросить борьбу против Англии из Турции в сферу, населенную арабами. Притязания арабского владыки на халифат имеют перспективу на успех у магометан лишь в том случае, если *на-ряду с решительным заострением против Англии борьба* эта будет *в то же время выразителем тенденций панарабского движения*. А это движение

стремится к основанию арабского союза федеральных штатов со включением в него Палестины и Сирии, и тем самым неизбежно вступающей в *конфликт с обеими западными державами.*

Суммируя, можно сказать, что *населенная арабами часть Передней Азии скоро приобретет громадное значение, как арена распада империалистических позиций как Англии, так и Франции.*

Египет.

Египет, имеющий благодаря Суэцкому каналу важнейшее значение для британской мировой империи и зачастую трактуемый как легко уязвимое «горло» ее государственного организма, является в настоящее время *ареной чрезвычайно быстрого и неудержимого упадка английского господства.*

1. Англия уже свыше трех десятилетий фактически владела Египтом, раньше чем она решилась в начале мировой войны об'явить формально свой протекторат над ним. Но под давлением вызванного всюду войной национального освободительного движения Англия, вопреки имевшимся там у нее гарнизонам, осадному положению и успешному подавлению всех восстаний, спустя несколько лет по окончании войны была оттеснена на оборонительные позиции, без каких бы то ни было надежд на улучшение. Все компромиссные попытки затушевать английское господство, в роде начатых Мильнером в 1920 году переговоров с Заглул-пашой, приводили к противоположным результатам, и лишь усиливали враждебное Англии течение. В конечном счете, Англии пришлось выступить в *феврале 1922 года с декларацией, содержащей в себе, по крайней мере, номинальное, признание полной внешней и внутренней независимости Египта.*

2. Это *провозглашение независимости отнюдь не удовлетворило* национальные элементы, группирующиеся вокруг Заглула. Они отвергают одностороннюю британскую декларацию в качестве основы новой египетской конституции, хотя бы уже потому, что *Англия оставляет за собой право регулировать путем дальнейших переговоров между Лондоном и Каиром 4 важнейших пункта,* с явным намерением сохранить за собой в этой области господствующее положение. Сюда входят вопросы: 1) об обеспечении британской империи путей сообщения, особенно Суэцкого канала, 2) о защите Египта от чужеземного вмешательства, 3) об ограждении интересов иностранных подданных и меньшинств, 4) о Суданской конституции.

3. *Первые выборы* в создавшийся на основе этой новой конституции египетский парламент дали подавляющее большинство голосов вернувшемуся из изгнания Заглулу, выдвинувшему в противовес британской декларации 1922 года националистическую программу-максимум, обнимающую собой и те пункты, в которых делает оговорки Англия. *Выборы эти ярко как никогда еще на востоке,* показали, что, преследуя национальную цель освобождения от контроля чужеземцев, крестьянская масса *может сбросить с себя даже те экономические путы,* которые обычно столь сильно сковывают ее свободу мнения: многие всемогущие земельные лорды, кандидаты более умеренной партии дворянства, потерпели поражение в своих собственных районах, а восторжествовали *кандидаты Заглула.*

4) Четыре пункта, явившиеся предметом оговорок со стороны Англии, ярко свидетельствуют о том, что даруемая Англией *«независимость»—лишь мнимая* и заставляют думать, что в дальнейшем *между Египтом и Англией разыграется серьезный конфликт.* Многообещающую в будущем колониальную область, а именно, *южный* хлопковый район, Англия, повидимому, не намерена отдать Египту. Требование Англии, сводящееся к тому, чтобы ей было разрешено держать и впредь в Египте *гарнизоны,* хотя бы и не в столице его, рассматривается Египтом как недопустимое посягательство на его национальное достоинство, а отнюдь не как мера, связанная с защитой Суэцкого канала, так как доступ в Суэцкий канал фактически можно преградить лишь по одержании морской победы над Англией, а с востока, по исчезновении английского господства над Палестиной, Трансиорданией.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. Сталин. О Ленине и ленинизме. Госиздат. Москва. 1924 года. 50.000 экз.

Книга тов. Сталина пока является, несомненно, *лучшим* пособием по ленинизму, хотя она и не носит, не в приемр другим изданиям, громкого и претенционного наименования.

Существеннейшими достоинствами настоящей работы являются: 1) хорошая *планировка, 2) стройность и четкость в изложении* каждой главы, 3) *экономность в «словесности»* при богатстве суммы идей (хотя временами книга действительно написана *конспективно),* 4) очень ясное выявление главного принципа политики РКП: выражение исторических интересов пролетариата.

> «Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос,—пишет т. Сталин в главе «Крестьянский вопрос»,—что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. *Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата,* об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. *Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть—является вопросом производным.*
>
> Это обстоятельство, однако, не лишает его нисколько того серьезного, животрепещущего значения, которое, несомненно, имеет он для пролетарской революции».

Или в главе «Национальный вопрос»:

> «Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции»... Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. *Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата».*

Таким образом, работа имеет основную, совершенно бесспорную и, не в пример многим, четко выявленную идею.

Книга читается с большим интересом, ибо написана не шаблонно и убедительно.

* * *

Не совсем точной представляется нам трактовка вопроса о теории перманентной революции.

> «Некоторые товарищи,—пишет т. Сталин,—оказывается, полагают, что Ленин пришел к этой идее (идее перерастания буржуазной революции в пролетарскую) лишь в 1916 году, что до этого времени он считал, будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть, стало быть, из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдет в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать.
>
> Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершенно не соответствует действительности.
>
> Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на XII с'езде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т.-е. победу демократической революции, квалифицировал не как организацию порядка, а как «организацию войны»...
>
> ...Ленин предлагал *увенчать* дело революции переходом власти к пролетариату, между тем, как сторонники «перманентной» революции думали *начать* дело прямо с власти пролетариата, не понимая, что тем самым они закрывают глаза на такую «мелочь», как пережитки крепостничества, и не принимают в расчет такую серьезную силу, как русское крестьянство, не понимая, что такая политика может лишь затормозить дело завоевания крестьянства на сторону пролетариата».

Здесь все верно и неверно.

Если теория перманентной революции распространить по отношению к России на весь XX век, то в общей форме—она правильна. В этой общей форме она наследована от Маркса Лениным. Разумеется, большевики добивались бы *преобладания* в органах демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но отсутствие *мировой* революции, ее оттяжка—воспрепятствовали бы переходу к социалистической диктатуре пролетариата с захватом фабрик и т. д. Т.т. Троцкий и Парвус применили эту теорию конкретно к революции 1905 года, выбросив тактический лозунг *диктатуры пролетариата,* как заключительного звена перманентной революции в *1905 году.*

Заметьте это: в 1905 году, лозунг диктатуры пролетариата.

Такое применение теории перманентной революции имело несомненный практический политический смысл; оно-то и было ошибочным у т. Троцкого.

Тов. Сталин утверждает, что идея диктатуры пролетариата была не чужда тов. Ленину уже в 1905 году. Это верно и неверно. Верно, что тов. Ленин, учитывая перспективы *возможной* мировой социалистической революции, говорил о *возможном* переходе в фазу социалистической революции в России: *тогда перспектива диктатуры пролетариата* представлялась вполне реальной.

Однако, неверно, что тов. Ленин считал неизбежным превращение демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата. Неверно, потому что при задержке мировой социалистической революции—*внутренние* российские отношения ставили об'ективную преграду для этого превращения. Бланкистами большевики никогда не были. Тов. Сталин в главе «Стратегия и тактика» определяет первый этап в истории революции так: «1903 г.—февраль 1917 г.

Цель—свалить царизм, ликвидировать полностью пережитки средневековья». Это, несомненно, так. Конечно, это ни на минуту не исключаю нашего курса на *мировую* социалистическую революцию, развитие которой могло совершенно изменить и нашу внутреннюю стратегическую установку, но с точки зрения *внутренних социальных отношений* России — мы находились в полосе *буржуазно - демократической революции.*

В статье «Социал-демократия и временное революционное правительство», написанной в марте 1905 года, тов. Ленин критиковал конкретное применение теории перманентной революции Парвусом.

Парвус утверждает, «что революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что, «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством».

Приведя эти цитаты, Ленин пишет:

> «Этого *не может быть,* если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на *громадное большинство народа...*
>
> ...Такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. *Было бы крайне вредно делать* себе *на* этот счет *какие бы то ни было иллюзии».* (Т. VI, стр. 132).

В другом месте—тов. Ленин пишет еще более категорически, пишет так, что другого за это выпороли бы.

> «Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что *после теперешнего революционного под'ема реакция, конечно,* будет *неизбежна,* но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контрреволюционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры». (Т. VI, стр. 210).

Все это вытекает из общей концепции Ленина о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Если революция в России замкнется в национальные рамки, то это только буржуазно-демократическая революция и задача партии большевиков заключается в создании демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как орудия «плебейского» революционного переворота, как «железной метлы», которой будет выметено крепостничество, как власти, захватившей максимум (наделившей крестьян землею и пр.), чтобы отдать в эпоху неизбежной реакции минимум.

Если революция развернется в мировую, тогда другое дело, но именно *тогда* будем говорить и о *новых* лозунгах. Но исходить в тактике нужно из учета конкретных условий, базироваться на реальных факторах, а не на гадательных.

Тов. Ленин взял за исходный пункт российскую революцию 1905 года. Эта революция *могла* быть фактором мирового социалистического

движения, но лишь в том случае, если бы мы обеспечили *успешное развертывание* российской революции; последняя же требует правильного учета классовых взаимоотношений, правильного лозунга, способного мобилизовать широкие массы, а таким лозунгом мог быть лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, но отнюдь еще не «социалистической диктатуры пролетариата».

Тов.-же Троцкий давал формальную теорию перманентной революции, строя свою тактику на гадательных перспективах мировой революции без учета конкретного соотношения сил в России, без конкретной почвы, опираясь на которую можно было бы эту мировую революцию прощупать. Эти методологические позиции повторились в споре о Бресте.

Ленин, учитывая настроение масс России в этот период, говорил: «надо заключить похабный мир, сохранить Советскую власть в России, как очаг грядущей мировой революции». Тов. Троцкий—подходил и к Бресту с точки зрения гадательных перспектив мировой революции: «Мировая революция *неизбежно* поддержит» и т. д.

Мы остановились подробно на вопросе о перманентной революции не потому, что считаем его сейчас *политически* актуальным: это, конечно, не так, но это и не академический ученый спор,—это вопрос *политической методологии.*

Следует отметить далее недостаточную полноту изложения в обосновании нэп'а (глава «Крестьянский вопрос»). Не полным представляется нам и выяснение предпосылок рабоче-крестьянской смычки в октябре 1917 г. Не отмечено, что крупнейшим фактором союза рабочих и крестьян явилось то обстоятельство, что буржуазия была против отдачи земли крестьянам потому, что помещичьи земли были заложены в банках буржуазии.

Крестьянство *вынуждено* было, если оно хотело земли, поддерживать пролетариат в его борьбе против капитала.

Таковы общие замечания по существу *содержания* книги, бесспорно *лучшей* из имеющейся литературы по ленинизму.

Ее *педагогическая* ценность представляется нам тоже очень значительной, хотя, конечно, книга рассчитана на уже подготовленного партийца, а не на ленинский набор, пособие для которого еще ждет своего автора.

Горячо рекомендуем книгу тов. Сталина как прекрасное пособие по ленинизму.

Слепков.

К. Шелавин. Введение в изучение ленинизма. 2-е изд. «Прибой». Лнгр. 1924 г.

В книжке тов. Шелавина прежде всего бросается в глаза скромность ее автора. Только ею можно об'яснить название книжки. «Введение» предрасполагает нас ожидать простого, популярного изложения основ ленинизма, где поневоле погашено всякое авторское «мудрствование». Между тем, здесь меньше всего простоты и популярности. Если даже не говорить сейчас о том, что автор по ряду вопросов отклоняется от обычной трактовки и дает свои «оригинальные» построения—о них речь ниже,—то все же книжку нельзя назвать популярной уже по своей форме. Популярность требует прежде всего *ясности* и *простоты*

изложения. Ясный для всякого план книги—требование безусловное для всякого «введения». Если же заглянуть хотя бы в оглавление рецензируемой книги, то невольно охватывает недоумение,—что хочет сказать автор, почему избраны именно эти вопросы, чем об'ясняется такая последовательность в развертывании темы. Например, основные подразделения таковы: I. *Роль В. И. Ленина в русском и международном рабочем движении.* II. *Значение организованности в классовой борьбе.* III. *Класс и партия. Класс земельных собственников.* IV. *Класс и партия. Пролетариат. V. Заключение.* Поражает прежде всего недостаточность обхвата. Основное в учении Ленина—вопрос о диктатуре пролетариата как-то проглочен, смазаны и важнейшие тактические проблемы, составляющие отличительную суть ленинизма. Все расплывается в одном вопросе (правда, весьма важном) о классах.

Впечатление недостаточного обхвата и сумбурности, беспорядочности развертывания изложения усиливается пропорционально количеству прочитанных страниц и к концу книги читатель должен будет пережить тягостное ощущение каши в голове, если книга *на голову* вообще окажет какое-либо действие.

Популярности в *изложении* у т. Шелавина еще меньше. Так, в своем «Введении» он успевает развернуть дискуссию с т. Бухариным по поводу определения классов, разбирает теорию земельной ренты, обрывками отсылает читателя к пагубным примерам—трэд-юнионизма и синдикализма—факты истории рабочего движения предполагаются уже известными—все это делает книжку понятной и удобочитаемой лишь для довольно подготовленных товарищей. Массовик ничего не может извлечь из нее уже из-за *формы* изложения.

Мы уже не говорим, что тов. Шелавин отличается своеобразным стилем, напоминающим иногда писания середины XIX века, а иногда конкретно—«Записки деда» К. Пруткова. Например:

> «В Англии—в означенные годы рабочий класс и слышать не хотел о социализме, и занимался лишь трэд-юнионистской борьбою—о чем мы в своем месте говорили, указывали причины означенного явления» (Стр. 131).
>
> Или:
>
> «Основной он или не основной,—а уничтожить капиталистическую ренту в пределах капиталистического *государства* до сих пор не приходится, ибо земельные собственники не выражают, вообще говоря (за теми исключениями, кои мы указали в своем месте), желания расстаться со своею *собственностью*» (стр. 153).

Все «означенные» недостатки книжки, «кои» делают ее непригодной в качестве введения уже благодаря только *форме* можно было бы простить в случае внесения т. Шелавиным в сокровищницу ленинизма новых мыслей, положений, или хотя бы формулировок. К сожалению, и в этом автора обвинить нельзя. Там, где он правильно излагает положения ленинизма, он это делает обыкновенно при помощи цитат из Маркса и Ленина; там, где он пытается быть оригинальным, хотя бы в изложении—происходит путаница и извращение положений и Маркса и Ленина. Поэтому с точки зрения научно-познавательной «труд» тов. Шелавина возбуждает к себе интерес исключительно отрицательного свойства. Зато в этом смысле *вся книга* способна пробудить к себе внимательное отношение. Она сплошь усеяна «оригинальностями» тов. Шелавина, при разборе которых можно убедиться, как причудливо иногда переплетаются писательская претенциозность с абсолютным теоретическим невежеством, революционно-коммунистическая крикливая фраза с оппортунистической сущностью трактовки вопросов.

В силу «означенной» сумбурности в построении книги (что находит свое отражение и на порядке развертывания ошибок т. Шелавина) мы вынуждены будем отказаться от следования в разборе книжки за автором, выбрав основные узлы заблуждений т. Шелавина и сосредоточив на них свое внимание.

Теория империализма т. Шелавина.

Учение Ленина об империализме является его основной заслугой, отсюда проистекают и революционность ленинизма и разрешение национального вопроса и оценка значения крестьянства и вся большевистская тактическая линия.

> «*В этом отношении значение т. Ленина для международного рабочего класса совпадает, сливается с гигантской фигурой* (?) *Карла Маркса* (стр. 22).
>
> Что же такое империализм? Монополистический капитализм.
>
> «Что такое монополия? Откуда она взялась? Монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития. Монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья. Монополия выросла из банков... Власть кучки финансистов, иначе—финансовая олигархия, вот в чем проявляется монополия на высшей ступени развития капитализма—империализма.
>
> Монополия выросла из колониальной политики. Финансовому капиталу нужно сырье... Каждый империализм захотел монопольно овладеть колонией. *Только* германский капитализм, скажем, может властвовать в Южной Африке. *Только—он один* (монополия). Рядом с ним нет мест ни английскому, ни французскому» (стр. 23—24).

Конечно, монополистические тенденции финансового капитала являются одной из главных отличительных черт, характеризующих последнюю стадию капитализма, но нельзя же кроме монополии ничего не видеть. В империализме важен как раз не факт монополии—«монополия *выросла*»...—важно стремление к монополии, неизбежно вытекающее из качественного изменения структуры капитализма (акционерные общества, трестирование, слияние с банковым капиталом, раздел мира). Если бы монополия осуществилась, это и означало бы осуществление оппортунистической утопии о сверхимпериализме,—поскольку борьба капиталистических групп сохраняется и обостряется, постольку монополии еще нет, постольку несколько монополистов *борются за монополию.* Наконец, нельзя же все сводить к монополии. По Шелавину она как злой гений империализма лезет из каждой щели: из концентрации, из колоний, из банков. Что же в конце концов это за чудовище? Этого вы от Шелавина не узнаете. Сюда подходит и политическое господство «кучки финансистов» (Так уж и «финансистов»!) и колониальный грабеж, и торговая монополия, и концентрация.

Тов. Шелавин совершенно не понимает того, что финансовый капитал, империализм есть лишь особая стадия, особая *форма капитализма,* он везде сбивается на понимание его в виде одной империалистической страны, или даже отдельного капиталистического предприятия. Об этом говорят следующие перлы:

«Финансовому капиталу нужно сырье... Возможность, что несколько империалистов об'единятся в один (сверхимпериализм)..., что уничтожится конкуренция отдельных империалистов, а, стало-быть, и возможность войн... Развитие отдельных империализмов неравномерно. Силы отдельных империализмов разные. Один сильнее, другой слабее».

Таким образом, здесь вместо анализа экономических условий империализма, анализа уже данного Лениным, Гильфердингом, мы от Шелавина получаем только внешность империализма, правда, описанную, как мы видим, под впечатлением, почти панически. В частности, основного корня империализма международной экономической политики финансового капитала (экспорт капитала, таможенная война и пр.) автор совсем не задел.

А между тем, теория империализма должна об'яснить по Шелавину *все* в учении Ленина.

«Из учения Ленина об империализме вытекает его открытие крестьянства не только в русском масштабе, но и в международном масштабе, вытекает вся постановка национального вопроса.

С учением об империализме идет развитие и учение о государстве, как о форме диктатуры пролетариата, которая должна сменить господство финансовой олигархии» (стр. 34—35).

О связи крестьянского вопроса с империализмом нам еще придется поговорить, в заключение укажем, что и в вопросе о причинах гибели империвлизма у тов. Шелавина путаницы более, чем достаточно.

«Производство... в руках банкирских шаек... превращается в отчаянную борьбу (?) за дележ мира, потоки крови (!)... Оно превращается в величайшее угнетение целых народов и государств. Оно обнаруживает склонность *загнивать* (!?). Оно обнаруживает склонность... производственную страну превращать в страну *паразитическую,* думать (??) не о развитии в стране производства...» (стр. 39).

Неграмотно составленные, общие крикливые фразы—вот вся аргументация почтенного автора.

Уж лучше было бы ограничиться совсем категорическим и совсем курьезным положением:

«А тов. Ленин сказал империализму так же, как и Маркс капитализму—ты должен погибнуть» (стр. 34).

«Все это *подлинная наука рабочей борьбы, все это глубочайшая* теория» (стр. 35) восклицает тов. Шелавин.

Читатель, конечно, придет к иному выводу.

Теория классов т. Шелавина.

Разбору вопроса о классах посвящено более $^2/_3$ книги тов. Шелавина, книги, посвященной ленинизму. Вопрос о классах Шелавин может быть даже немного непропорционально долго обсуждает. Однако, это не мешает ему в понимании класса и классовых отношений оставаться на позиции Каутского.

«Самостоятельно исследуя вопрос, Каутский приходит к выводу, что образует отдельные классы не только общность источников дохода, но также и вытекающая из нее общность интересов и общность противоположности другим классам, из которых каждый стремится присвоить источники доходов других, чтобы сделать доходнее свой собственный» (стр. 51).

Базируясь на этом определении класса автор ведет весь свой анализ в дальнейшем. Потребительская точка зрения, точка зрения источника дохода, оставляющая в тени производственные отношений людей, отношения людей между собой с точки зрения отношений их к факторам общественного производства, служит здесь базой для построения системы ленинизма. Источники дохода—капитал, земля, труд. Сколько резких уничтожающих слов написано по поводу этой пресвятой троицы Марксом. Но нужно поистине быть Шелавиным, чтобы в вопросе о классах Ленина сделать последователем Каутского.

Но, может быть, тов. Шелавин только по видимости принимает определение Каутского, или, может быть, он не видит никакого отличия этого определения от марксистского, ленинского. Такого рода сомнение сопровождает нас до самого конца книжки, где в «Заключении» Шелавин специально останавливается на вопросе об определении класса. Там он доказывает, что заподозривание Каутского в распределительской точке зрения ни на чем не основано, что определение Каутского и определение Бухарина по существу ничем не отличаются друг от друга. Шелавин вполне сознательно защищает Каутского.

«Может показаться, что Каутский проходит мимо «производственного анализа» и переносит все дело в область распределения *видов дохода.*

Такое предположение будет неправильно. Каутский говорит, что класс об'единяется *источником дохода.* Источник дохода в капиталистическом обществе как раз и предполагает: 1) отношения собственности (на землю, на средства и орудия производства), 2) роль в производстве.

Источником дохода рабочего являются его руки, доходом—заработная плата...» (стр. 149).

И далее:

«Но раз дело идет об определении понятия *класса,* то, как нам кажется, можно вполне еще пользоваться определением (первым) К. Каутского со всеми теми выводами, которые вытекают из него» (стр. 150).

Дело не в том, что источник дохода *связан* с производственными отношениями, а в том, чтобы уже в определении понятия класса эта связь была дана, чтобы социальные отношения производства выступали как первичный конститутивный признак классового дробления. Дело в том, чтобы внешним сходством источников дохода (земля, труд) не смазать коренного различия положения в общественном производстве отдельных общественных группировок. Дело в том, чтобы не скатиться на вульгарную, Марксом высмеянную формулу: капитал, земля, труд—процент, рента, заработная плата.

А тов. Шелавин видит сущность ленинизма как раз в этой формуле.

«Эти обстоятельства дают основание сохранять деление Каутского опять-таки со всеми выводами в отношении промежуточных слоев или промежуточных *классов*» (стр. 152).

Из трех классов—капиталисты, земельные собственники, рабочие—особенным вниманием автора пользуются земельные собственники, затем идет пролетариат, и совсем в загоне капиталисты.

«Земельный собственник получает поземельную ренту. При общей сумме национального дохода эта рента может повышаться либо за счет прибыли капиталиста, либо за счет заработной платы...

Если рассмотреть вопрос по отношению к тому, чем владеют земельные собственники, т.-е. пахотными участками, огородами, шахтами или земельными участками в городах, то об'единяющим их в один класс является все-таки (с точки зрения определения К. Каутского), во-первых, общность источника дохода (владение землей), во-вторых, общность противоположности к другим классам и, в-третьих, стремление повысить свою долю дохода из общей суммы дохода нации за счет других классов» (стр. 51—52).

Как мы видим, невинное «определение понятия класс» превращается уже в оппортунистическую теорию классов. По Шелавину существует *один* класс «земельных собственников», включающий в себя и полу-батрака крестьянина и полу-помещика.

Тов. Шелавин конечно видит отличия между этими категориями «земельных собственников», но он их представляет в недопустимо изуродованном виде частичных противоречий *внутри одного класса*. Так как, как тут, так и там источником дохода является земля, а доходом—земельная рента (единственные конститутивные признаки класса), то *основные* классовые интересы об'единяют всех «земельных собственников» против пролетариата и против капиталистов.

Для выяснения этого вопроса он становится на рискованный для недостаточно теоретически грамотного человека путь анализа ренты и поэтому допускает ряд грубейших ошибок.

1) Вводится осмеянная Марксом последовательность перехода к худшим землям, как причина ренты, 2) На-ряду с цитатой из Ленина о происхождении абсолютной земельной ренты из разницы органического состава капитала в промышленности и земледелии стоит собственное глубокомыслие: «*Это и есть абсолютная земельная рента*. Отчего она получилась? Оттого, что *вздулись* цены на хлеб» (стр. 62). Автор, конечно, и не подозревает, что здесь кроются два различных теоретических взгляда. 3) Полнейшее невежество проявляет наш теоретик в обще-экономических вопросах. Так, для анализа абсолютной земельной ренты ему понадобилось «органического строения капитала».

«Что такое органический состав капитала?

Органический состав капитала, по выражению Маркса, «определяется его техническим строением и отражает его».

В чем суть технического строения капитала?

В отношении *постоянного* капитала к *переменному*.

Что такое переменный капитал? Рабочая сила».

Здесь полнейшая теоретическая безграмотность целиком покрывается литературным нахальством. Всем известно, что Маркс никогда не мог и сказать такой чепухи, будто «органический состав капитала определяется его техническим строением», ибо *органический состав капитала и есть технический состав, ценностно выраженный*. В чем дело? Тов. Шелавин попросту процитировал вторую половину фразы Маркса, не поняв и опустив первую половину. У Маркса это место гласит так: «Я называю *органическим составом капитала* его состав, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава» *). Шелавин этого понять не смог. Отсюда у него суть *технического* строения капитала в отношении капитала постоянного к переменному, т.-е. в *ценностном* соотношении частей капитала. Отсюда у него *переменным капиталом* оказывается рабочая сила, а не ее ценностное выражение, нелепость чего бьет в глаза.

*) „К. Маркс, Капитал“ т. I стр. 601.

Рядом с этими шедеврами невежества стоит такая совсем мальчишеская ошибка:

«Отношение прибавочного рабочего времени (часов) ко всему рабочему времени есть *норма прибавочной стоимости*» *(стр. 59)*.

А ведь Маркс совсем популярно раз'яснял, что нормой прибавочной ценности будет отношение прибавочной ценности к *ценности рабочей силы*, или, соответственно, прибавочного времени к *необходимому* рабочему времени.

«Анализ» ренты, со всеми его злоключениями понадобился нашему «теоретику» для того, чтобы доказать, что, несмотря на некоторые различия по размерам владения, *конечные классовые признаки* у всех «земельных собственников» одинаковы.

«Не подлежит ни малейшему сомнению, что противоречия у мелкого собственника к крупным земельным собственникам налицо» (стр. 68).

Но с другой стороны:

«Общность дохода (дифференциальная рента) и вытекающая из нее общность интересов и общность противоположности к другим классам не подлежит никакому сомнению» (стр. 70).

Если тов. Шелавин и допускает борьбу между «коллегами по классу» как он выражается, то это лишь борьба более сильного и более слабого *конкурентов*:

«*Внутри* всего класса земельных собственников идет борьба богатых и бедных, сильнейших и слабейших, (из-за ?) естественного желания мелкого хозяина отстоять свою самостоятельность и не попасть в кабалу крупного земельного собственника» (стр. 67).

В общем, внутри «земельных собственников» отличия, подобные отличиям внутри пролетариата, внутри буржуазии и т. д. Ни больше, ни меньше.

И это ленинизм?

Проморгать основное, после борьбы рабочих и капиталистов, классовое противоречие между помещиками и крестьянами, посадить их за одну скобку «земельных собственников», забыть, что основой ленинизма в крестьянском вопросе является противопоставление крестьян крупным «земельным собственникам», от которых они находятся в различного типа кабале, не заметить, что крестьянство в отношении социальной системы эксплоатации стоит гораздо ближе к рабочему классу, чем к помещикам или их капиталистическим наследникам,—для этого поистине надо обладать «легкостью мысли» Шелавина.

Нечего и говорить, что никакого анализа прослоек *внутри* крестьянства наш автор дать не смог, ни, равно, выяснить тенденции внутренней эволюции крестьянства.

Тов. Шелавин утверждал, что Ленин «открыл» крестьянство благодаря его анализу империализма. Сам же Шелавин поступает как раз, наоборот. Он исходит из «абстрактной схемы классов», не уделяя анализу, конкретных условий развития различных группировок крестьянства ни грана внимания.

Об'яснение соотношения классов через «источник дохода», как мы видим, привело тов. Шелавина к *оппортунистическому замазыва-*

нию соотношения классовых сил внутри «класса земельных собственников».

Характерно, что при анализе рабочего класса тов. Шелавин употребляет как раз те же выражения: «внутриклассовые противоречия, борьба отдельных частей одного класса» и т. д.

В этом анализе есть, конечно, ряд неточностей, есть и прямо неверные места, но после такой «радикальной» ошибки, какую мы наблюдали в крестьянском вопросе, все это кажется мелочью, которая недостойна специального разбора.

Партия и партийная борьба.

> «*Основа всякой борьбы*—это *организованность*. В нынешние времена подобные слова—суть азбука» (стр. 37).

Но Шелавин знает также, что организованность организованности—рознь; он знает, что высшей формой организации является революционная партия пролетариата. Отсюда можно ожидать, что автор нам даст оценку различных типов организации рабочего класса с точки зрения его массовых задач. Определить задачи, поставить на место, указать роль и значение каждой организации (партия, профсоюз, стачка и пр.)—вот чего ожидаем мы от «Введения в изучение ленинизма». Но... на то наш автор—и Шелавин, чтобы обмануть наши ожидания.

Вместо этого, он длинно-длинно рассказывает о вреде трэд-юнионистской, синдикалистской и пр. организованности. Здесь форма организации играет для тов. Шелавина решающую роль. Именно трэд-юнионистская *форма* организации загубила английский и американский рабочие классы. Неправильная организованность рабочих Германии привела их в болото оппортунизма и пр. Стоит посмотреть хотя бы на подзаголовки: 3. *К чему привела организованность рабочих в Германии.* 4. Трэд-юнионизм и *к чему он приводит. Пример Америки.* 6. К чему приводит синдикализм. *Пример Франции.* Увлечение *формой* организации закрывает от тов. Шелавина социально-экономические корни оппортунистичности отдельных групп рабочего класса. Дело вовсе не только в том, что рабочие Америки или Франции не догадались сорганизовать революционную партию пролетариата—эту высшую форму организованности, а и в том, что об'ективные условия жизни рабочих этих стран вынудили их удовлетвориться оппортунистическими выродками организации.

> «*Высшая форма классового об'единения—революционная партия пролетариата*»..
>
> Надобно обратить внимание, что тов. Ленин говорит не просто о партии, а о *революционной* партии пролетариата (стр. 49).

Мысль правильная, хотя и неуклюже выраженная. Однако, это ведь не значит, что ее следует размазывать на десятках страниц, забывая важнейшую роль других массовых организаций пролетариата. Тактика единого фронта, вся работа Коминтерна по завоеванию массовых рабочих организаций становится совершенно непонятной с этой точки зрения.

В разборе взглядов Ленина на партию и партийное строительство следует отметить совершенно недостаточный анализ роли партии в руководстве рабочим классом и организованной стороны вопроса.

Из всей колоссальной важности вопросов строительства партии и задач ее в деле завоевания коммунизма тов. Шелавин выбрал вопрос о роли интеллигенции в построении партии рабочего класса, о стихийности и сознательности.

Если из книжки попытаться исключить цитаты из Маркса и Ленина, то вряд ли найдется хотя бы одно верное положение в этом «Введении».

Очевидно, только голод на популярную литературу по основам ленинизма заставил «Прибой» выпустить книжку Шелавина вторым изданием. Однако, нам кажется, литературный голод недостаточное оправдание для распространения «Введения» Шелавина, так как оно при любых условиях, кроме вреда, кроме извращения ленинизма, ничего дать не может.

М. В-ан.

Протоколы второго с'езда Р.С.-Д.Р.П.

Точная перепечатка с Женевского издания 1903 г. со вступительной статьей с примечаниями и заключительной статьей П. Н. Лепешинского. Истпарт. Изд-во „Прибой“ Ленинград, 1924 г. 421 стр., плюс 130 стр. вступления.

Появился первый из поистине долгожданных томов, издание которых является одной из главных обязанностей Истпарта. За «Протоколами II с'езда» должны последовать протоколы III, IV и V с'ездов, за 1905—1907 годы. Это—основной материал по дореволюционной истории партии и полная недоступность его читающей публике до сих пор составляла серьезное затруднение в деле изучения и распространения в массе знаний по истории партии.

Протоколы II с'езда, наиболее ранние (протоколов I с'езда у нас нет), лучше всего свидетельствуют, что история нашей партии—не «архив», неиссякаемый источник живой мысли и опыта, откуда мы будем черпать науку борьбы вплоть до момента победы коммунизма. Преемственность партийного опыта и партийных традиций так велика, что каждый современный партиец может с интересом (и с большой пользой) мысленно «посетить» второй с'езд партии, взяв в руки его протоколы. Второй с'езд был гордостью и торжеством партии российского пролетариата—это был *первый настоящий* с'езд. Такого с'езда, до Р. С.-Д. Р. П., не сумела созвать *ни одна* политическая партия в России. И его созвала, наперекор стихиям, наиболее гонимая и преследуемая царскими жандармами Р. С.-Д. Р. П., потому, что она была партией самого передового класса России, теперь стоящего у власти.

Но в час гордости и торжества, на II с'езде партию жестоко поразил начавшийся раскол. И когда вышли из печати его протоколы, то тов. Ленин призывал каждого члена партии к внимательнейшему и подробнейшему ознакомлению с ними уже для того, чтобы каждый «своим умом» мог изучить свежие следы раскола партии, доискаться корней и причин.

Организационный вопрос, совсем недавно, несколько месяцев тому назад волновавший нашу партию, послужил отправной точкой раскола на II с'езде. Читатель прочтет здесь и знаменитые речи Аксельрода и Мартова о профессорах и гимназистах (стр. 220, 224), о «каждом стачечнике» (стр. 220) речь тов. Троцкого об «удавной петле» Ленинского

§ I-го, об «интеллигентных одиночках», которых нет смысла «стеснять в правах состояния» (стр. 230), и стремительную отповедь Ленина:

> «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся), чем, чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»... «*Поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше*»... (*стр. 232*).

Здесь и Плеханов еще выступает перед нашими ленинцами, отвечая оппортунисту Акимову:

> «У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона—он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным, и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною (*Тов. Ленин, смеясь, качает отрицательно головой) (стр. 123)*.

Этой Плехановской «твердости» после с'езда хватило ненадолго. Мартов его развел с Лениным. Но уже на с'езде и самому Мартову пророчески предсказывает его дорожку все тот же крайний оппортунист, экономист Акимов, бросая реплику:

> «Что же касается мнения тов. Мартова, что напрасны мои надежды на возникновение *иного течения* в нашей партии, то я должен сказать, что даже *он сам подает мне надежды*» (стр. 262).

Из обсуждения *программы* интересен ряд мест. Прежде всего—плехановское заявление об относительной ценности демократических принципов, которое он сделал вслед за Посадовским:

> «Гипотетически мыслим случай,—сказал Плеханов,—когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права...»

И далее:

> «Если бы выборы парламента оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а, если можно, то через две недели...» (стр. 156).

Как видим, большевики в 1917 и 1918 году отступили от плехановских рецептов только в том, что разогнали учредилку не через две недели, а через два дня.

При обсуждении аграрной программы («отрезков») суть будущего меньшевизма рельефно выразил Махов (Калафати), который заявил, что «*если крестьяне захотят поделить всю землю*», то «*это будет уже не революция*, а *реакция (смех)*» (стр. 190). Еще бесподобнее трэд-юнионистскую узость экономизма тот же оратор выразил в словах:

> «Что значит «поддерживать оппозиционное и революционное движение?» Если это значит способствовать развитию, то я решительно против; у нас единственный революционный класс—пролетариат, остальные—так себе: с боку припека (*общий смех*)... Да, с боку припека, и хотят только попользоваться. Я против того, чтобы их поддерживать. Мы будем вытаскивать для них каштаны из огня» (стр. 209—210).

Наконец, особо стоят дебаты о «стихийности» и «сознательности», которые поднял тов. Мартынов по поводу известных формулировок Ленина, данных им по этому вопросу в брошюре «Что делать?». Длинная

речь тов. Мартынова (стр. 99—109) представляет из себя великолепный пример схоластики и талмудизма. Не внося никаких серьезных предложений или изменений в программу, оратор занимается буквоедством. Он выискивает отступления от марксизма в отдельных резких формулировках Ленина, вырывая их, во-первых, из текста всей брошюры, во-вторых, забывая их служебное значение в известной обстановке, именно, в борьбе с увлечением экономизмом. По речи тов. Мартынова можно учиться, как *не надо* спорить марксистам.

Ленин писал, что рабочее движение «стихийно» стремится «под крылышко буржуазии», что рабочая масса в ходе экономической борьбы способна выработать только «трэд-юнионистское» сознание, что социалистическое сознание «извне» привносится в классовую борьбу пролетариата выходцами из буржуазной интеллигенции, что задача с.-д. состоит в «борьбе со стихийностью», в том, чтобы «совлечь» *) рабочее движение с его «стихийного» пути.

Правильно оценить эти формулировки можно, только сопоставив их с обстановкой спора. В каком случае они *могли бы* принести вред? Если бы в данный исторический период опасность для молодой с.-д. партии состояла в сектантстве, в бланкизме, в отдалении от массового движения, или в интеллигентском культурничестве, или в увлечении индивидуальным террором и пр. В *таких* условиях к неосторожным формулировкам о «борьбе» со стихийностью, об «извне внесенном» социализме и пр., пожалуй, могла бы прилипнуть оппортунистическая грязь.

Но в том-то и сила Ленина, что он имел исключительное чутье исторической обстановки. Очередная опасность заключалась в «экономизме», который представлял собою полную противоположность сектантству и бланкизму, был совсем другой, *оборотной* стороной их. Именно—*преклонение перед стихийностью* масс, растворение в массе, «хвостизм»—вот в чем заключалась тогда болезнь. А от *этой* болезни ленинские формулировки радикально вылечивали того, кто их продумывал до конца. Недаром первое поколение старой большевистской партии, недаром все большевики воспитались на «Что делать?».

Тов. Мартынов эту историческую обусловленность брошюры Ленина не выясняет с'езду. Вместо этого, он дает отвлеченную, абстрактную критику формулировок, критикует *буквы, а не дух* «Что делать?». И тов. Ленину в ответном слове (стр. 121—122) совсем нетрудно в двух словах опровергнуть длинную речь тов. Мартынова.

К протоколам II с'езда следует приступить, предварительно прочтя брошюру Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г., соч. т. *V*), посвященную специально разбору этих протоколов, с диаграммой о важнейших голосованиях и пр. Не лишне было бы ее (и еще некоторые Ленинские документы прямо приложить к переизданным протоколам. Во всяком случае, было необходимо на страницы протоколов, имеющиеся в «Шагах», переправить применительно к новому изданию протоколов. Последние не поздно выполнить, хотя бы в ближайшем номере «Пролетарской Революции». Там же следует выправить опечатки, хотя бы наиболее важные. Например, Русов, произносящий при выборах речь, на которую ссылается Ленин в «Шагах», в новом издании

---

*) В протоколах опечатка: вместо „совлечь“ напечатано „вовлечь“ (стр. 102). На стр. 121 внизу, - в речи Ленина, также опечатка: вместо „фантом“ напечатано „фактом“.

протоколов без достаточных на то оснований, переодет в Гусева (стр. 300).

Приходится пожалеть об отсутствии предметного оглавления и указателя, что крайне затрудняет ориентировку в протоколах. Из первого издания перепечатано лишь ничего не говорящее оглавление заседаний («первое, второе» и пр.).

Приемчания к протоколам составлены тов. Лепешинским, в общем, хорошо и внимательно. Вступительная статья излишне растянута (130 страниц). В заключительной статье проявляется «недостаток, служащий продолжением достоинств» автора: пишущий очень популярно, тов. Лепешинский иногда сбивается на чересчур... «беллетристический» тон, не совсем идущий к изданию Протоколов партийного с'езда, в роде того, что:

> «Ваши условия?—галантно спрашивает Ц. К. у оппозиции.—О, мне лишнего не нужно,—скромничает оппозиция.—Я попрошу у вас только четырех вещей: 1- кооптации четырех бывших редакторов в Ц. О., 2) кооптации определенного числа членов в Ц. К., 3) обеспечения двух мест в совете и 4) признания законности с'езда Лиги и ее администрации...
>
> — Невозможно,—нервничает Ц. К.—Это же ведь неслыханная цена... Лойяльность на рынке котируется сейчас, поверьте на совесть, дешевле»...
>
> Или, вот далее:
>
> « — Пхе...—вздергивает носик, знающая себе цену оппозиция.—Какой невежа и нахал»... (т.-е., что про Ц. К. сказано). «Что это означает ультиматум?... А если я захочу наплевать на вашу последнюю цену?... Что же вы—из пистолета меня застрелите, что ли?»... (стр. 395).
>
> И т. д., в том же духе.

Но, в общем, заключительная статья о ходе раскола после с'езда, нужна и интересна.

В. Астров.

Как не надо обучать экономической политике партии.

(Ю. Ларин: «Уроки кризиса и экономическая политика». Изд. «Моск. Рабочий». Москва 1924 г.).

Сложность экономической политики нашей партии в условиях переходного периода, при разрухе промышленности, преобладающем значении в нашем хозяйстве мелкого крестьянского хозяйства и т. д., требует крайне вдумчивого и внимательного отношения всех органов партии к об'яснению и раз'яснению нашей хозяйственной политики, особенно основ новой экономической политики, широким массам рабочего класса и трудового народа вообще. Со стороны рабочего класса требовалось много сознательности и практической выдержки, чтобы понять и принять, что, напр., в условиях 1921—22 гг. восстановление сельского хозяйства и помощь крестьянству должна была стоять на первом плане. Не напрасно Владимир Ильич почти год после введения новой экономической политики так тщательно раз'яснял широким слоям членов партии и рабочего класса именно основы новой экономической политики.

Между тем... между тем в этом отношении не все обстоит благополучно.

* * *

Несколько времени тому назад издательство Московского Комитета партии «Московский Рабочий» выпустило брошюрку т. Ларина «Уроки кризиса и экономическая политика». В этой брошюре т. Ларин разбирает все основные вопросы хозяйственного бытия и хозяйственной политики партии. В брошюрке использованы опубликованные в периодической печати статьи автора и—что очень приятно—«с исправлением в них ошибок и расчетов на основании последних более полных сведений», как заявляет сам автор *). Не будем отрицать, что отдельные главки в брошюре интересны и полезны, тем более, что в них устранены те положения, какие, в частности, нам приходилось в свое время критиковать. Но по *основному* вопросу—о новой экономической политике—что и как говорит автор? И как раз здесь рассуждения автора таковы, что только диву даешься. Автор со времени печальной (правильнее сказать, смешной) памяти группки «коммунистической реакции» конца 1921 г., оказывается, *ничего не понял, ничего не усвоил*. Для него все сводится к тому, что партия и Советская власть будто бы в 1924 г. возвращается к положениям этой интеллигентской группки «коммунистической реакции». Послушаем, однако, самого автора.

«Глупо винить за кризис отдельные ведомства и отдельные меры—виноваты все мы ,*виновата система*» (курсив автора. Г. К.). Уже это положение вводит нас в суть ларинских построений. И всего примечательней то, что автор все время, на всем протяжении брошюры, к месту и не к месту, напоминает, что такое-то положение выдвинуто за столько-то дней до опубликования резолюции ЦК «об очередных задачах экономической политики» (25 декабря), другое положение за столько-то дней, а все вместе «соответствуют» резолюции ЦК (см. предисловие).

Итак, в кризисе «виновата система». «Вполне могла быть устроена (устранена? Г. К.) бесплановность нашего собственного государственного хозяйства. Бесплатность (бесплановость? Г. К.) государственного хозяйства была сделана системой нами самими—нэп в его основном смысле (свобода крестьянского хозяйства) тут не виноват» (стр. 90). «Палка бесплановго нэп'а была слишком перегнута—вот урок нашего обидного поражения... Кто при виде нынешнего кризиса не понимает, что у нас неизбежно должен начаться теперь *внимательнейший пересмотр всех соответственных сторон нэп'а*—того могила исправит» (стр. 92). Бедный XIII с'езд партии, который не пожелал нэп'а пересматривать, а говорил даже о международной значимости новой экономической политики! Конечно, его исправит только могила, т.-е. окончательное торжество социалистического хозяйства.

В чем должен состоять пересмотр нэп'а? «Первоначальный нэп, как он был провозглашен и начал проводиться Вл. Ил. Лениным, состоял из двух элементов: признание *крестьянского рынка* и утверждение *планового начала* в государственном хозяйстве». «Нэп последнего периода (1922 и особенно 1923 гг.), нэп «развернутый» перешел от простого признания крестьянского рынка *к организации всей хозяйственной жизни, на основе экономической свободы,* на основе чрезвычайно слабо организованного увязывания государственным центром всех сто-

---

*) „Я не имею сейчас возможности проверить эти „исправленные“ цифры, хотя и с первого взгляда кое-что внушает сомнения“.

рон хозяйства». Вот почему «происшедший экономический кризис... не может не стать *исходным пунктом пересмотра всей системы нэп'а, как она установилась в последнее время*» (стр. 91, 92, 100).

«В первой половине 1922 г. мы перешли от «новой экономической политики» (крестьянский рынок плюс план) к «новейшей экономической политике» (ставка на стихийное развитие с полным развертыванием «коммерческих принципов» в государственных предприятиях и с фактическим крупным ростом торговой буржуазии)». Нужно вернуться обратно к «новой экономической политике». Важнейшая составная часть этой «новой эконом. политики»—проект декрета о трестах, разработанный под руководством Ларина группкой «коммунистической реакции» в конце 21 года, следовательно, отмена декрета о трестах от 10/IV 1923 г. «Кто в самом деле помнит и соблюдает теперь нашу «великую хартию экономических свобод», скромно именуемую, «положением о трестах от 10 апреля 1923 года?» восклицает автор. «Прошло с полгода—«и что осталось от гордых сильных сих мужей? Их поколенье миновалось»—и без всякой войны центральная власть (вполне разумно, но вопреки декрету 10 апреля) ликвидировала свободу каждого хозяйственного об'единения определять свою политику цен—и тем самым вообще свою политику».

Таково построение автора, лежащее в основе всей брошюры.

Не будем останавливаться на карикатурном изображении периода 22 и 23 годов. Остановимся на делении—«новая» и «новейшая экономическая политика». Конечно, формула нэп'а, даваемая Лариным, *неверна*. Нэп отнюдь не есть крестьянский рынок плюс план. Даже в самые первые месяцы нэп'а говорилось о «свободном *местном* обороте», что отнюдь не обозначает свободы только крестьянского рынка. Нэп—это *рынок* плюс план, при чем такой план, который исходит как из основного, важнейшего фактора планирования, из рынка, емкости рынка. Вот почему Ленин и говорил, что меняется *подход* к плану.

Всем известно, что еще в сентябре 1921 г. Ленин говорил об отступлении к границам *денежного обращения* и государственного обращения и государственного регулирования купли-продажи. Тут же Ленин специально указывал, что коммунистическое производство и распределение и *в городе* потерпело поражение. Это было, повторяем, в конце 1921 г. Что касается 1922 г., то всем известна знаменитая речь Владимира Ильича в декабре на IV конгрессе Коминтерна, защищавшая всю политику партии до того момента. Мало того. Всем известна также (кроме, конечно, Ларина) статья Владимира Ильича о кооперации от начала *23 г.*, где Владимир Ильич указывает, что ошибка (я не помню сейчас дословно формулировки) отнюдь не в развертывании принципов хозяйственного расчета, степени этого развертывания, а в том, что позабыли о кооперации.

Поэтому XIII с'езд партии с полным правом констатировал, что партия осуществляла и осуществляет ленинскую хозяйственную политику. Номер Ларина об антиленинской политике партии с 1922 г. *не пройдет*. Этому не поверит и партийный молодняк. А если поверит, то быстро убедится, что ему вколачивается в голову ларинский вздор.

Затем, я имел неоднократно случай указывать, что совершенно неправильно противопоставлять плановость внутри государственного круга хозяйства бесплановости крестьянского хозяйства. В этом, между прочим, ошибка т. Троцкого, которую перенимает Ларин, желающий критиковать оппозицию. Это только показывает, как не сведены концы с концами у Ларина... Отношения государственного круга хозяйства и стихии мелкого хозяйства в тысячу раз сложнее, чем противопоставление—плановость—бесплановость.

По человечеству, конечно, понятно, почему Ларин считает ленинскую хозяйственную политику только до конца 1921 г. Ибо в начале 22 года проект Ларина о госпромышленности был предан забвению. Напомню читателю, что проект этот заключался в том, что все госпредприятия считаются на государственном снабжении. Трестам и т. д. разрешалось реализовать на рынке определенный процент своей продукции, величина этой реализуемой на рынке части зависела от успешности госснабжения. Если предприятие в порядке госснабжения ничего не получает, то оно считается *на госснабжении* в размере нуля процентов... Вот к этой глупости советское хозяйство, будто бы, возвращается в 1924 г. Ничевошеньки-таки не понял и не понимает автор! Он только и знает, как подход к хозяйству со стороны распределения...

На стр. 104 автор пишет: «сопоставление моей статьи и резолюции ЦК и врагам и друзьям непреложно свидетельствует об изживании экономических разногласий внутри нашей партии». Не знаю, как врагам, но друзьям разногласия Ларина ничего не говорят...

* * *

Как рекомендует партийное издательство эту брошюру партийному молодняку, новым членам партии и т. д.? В предисловии тов. Стуков пишет: «не все положения и предложения тов. Ларина мы разделяем... однако, брошюра тов. Ларина в общем и целом ставит и решает вопросы в направлении тезисов ЦК об экономической политике». Такова рекомендация. Между тем, дело обстоит как раз наоборот: отдельные положения и предложения в духе резолюции ЦК, а «в общем и целом», по основным вопросам экономической политики,—ларинские сказки, путаница.

Закончим, с чего начали. Сейчас с особой тщательностью и серьезностью надлежит раз'яснять новую экономическую политику. Пора от приготовительного класса всем перейти в первый. Помочь этому—обязанность партийных литераторов, партийных издательств.

Г. Крумин.

Редакция: Н. Бухарин. Ил. Вардин. Л. Каменев.

СОДЕРЖАНИЕ.